
ДЖЕЙМС ХЭДЛИ
ЧЕЙЗ

ПОЛОЖИТЕ
ЕЕ
СРЕДИ
ЛИЛИЙ

Джеймс Хэдли Чейз

ПОЛОЖИТЕ ЕЕ СРЕДИ ЛИЛИЙ

Роман

ОБЩЕСТВО «КНИГА»
1990

Перевод с английского В. Постникова
Редактор Евгений Кузьмин
Художник Юрий Макаров

Роман «Положите ее среди лилий» — одно из наиболее интересных произведений популярного мастера детективного жанра Джеймса Хэдли Чейза, чье творчество имеет многочисленных поклонников во всем мире. Роман сразу же захватывает внимание читателя, вовлекает в орбиту страстей неординарных героев писателя и держит в напряжении до последней страницы.

ISBN 5-857-02-005-0

ПОЛОЖИТЕ ЕЕ СРЕДИ ЛИЛИЙ

Глава первая

I

В такое душное июльское утро, каким оно выдалось в тот день, хорошо бы лежать на пляже с любимой блондинкой, но уж вовсе не томиться в конторе, как это приходилось мне.

В открытые окна доносились шум проносившихся по бульвару Орчид машин, гул кружнвших над пляжем самолетов и еле различимый шум прибоя. Сокрытая где-то в недрах «Орчид Билдингс» установка по кондиционированию воздуха весьма успешно справлялась со своей задачей. Солнечные лучи, жаркие и золотые, высвечивали узоры на ковре, который Пола купила, чтобы производить впечатление на клиентов, но который всегда казался мне слишком дорогим, чтобы по нему ступать.

Я восседал за письменным столом, разбросав на нем несколько старых писем, чтобы у Полы, если вдруг она заглянет в кабинет, создалось впечатление, что я работаю. «Хайбол», такой крепкий, что от него бы потрескался бетон, был надежно укрыт за двумя-тремя фолиантами по юриспруденции, а когда я протягивал к нему руку, в нем позвякивал лед.

Прошло уже три с половиной года с тех пор, как я основал бюро «Универсальных услуг», фирму, которая выполняла любую работу: от выгуливания любимого пуделя до приручивания обнаглевшего шантажиста, запустившего лапу в карман какого-нибудь клиента. В принципе, это служба для миллионеров, поскольку за услуги мы брали недешево, но ведь в Орчид-сити миллионеров чуть ли не столько же, сколько песчинок на пляже. За эти три с половиной года мы, особенно себя не утруждая, неплохо подзаработали.

Последние несколько дней в делах было затишье. Обычная работа шла своим чередом, но ею занималась Пола Бенсинджер. И лишь когда на горизонте появлялось что-то необычное, в дело вступали я и мой оперативник Джек Керман. Ну, а поскольку ничего необычного не было, мы просто сидели и ждали, потягивая виски и делая вид перед Полой, будто заняты.

Развалившись в кресле, предназначенном для клиентов, Джек Керман, высокий худощавый щеголь с широкой полоской седины в густых черных волосах и с усами под Кларка Гейбла*, приложил ко лбу свой «хайбол» и расслабился. В безупречном оливково-зеленом тропическом костюме, в желто-красном полосатом галстуке, в броских, с темно-зелеными пятнами туфлях из лосиной кожи, он, казалось, сошел со страниц журнала «Эсквайр».

— Такая цыпочка! — сказал он, прервав долгую задумчивость. — Отруби ей руки — ни в чем не уступит Венере Милосской! — Он устроился поудобнее и вздохнул. — Жаль, что никто ей их не отрубил. Боже! Она оказалась такая сильная! А я-то, дурак, решил, что добиться ее будет раз плюнуть!

— Прошу тебя, не надо, — умоляюще сказал я, потянувшись за «хайболом». — Эта песня мне уже надоела. Уволь. Уж о чем мне не хочется слушать в такое утро, так это о твоих амурных делах. Я уж скорее почитаю Краффта-Эбинга.

— Этот старый козел ничего тебе не даст, — с презрением отозвался Керман. — У него все лакомые кусочки написаны на латинском.

— Ты бы удивился, узнав, сколько народу повыучивало латинский, только ради того, чтобы узнать, что именно он там написал. Вот это и называется убить двух зайцев сразу.

— Твои слова снова возвращают нас к моей блондинке, — сказал Керман, протягивая длинные ноги. — Вчера я случайно встретился с нею в драгсторе Барни...

— Блондинки меня не интересуют, — твердо заявил я. — Вместо того чтобы сидеть тут и болтать о женщинах, пошел бы лучше и подыскал нам какую-нибудь новую работенку. Право, я порой задумываюсь, а за что, собственно, плачу тебе деньги.

Керман и сам подумал над моими словами, и на лице у него появилось выражение удивления.

— Тебе нужна новая работа? — спросил он наконец. — Я считал, у нас будет так: Пола делает всю работу, а мы живем за ее счет.

— В общем-то, да, и все же время от времени тебе бы не мешало и самому зарабатывать на пропитание.

— Вот именно — время от времени. А то я чуть не подумал, что прямо сейчас. — Он отхлебнул из стакана и закрыл глаза. — Так вот, эта блондинка, о которой я все пытаюсь тебе рассказать, девочка — пальчики оближешь. Когда я попытался назначить ей свидание, она заявила, что за мужчинами не бегает. И знаешь, что я ей ответил?

— И что же ты ей ответил? — спросил я, потому как он бы все равно мне сказал, да и потом, если бы я не слушал его басни, кто бы стал слушать мои?

Керман фыркнул от смеха.

---

* Кларк Гейбл (1901—1960) — выдающийся американский киноактер, исполнитель роли Ретта Батлера в фильме «Унесенные ветром» (1939).

— Леди, — сказал я, — может вы и не бегаете за мужчинами, но ведь и мышеловке не приходится бегать за мышами. Здорово, правда? Ну, это сразило ее наповал. А морщиться тебе вовсе не обязательно. Ты-то, может, это не раз слышал, зато она не слышала.

Тут, однако, не успел я даже спрятать «хайбол», дверь резко распахнулась, и в комнату вошла Пола.

Пола — высокая темноволосая красавица с холодными немигающими карими глазами и фигурой, при виде которой в голову лезет черт знает что. Легкая на подъем, неутомимая работница, заражающая своей энергией, именно она уговорила меня основать бюро «Универсальных услуг» — и одолжила денег, чтобы я смог прокантоваться первые полгода. Только благодаря ее умению справляться с административной стороной дела «Универсальные услуги» более или менее преуспевали. Если, образно говоря, я был мозгом нашего предприятия, ее можно было назвать позвоночным столбом. Без нее наша фирма свернула бы свою деятельность в недельный срок.

— Неужели, кроме как сидеть тут и пить, нельзя подыскать себе занятие получше? — спросила она, остановившись перед столом и обвиняюще глядя на меня.

— А что может быть лучше? — без особого интереса спросил Керман.

Она кинула на него испепеляющий взгляд и снова обратила свои ясные карие глаза на меня.

— Собственно говоря, мы с Джеком как раз собирались выйти и подыскать себе какое-нибудь новое дело, — сказал я, поспешно отталкивая стул назад. — Идем, Джек. Идем поглядим, нет ли где чего.

— А искать где будете, в баре у Финнегана? — с презрением спросила Пола.

— А что, неплохая идея, злючка, — заметил Керман. — Может, у Финнегана для нас и впрямь что-нибудь сыщется.

— Прежде чем ты уйдешь, тебе, вероятно, захочется взглянуть вот на это, — сказала Пола и помахала у меня перед носом продолговатым конвертом. — Его только что принес сторож. Он обнаружил его в кармане старого плаща, который ты ему столь великодушно подарил.

— Это он принес? — произнес я, беря конверт. — Странно. Я не надевал этот плащ больше года.

— Штамп погашения марки подтверждает твои слова, — со зловещим спокойствием сказала Пола. — Письмо было отправлено четырнадцать месяцев назад. Я полагаю, не мог же ты положить его в карман и совершенно о нем забыть? Ты ведь не такой, правда?

Письмо было адресовано мне аккуратным женским почерком и еще не вскрыто.

— Что-то не припомню, чтобы я его видел когда-либо прежде, — сказал я.

— Это и не удивительно, если учесть, что ты вообще никогда ничего не помнишь, если только я тебе не напомню, — ехидно вставила Пола.

— В один прекрасный день, маленькая моя гарпия, — с нежностью заметил Керман, — кто-нибудь возьмет, да и отшлепает тебя по турнюру.

— Этим ее не остановишь, — сказал я, вскрывая конверт. — Я уже пробовал. Она становится еще хуже. — Сунув пальцы в конверт, я извлек листок бумаги и пять сотенных банкнотов.

— Боже милостивый! — воскликнул Керман, уставившись себе под ноги. — И ты отдал это сторожу?

— Теперь еще ты начнешь, — сказал я и прочел письмо:

Крестуэйз, бульвар Футхилл,
Орчид-сити, 15 мая 1948 г.

Будьте добры навестить меня завтра в 3 часа пополудни по указанному выше адресу. Я сообщу вам сведения о человеке, который шантажирует мою сестру. Насколько я понимаю, эта работа по вашей части. Пожалуйста, отнеситесь к этому письму как к доверительному и срочному. Вкладываю пятьсот долларов в качестве задатка.

Джэнет Кросби.

Наступило долгое и гнетущее молчание. Даже Джеку Керману было нечего сказать. Мы считали, что рекламой нам будут служить рекомендации, но когда держишь 500 долларов, принадлежащих вероятному клиенту, 14 месяцев и даже не признаешься, что ты их получил, — какие уж там рекомендации?

— Срочное и доверительное, — пробормотала Пола. — Продержав у себя четырнадцать месяцев, он отдает его сторожу, чтобы тот показывал письмо своим дружкам. Просто удивительно!

— Заткнись! — огрызнулся я. — Почему она не позвонила и не попросила объяснений? Наверное, догадалась, что письмо попало не по адресу... Одну минуточку... Она же умерла, разве не так? Одна из сестер Кросби умерла. Это не Джэнет?

— По-моему, да, — сказала Пола. — Сейчас я проверю.

— И откопай все, что у нас есть о Кросби.

Когда она вышла в приемную, я сказал:

— Я уверен, что она умерла. Полагаю деньги придется вернуть лицам, управляющим имуществом по доверенности?

— Если мы это сделаем, — сказал Керман, не любивший расставаться с деньгами, — об этом может прослышать пресса. Подобная история послужила бы нам шикарной рекламой — ты только посмотри, как они ведут свои дела! Надо быть поосторожней, Вик! Вероятно, благоразумнее ничего пока не предпринимать и ничего не говорить.

— Этого мы сделать не можем. Пусть мы плохо работаем, но давайте хотя бы будем честными.

Керман снова сложился в кресле.

— Безопаснее не будить лихо. Кросби, по-моему, имеет какое-то отношение к нефти, нет?

— Имел. Пару лет назад он случайно застрелился. — Я взял нож для бумаг и принялся делать дырки в промокашке. — Ума не приложу, как это я умудрился оставить письмо в плаще. Теперь Пола меня съест.

Керман, хорошо знавший Полу, сочувственно мне улыбнулся.

— А ты врежь ей под ребра, если станет пилить, — сказал он, желая помочь мне. — Боже, как я рад, что это не я!

Когда Пола вернулась с кучей газетных вырезок, я все еще тыкал ножом в промокашку.

— Она умерла от сердечной недостаточности пятнадцатого мая, в тот самый день, когда написала письмо. Неудивительно, что она не напомнила тебе о себе, — сказала Пола, закрывая дверь кабинета.

— От сердечной недостаточности? Сколько же ей было лет?

— Двадцать пять.

Я положил нож для бумаг и потянулся за сигаретой.

— Вроде бы слишком молода, чтобы умирать от сердечной недостаточности. Во всяком случае, давай послушаем, что ты нашла.

— Не так уж и много. Большей частью, нам все это известно, — сказала Пола, присаживаясь на край стола. — Макдоналд Кросби нажил свои миллионы на нефти. Он был строгим, не вызывавшим к себе любви квакером с неимоверно узким кругозором. Дважды состоял в браке. Джэнет, старшая на четыре года, была от первой жены, Морин — от второй. В 1943-м он отошел от дел и поселился в Орчид-сити. А прежде жил в Сан-Франциско. Более непохожих двух девушек и представить трудно. Джэнет была трудолюбивой, старательной и большую часть времени прово́дила, рисуя картины. Несколько ее картин маслом висят в Музее искусств. Она, похоже, обладала талантом, была застенчива и резка по натуре. Морин — красавица в семье. Необузданна и распутна. До самой смерти Кросби она постоянно попадала на первые страницы газет из-за всяческих скандалов.

— Каких, например?

— Пару лет назад сбила человека на Центральной авеню, и тот скончался на месте. По слухам, она была пьяна, что похоже на правду, поскольку пила Морин как сапожник. Кросби уладил дело с полицией, и она отделалась большим штрафом за опасное вождение. В другой раз она проехала по бульвару Орчид на лошади в чем мать родила. Кто-то поспорил с ней, что, мол, у нее не хватит смелости, ну, а у нее хватило.

— Позвольте разобраться, — сказал Керман, возбужденно выпрямляясь. — Это лошадь или девушка была в чем мать родила?

— Девушка, дурачина!

— Тогда где же был я? Я ее не видел.

— Она проехала всего ярдов пятьдесят, и ее тут же схватили.

— Окажись я поблизости, она бы и столько не проехала.

— Без грубостей, пожалуйста, и помолчи!

— Да, такая, как она, отменный объект для шантажа, — заметил я.

Пола кивнула.

— О смерти Кросби вам известно. Он чистил ружье у себя в кабинете, оно выстрелило и убило его. Три четверти состояния Кросби оставил Джэнет без всяких условий, а четверть — Морин, назначив ей опекуна. Со смертью Джэнет, Морин досталось все огромное состояние, и она, похоже, стала совершенно другим человеком. С тех пор, как она потеряла сестру, о ней ни разу не упоминалось в прессе.

— Когда умер Кросби? — спросил я.

— В марте 1948-го. За два месяца до смерти Джэнет.

— Весьма удобно для Морин.

Пола вскинула брови.

— Да. Джэнет тяжело переживала смерть отца. Особым здоровьем она никогда не отличалась, и, согласно утверждениям прессы, этот удар прикончил ее.

— И все равно, весьма удобно для Морин. Мне это не нравится, Пола. Возможно, я подозрителен по натуре. Джэнет пишет мне, что кто-то шантажирует ее сестру, затем она моментально умирает от сердечной недостаточности, а ее деньги достаются сестре. Уж больно удобный для нее расклад.

— Не вижу, что мы тут можем сделать, — сказала Пола, хмурясь. — Не можем же мы действовать от имени покойного клиента.

— А вот и можем. — Я похлопал по пяти стодолларовым банкнотам. — Мне либо придется вернуть эти деньги опекунскому совету, либо попытаться их заработать. Пожалуй, я попытаюсь их заработать.

— Четырнадцать месяцев — долгий срок, — с сомнением сказал Керман. — След давно остыл.

— Если вообще есть какой-то след, — поддержала его Пола.

— С другой стороны, — ответил я, — если в смерти Джэнет есть что-то зловещее, четырнадцать месяцев обеспечивают приятное чувство безопасности, а когда чувствуешь себя в безопасности, теряешь бдительность. Пожалуй, съезжу-ка я к Морин Кросби и посмотрю, как ей нравится тратить деньги сестры.

Керман простонал.

— Что-то подсказывает мне, что короткий период безделья закончился, — с грустью произнес он. — Я еще подумал, что он слишком сладок, чтобы долго продолжаться. Приниматься за работу немедленно или подождать, пока ты вернешься?

— Подожди, пока я вернусь, — сказал я, направляясь к двери. — Но, если ты назначил свидание с этой твоей мышеловкой, ты уж попроси ее подыскать другую мышку.

II

Крестуэйз, поместье Кросби, виднелось за низкими, поросшими бугенвилеем стенами, над которыми поднималась высокая зеленая изгородь из австралийской сосны, а уж за нею шел блестящий забор против циклона, увенчанный колючей проволокой. Вход охраняли тяжелые деревянные ворота с глазком для подсматривания в правой по ходу створке.

С полдюжины подобных поместий были разбросаны вдоль бульвара Футхилл, доходя до пустыни Кристального Озера. Примерно акр ничьей земли, песчаной, поросшей кустарником, с колыхавшимися над нею волнами жара, отделял одно поместье от другого.

Я подкатил на довоенном «бьюике» с откидывавшимся верхом и без особого интереса оглядел ворота. Если не считать нацарапанного на стене названия дома, в нем не было ничего особенно примечательного по сравнению с поместьями других миллионеров в Орчид-сити. Они все маячили за неприступными стенами. У них у всех были деревянные ворота, чтобы не проникли нежеланные посетители. От них от всех исходил тот же самый вызывающий подобострастие покой, тот же запах цветов и хорошо политых газонов. Хотя я и не мог проникнуть взором за ворота, я знал, что там окажется такой же великолепный бассейн, такой же аквариум, такая же рододендроновая аллея, такой же — в углублении — розарий. Если у вас есть миллион долларов, надо жить с таким же размахом, с каким живут другие миллионеры, иначе вас примут за подонка. Так было, так есть, так всегда будет — если у вас есть миллион..

Отпирать ворота, похоже, никто не спешил, поэтому я вылез из машины и потянул за цепочку для звонка. Звонок звенел приглушенно и как-то боязливо.

Никакой реакции не последовало. Солнце нещадно палило. Температура подскочила еще градусов на пять. Было слишком жарко даже для такого легкого упражнения, как тянуть за цепочку звонка. Отпустив ее, я толкнул ворота, и они при моем прикосновении сразу же отворились. Я посмотрел на представшую пред моим взором лужайку — такую большую, что на ней запросто можно было бы проводить танковые маневры. В том месяце траву не подстригали, как не подстригали ее, собственно, и месяцем раньше. Не получили должного внимания и две длинные полоски травы по обеим сторонам широкой подъездной аллеи — ими не занимались с осени. Желтые нарциссы и тюльпаны беспорядочными бурыми пятнами пестрели посреди увядших головок пионов. На бетонированной подъездной аллее проросли сорняки. Роза, на которую никто не обращал внимания, истерически билась на ленивом ветерке, долетавшем из пустыни. Это был заброшенный, никому не нужный сад, и, когда я смотрел на него, мне показалось, будто я слышу, как старик Кросби ворочается в гробу.

В дальнем конце подъездной аллеи я увидел дом: двухэтажный особняк из ракушечника, с красной черепичной крышей, зелеными ставнями и нависающим балконом. На окнах — маркизы. По выстланному зеленой плиткой патио никто не разгуливал. Решив не воевать со створками ворот, чтобы загнать «бьюик» во двор, я не спеша направился туда.

Где-то посреди подъездной аллеи я наткнулся на зеленую беседку, заросшую цветущим плющом. В тени, сидя на корточках, резались в кости трое китайцев. Когда я остановился поглазеть, они даже не соизволили поднять глаза, как долго-долго не соизволяли присматривать за садом: три грязных, лишенных разума человека, куривших сигареты в желтой обертке, которым было абсолютно на все наплевать.

Я пошел дальше и за следующим поворотом аллеи увидел бассейн. Бассейн, несомненно, должен был там быть, но не обязательно такой. В этом не было воды, потрескавшаяся метлахская плитка на дне проросла сорняком. Бетонные края покрылись выгоревшим рыжеватым мхом. Белый навес, который, в свое время, вероятно выглядел довольно красивым, частично оторвался и сейчас ворчливо хлопал на меня.

Под прямым углом к дому стоял ряд гаражей с закрытыми двойными дверями. Невысокий парень в грязных фланелевых брюках, майке и водительской кепке сидел на бочке из-под масла и что-то выстругивал. Подняв глаза, он покосился на меня.

— Есть кто-нибудь дома? — спросил я, закуривая сигареты.

— Не приставай ко мне, Джек. Я занят.

— Я это вижу, — сказал я, выпуская дым в его сторону. — Я бы хотел посмотреть на тебя, когда ты отдыхаешь.

Он аккуратно сплюнул на бочку с летошними пеларгониями, с которых никто не удосужился ничего срезать, и продолжал строгать. Я для него сейчас был всего лишь частью заброшенного ландшафта.

Поскольку я понимал, что ничего от него не добьюсь, я прошел дальше к дому, поднялся по широким ступенькам и изо всех сил нажал на кнопку звонка.

Над домом нависла похоронная тишина. Мне пришлось долго ждать, прежде чем мне ответили.

Наконец, дверь отворилась, и нечто такое, что вполне могло сойти за дворецкого, посмотрело на меня так, как смотрят на человека, оторвавшего вас от сладостной дремы. Он оказался высоким, сухощавым, седовласым, с впалыми щеками и близко поставленными желтоватыми глазами. На нем была куртка осиного цвета и черные брюки, у которых был такой вид, как будто он в них спал, что, скорее всего, так и было, а рукава его рубашки наводили на мысль, что, если бы только их можно было побеспокоить, их не мешало бы постирать.

— Да? — откуда-то издалека сказал он и поднял брови.

— Мисс Кросби.

Я заметил, что в кулаке он прячет зажженную сигарету.

— Мисс Кросби не принимает, — сказал он и хотел уже было закрыть дверь.

— Я ее старый друг. Меня она примет, — сказал я, просунув ногу, чтобы дверь не закрылась. — Фамилия Мэллой. Доложите ей и понаблюдайте за ее реакцией. Готов спорить, что она распорядится подать шампанского.

— Мисс Кросби нездорова, — сказал он невыразительным голосом, будто зачитывая паршивую роль в еще более паршивой пьесе. — Она больше не принимает. Я сообщу ей, что вы заходили. — Дверь стала закрываться — моей ноги он не заметил. Обнаружив, что дверь не закрывается, он даже вздрогнул.

— Кто за ней присматривает? — спросил я, улыбаясь ему.

В его глазах появилось озадаченное выражение. Жизнь для него уже столь долго была спокойной

и безмятежной, что он оказался совершенно неподготовленным к чему-то иеобычному.

— Сестра-сиделка Гэрнн.

— В таком случае я хотел бы повидать снделку Гэрни, — сказал я и принален на дверь.

Отсутствие тренировки, злоупотребление сном и свободный доступ к содержимому подвала лишили его всякой стали, которая когда-либо водилась в его мышцах. Ои уступил перед монм напором, как молодое деревце перед бульдозером.

Я оказался в непомерио большом холле перед широкой лестницей, которая полукругом вела наверх. На лестнице, посередине, стояла фигура в белом: сиделка.

— Хорошо, Бенскин, — сказала она. — Я сама.

Высокий и сухощавый тип, казалось, нспытал облегченне от того, что может уйти. Ои кинул на меня озадаченный взгляд, затем мягкой, кошачьей поступью, пересек холл, прошел по коридору н скрылся за обитой сукном дверью.

Сиделка неторопливо спустилась по лестнице, будто знала, что на нее приятно посмотреть, а ей нравилось, когда на нее смотрят. А я смотрел, будьте уверены. Она была сиделкой, будто появившейся из музыкальной комедии, из тех сиделок, прн виде которых у вас сразу же подскакивает температура. Блондинка, алые губки, глаза подведены синей тушью: весьма соблазнительная штучка, симфония изгибов н чувственности, столь же восхитнтельная, жнвая и жаркая, как пламя ацетиленовой горелки. Если бы ей когда-либо пришлось ухаживать за миой, я бы до конца своих дней оставался лежачим больным.

Но она уже подошла так близко, что до нее можно было дотронуться, н мне пришлось осадить себя, чтобы не сделать этого. По выражению ее глаз я понял, что она отдает себе отчет в том, какое впечатление производит на меня, а у меня мелькнула мысль, что я заинтересовал ее ничуть ие меиьше, чем оиа меня. Краснвым длинным пальцем она подоткнула под колпак выбившийся локон. Аккуратно выщипанная бровь вопрошающе поднялась. Накрашенные губы расплылись в улыбке. Зелено-сннне глаза за тушью были насторожеииыми и исполненными надежды.

— Я рассчнтывал увидеть мнсс Кросби, — сказал я. — Говорят, она нездорова.

— Нездорова. Боюсь, она даже не в состояннн приннмать посетнтелей. — У нее оказалось глубокое контральто, от которого у меня завнбрнровал позвоночный столб.

— Какая жалость, — сказал я, броснв быстрый взгляд иа ее ножки. У Бетти Гейбл онн, возможио, былн н получше, ио иенамного. — Я только что вернулся в город. Я ее давний приятель. Я н не думал, что она так больна.

— Она нездорова уже несколько месяцев.

У меня создалось впечатленне, что в качестве темы для разговора болезнь Морнн Кросбн не слишком-то приятна для сиделки Гэрни. Это было всего лишь впечатление. Я мог и ошибнться, только почему-то так ие считал.

— Надеюсь, ничего серьезиого?

— Да нет, ииччего особенного. Просто ей иужен покой и отдых.

Если бы она хотела меня отшить, тут бы она могла зевнуть.

— Ну, здесь довольно спокойно, — заметил я, улыбаясь. — Надеюсь, спокойно и для вас?

Ей только это и иужно было. Ей не терпелось раскрыть душу.

— Спокойно?! Да уж лучше бы я лежала в гробнице Тутанхамона! — воскликнула она, но, вспомнив, что ей полагается быть сестрой милосердия в лучших традициях, завещанных Флоренс Найтингейл*, она покраснела. — Пожалуй, мне не следовало бы этого говорить, правда? Не слишком-то утонченно.

— Со мной можно не беспокоиться об утонченности, — поспешил заверить ее я. — Я беспечный парень, который становится еще лучше после двойного виски с содовой.

— Ну что ж, отлично. — В ее взгляде возник вопрос, в моем оиа прочла ответ. И вдруг хихикнула. — Если ничего лучшего у вас иет...

— Как говорнт один мой старый корешок: «А что может быть лучше?»

Выщипанная бровь подпрыгнула.

— Пожалуй, я могла бы ему подсказать, если ему иепременно хочется узнать.

— А вы скажнте мне.

— Возможно, н скажу — на днях. Если вам действительно хочется выпить, входите. Я знаю, где спрятаи виски.

Я проследовал за нею в большую комиату, отходившую от вестибюля. При каждом шаге она слегка покачивалась, чувствовалось, что умеет играть своими крупнымн бедрами. Они двигались под чопорным халатом, как движется подкрученный в броске баскетбольный мяч. Так бы н ходил за ней весь день, иаблюдая за этим ее действом.

— Присаживайтесь, — сказала она, указывая на большую кушетку. — Я приготовлю вам выпнть.

— Прекрасно, — сказал я, опускаясь на подушки, лежавшие на пружинах. — Но прн одном условни: я никогда не пью одии. В этом смысле я весьма строг.

— Я тоже, — ответила она.

Из углубления в старнниом буфете она вытащила бутылку «Джоннн Уокера», два пинтовых бокала н бутылку «Уайтрока».

— Можио бы и со льдом, ио тогда бы пришлось просить Бенскина, а мы в данный момент, по-моему, можем прекрасно обойтись без Бенскина, правда? — сказала она, глядя на меня нз-под частокола своих ресниц.

— Можно и без льда, — сказал я. — И поосторожней с «Уайтроком». Эта штука может испортить хороший внски.

Она налила в оба стакана иа трн дюйма виски и добавила в каждый по чайной ложке «Уайтрока».

— Вам так пойдет?

---

* Флоренс Найтингейл (1820—1910) — английская медсестра. Создала систему подготовки кадров среднего и младшего медперсонала в Великобритании. Международным комитетом Красного Креста учреждена медаль им. Найтингейл (1912).

— Отлично, — сказал я, с готовностью протягивая руку. — Пожалуй, мне пора представнться. Я — Внк Мэллой. Для друзей, просто Вик, а все симпатичные блондинки мне друзья.

Она села, даже не подумав одернуть юбку. Коленкн у нее оказалнсь красивые.

— Вы первый посетнтель, который появился у нас за пять месяцев, — сказала она. — Я уже начала подумывать, что этот дом заколдован.

— Судя по всему, так оно и есть. Введите меня в курс дела, а? Когда я был здесь в последний раз, это было поместье, а не программа по созданию пустыни. Тут что, больше никто не работает?

Она пожала краснвыми плечамн.

— Знаете, как бывает? Всем наплевать.

— А насколько плоха Морин?

Она задумалась?

— Послушайте, нам что, не о чем больше говорнть? Я так устала от Морин.

— Я тоже от нее особенно не в восторге, — сказал я, пробуя внскн. Он был такой крепкий, что от него бы вскочнлн волдыри на шкуре у буйвола. — Но я знавал ее в былые дни, н мне просто интересно, что именно с ней такое?

Она запрокинула светловолосую голову н вылнла почти весь виски себе в глотку. То, как она это проделала, подсказало мне, что закладывать она мастерица.

— Мне не следовало бы говорнть это вам, — сказала она н улыбнулась. — Но если вы пообешаете, что нн слова ннкому не скажете...

— Ни слова.

— Ее лечат от наркотнков. Это строго между намн.

— Худо дело?

Она пожала плечамн.

— Да уж наверное.

— А тем временем, пока кошка лежнт в постели, мышки забавляются, а?

— Вот нменно. Тут почтн никто никогда не появляется. В норму она придет еще не скоро. А пока лезет на стену н визжнт как полоумная, прнслуга отдыхает. Довольно справедлнво, нет?

— Разумеется. Надо же нм когда-то расслабнться?

Она допнла свой внскн.

— Ну, довольно о Морнн. Мне она по ночам надоела, не хватает еще, чтобы н вы о ней говорили.

— Вы в ночной смене? Какая жалость!

— Почему? — зелено-сннне глаза насторожились.

— Я думал, было бы здорово прнгласить вас как-нибудь вечерком н кое-что вам показать.

— Напрнмер?

— Ну, для начала, у меня есть краснвая коллекция офортов.

Она хихикнула.

— Если что мне н нравнтся больше одного офорта, так это коллекция офортов. — Она встала и подошла к бутылке с виски. Прн виде ее перекатывающихся бедер я так и замер в стойке, как охотннчнй пес. — Позвольте мне освежить, — продолжала она. — Вы что-то не пьете.

— Он н так достаточно свеж. Мне начннает казаться, что не обязательно пить, можно заняться н кое-чем получше.

— Да что вы? Так я и думала. — Она налила себе в стакан. На этот раз она даже не стала связываться с «Уайтроком».

— А кто присматривает за Морнн днем? — спросил я, когда она возвращалась к кушетке.

— Сиделка Флеминг. Она бы вам не понравилась. Она — мужеедша.

— Что вы говорите? — Гэрни села со мной рядом, бок о бок: — Она нас, случайно, не слышнт?

— Даже если бы н слышала, это бы не имело ровно никакого значения, но она не слышит. Она в левом крыле, которое выходит на гаражи. Морин поместили туда, когда она стала вопить.

Именно это мне н хотелось узнать.

— К черту этих мужеедш, — сказал я, обхватив ее сзади за шею. Она наклоннлась ко мне. — А вы не едите мужчин?

— Смотря какой мужчина. — Ее лицо оказалось рядом с монм, н я прнжался губами к ее виску. Ей это вроде бы понравилось.

— Ну, а как, скажем, вот этот мужчина?

— Довольно славный.

Я отобрал у нее стакан с внскн н поставил его на пол.

— Он будет мне мешать.

— Не хотелось бы, чтобы он пропал...

— Вскоре он вам понадобнтся.

— Да что вы?

Она прижалась ко мне, наши губы слились в долгом поцелуе. Потом она вдруг оттолкнула меня н встала. Я даже успел подумать, что она нз тех девушек, кто говорит: «Поцеловались — н до свнданья», но ошнбся. Она прошла к дверн, повернула ключ в замке, вернулась и снова села рядом со мной.

III

Я прнпарковал «бьюнк» перед «Каунтн билдингс», что на углу Фельдмана и Центральной авеню, поднялся по ступенькам и попал в мир печатных формуляров, тихих коридоров н старо-молодых клерков, нсполненных надежды занять чье-нибудь место после его смертн.

Отдел регистрации рождений и смертей находился на первом этаже. Я заполннл формуляр, подтолкнул его в окошечко рыжеголовому клерку, который шлепнул по нему штемпелем, взял прнчитающиеся с меня деньгн н указал рукой на ряды картотечных шкафов.

— Угощайтесь, мнстер Мэллой, — сказал он. — Шестой шкаф справа.

Я поблагодарил его.

— Как у вас дела? — спросил он и, готовый потратнть понапрасну свое н мое время, облокотился на стойку. — Уж сколько месяцев вас не видел.

— Это точно, — ответил я. — Дела идут прекрасно. А как у вас? Люди по-прежнему умирают?

— И рождаются. Одно компенсирует другое.

— Да уж.

Больше мне сказать ему было нечего. Я слишком устал. Короткий эпизод с сиделкой Гэрни вымотал меня вконец. Я прошел к картотечным шкафам. Ящик на «к», казалось, весил не меньше тонны, и у меня едва хватило сил дотащить его до стола. И в этом тоже была повинна сиделка Гэрни. Полистав карточки, я вскоре отыскал свидетельство о смерти Джэнет Кросби. Я вытащил старый конверт и карандаш. Она умерла от злокачественного эндокардита, 15 мая 1948 года.

Она была названа незамужней девицей, двадцати пяти лет. Свидетельство подписано неким доктором Джоном Бьюли. Я записал фамилию доктора и, пролистав еще с десяток страниц, нашел свидетельство о смерти Макдоналда Кросби. Он умер от повреждения мозга, последовавшего в результате раны от выстрела. Здесь доктор был Дж. Сэлзер, а коронер Фрэнклин Лессуэйз. Я записал кое-что еще и, так и оставив картотечный ящик на столе, прошел к клерку, который с праздным любопытством наблюдал за мной.

— Попросите кого-нибудь убрать этот ящик на место, ладно? — сказал я, опираясь на стойку. — Оказалось, я не так уж и силен.

— Ничего, мистер Мэллой.

— И еще: кто такой доктор Джон Бьюли и где живет?

— У него небольшой домик на Скайлайн-авеню, — сказал мне клерк. — Если вам нужен хороший доктор, к нему лучше не обращайтесь.

— А что с ним такое?

Клерк пожал усталыми плечами.

— Да просто он старый. Пятьдесят лет назад, вероятно, был что надо. Доктор, который разъезжал на дрожках. По-моему, он всерьез полагает, что трепанация имеет какое-то отношение к открыванию банки бобов.

— А разве нет?

Клерк засмеялся.

— Это смотря о чьей голове мы говорим.

— Да. Значит, он всего лишь никому не нужный и отживший свое эскулап, так?

— Совершенно верно. Впрочем, вреда от него нет. Не думаю, что сейчас у него наберется и с десяток пациентов. — Он почесал ухо и по-совиному посмотрел на меня. — Работаете над чем-то?

— Я никогда не работаю, — ответил я. — Пока.

В задумчивости я спустился по ступенькам и вышел на яркое беспощадное солнце. Неожиданно умирает девушка, стоящая миллион долларов, а приглашают почему-то доктора с устаревшими взглядами. Не совсем в духе миллионеров. Можно было бы ожидать, что на такую добычу слетится целая флотилия самых дорогих медицинских светил.

Я вполз в «бьюик» и нажал на педаль стартера. Напротив, запаркованный навстречу движению, стоял оливково-зеленый лимузин «додж». За баранкой сидел мужчина в желтовато-коричневой шляпе, вокруг тульи которой шел вязаный шнурок. Мужчина читал газету. Я бы не обратил никакого внимания ни на него, ни на машину, если бы он вдруг не поднял глаза, не швырнул при виде меня газету на заднее сиденье и не завел мотор. Тут уж я на него глянул, гадая, что это вдруг он утратил всякий интерес к своей газете. Мужчина показался мне крупным, с широченными, как амбарная дверь, плечами. Голова его сидела прямо на плечах, без каких-либо признаков шеи. У него были тонюсенькие черные усики, глаз не видно. Когда-то его здорово стукнули по носу и по одному уху, и они так и не смогли обрести свою прежнюю форму. Он очень напоминал крутого парня из крутых фильмов студии «Братьев Уорнер»: из тех, что служат на побегушках у Хамфри Богарта.

Я направил «бьюик» в поток автомашин и не спеша поехал на восток по Центральной авеню, поглядывая в зеркало заднего вида.

«Додж» выехал навстречу потоку, идущему на запад, развернулся под звуки рожков и проклятий водителей и поехал за мной. Я бы не поверил, что кто-то проделал все это совершенно безнаказанно на Центральной авеню, но то ли фараоны позасыпали, то ли из-за жары не хотели ни во что ввязываться.

На перекрестке с Уэствуд-авеню я снова глянул в зеркало. «Додж» сидел прямо у меня на хвосте. Я видел, как водитель небрежно развалился за баранкой, в зубах — манильская сигара, локоть руки лежит на опущенном стекле. Я чуть подал вперед, чтобы увидеть и запомнить его номер. Если он следит за мной, значит, работает очень грубо. На Голливуд-авеню я прибавил газу и погнал машину вверх со скоростью 65 миль в час. «Додж», после некоторого колебания, рванулся вперед и заревел у меня за спиной. У бульвара Футхилл я прижался к бордюру и резко тормознул, «Додж» промчался мимо. Водитель даже не посмотрел на меня. Он поехал дальше, к трассе, соединявшей Лос-Анджелес и Сан-Франциско.

Я записал номер на старом конверте рядом с фамилией дока Бьюли и аккуратно убрал конверт в набедренный карман. Затем снова завел мотор и выбрался на Скайлайн-авеню. Где-то посередине этой улицы я увидел блестевшую на солнце медную дощечку. Она была прикреплена к низкой деревянной калитке, охранявшей сад и двухфасадное бунгало из канадской сосны. Скромное, тихое местечко, чуть ли не трущобы по сравнению со стоявшими по обе стороны от него ультрасовременными домами.

Я подъехал и высунулся из окна, однако разобрать на таком расстоянии стершуюся надпись на дощечке оказалось невозможно. Пришлось вылезти и подойти поближе. Хотя расшифровать надпись даже и тогда оказалось нелегко, я все же разобрал достаточно, чтобы убедиться, что это жилище доктора Бьюли.

Пока я нащупывал щеколду на калитке, оливково-зеленый «додж» воровато пронесся по дороге. Водитель сделал вид, что не смотрит в мою сторону, но я понял, что он увидел меня и куда я иду. Я прервал свое занятие и посмотрел вслед машине. Она быстро пронеслась по дороге, и я потерял ее из виду, когда она свернула на Уэствуд-авеню.

Я сдвинул шляпу на затылок, вытащил пачку «Лаки Страйк», закурил и убрал пачку. Затем отодвинул щеколду и прошел по гравийной дорожке к бунгало.

Садик был маленький и компактный и такой же аккуратный, как солдатский барак в инспекционный день. На окнах висели выцветшие желтые шторы. Парадную дверь не мешало бы покрасить. Впрочем, это же можно было сказать и обо всем бунгало.

Я нажал большим пальцем на кнопку звонка и стал ждать. Вскоре осознал, что кто-то подглядывает за мной из-за штор. Тут уж я ничего не мог поделать, кроме как напустить на себя приятное выражение и ждать. И я принял приятное выражение лица и стал ждать.

И как раз когда я уже решил, что надо бы позвонить снова, я услышал звук, какой издает мышь в панельной обшивке, и входная дверь отворилась.

На меня смотрела маленькая худенькая женщина, похожая на птичку. На ней было черное шелковое платье, которое, вероятно, могло бы считаться модным лет пятьдесят назад, если бы вы жили в глуши и никто бы не посылал вам журнал «Вог». На тонком старом лице лежала печать усталости, а ее глаза сообщили мне, что жизнь для нее не очень-то в радость.

— Доктор дома? — спросил я, приподнимая шляпу и понимая, что, уж если кто и оценит учтивость, так это она.

— Да, разумеется. Он в саду за домом. Я позову его.

— Пожалуй, не надо. Уж лучше я сам пройду туда и потолкую с ним. Я не пациент. Я лишь хотел задать ему один вопрос.

— Да. — Вгляд надежды, который стал было появляться у нее на лице, погас. Ни одного пациента. Никакого гонорара. Всего лишь молодой детина с каким-то там вопросом. — Надеюсь, вы недолго его задержите? Он не любит, когда его беспокоят.

— Я его не задержу.

Я приподнял шляпу и поклонился, как, в моем представлении, кланялись ей в свое время молодые люди, и ретировался по садовой дорожке. Она закрыла парадную. Мгновение спустя я узрел ее тень: она разглядывала меня через жалюзи переднего окна.

Я проследовал по тропинке к саду за бунгало. Возможно, как лекарь док Бьюли звезд с неба не хватал, но как садовник он явно был на высоте. Мне бы очень хотелось привести сюда трех садовников Кросби, чтобы они поглядели на этот сад. Он бы, возможно, поколебал их представления о жизни.

В самом конце сада стоял, склонившись над огромной георгиной, высокий старик в белом пиджаке из легкой натуральной ткани «альпага», желтой панаме, желтовато-белых брюках и ботинках с эластичными сторонами. Он смотрел на георгину, как доктор, осматривающий ваше горло, когда вы произносите «а-а-а», и, вероятно, находил георгину гораздо интереснее.

Когда я приблизился, он резко поднял глаза. Изборожденное морщинами лицо очень напоминало кожицу высушенного чернослива, а из ушей торчали жесткие седые волосы. Лицо не благородное и не умное, обыкновенное лицо очень старого человека, который доволен собой, уровень требований не очень высок, которому уже все безразлично, который упрям и несколько туповат, но который так и остался несломлен.

— Добрый день, — поздоровался я. — Надеюсь, я вам не помешал?

— Приемные часы с пяти до семи, молодой человек, — сказал он таким тихим голосом, что я едва его расслышал. — Сейчас я вас принять не могу.

— Я к вам совершенно по другому делу, — сказал я, заглядывая ему через плечо на георгину. Та была красавица: двадцать сантиметров в поперечнике, не меньше, и без единого пятнышка. — Моя фамилия Мэллой. Я старый друг Джэнет Кросби.

Он нежно коснулся георгины пальцами с утолщенными суставами.

— Кого-кого? — безо всякого интереса нерешительно произнес он: всего лишь глуповатый старик с цветком.

—Джэнет Кросби, — ответил я. Стоять на солнце было жарко, а от гудения пчел, запаха всех этих цветов я и сам стал каким-то рассеянным.

— Ну и что с ней?

— Вы подписали свидетельство о ее смерти.

Он оторвал взгляд от георгины и посмотрел на меня.

— Кто, говорите, вы такой?

— Виктор Мэллой. Меня несколько тревожит смерть мисс Кросби.

— А с чего бы? — спросил он, и в его глазах промелькнул страх. Он знал, что он старый, туповатый, рассеянный. Он знал, что, продолжая практиковать, он в его возрасте рискует рано или поздно совершить ошибку. Я видел, что он подумал, что сейчас я обвиню его в этой ошибке.

— Ну, понимаете, — мягко заговорил я, не желая особенно его пугать, — меня не было здесь три или четыре года. Джэнет была моим очень давним другом. Мне бы и в голову никогда не пришло, что у нее слабое сердце. Узнать, что она ушла подобным образом, оказалось для меня страшным ударом. Я хочу удовлетвориться, что не произошло ничего плохого.

Мускул у него на лице дернулся. Ноздри расширились.

— Что значит — плохого? Она умерла от злокачественного эндокардита. Симптомы не вызывают сомнений. Кроме того, там присутствовал доктор Сэлзер. Ничего плохого не было. Не знаю даже, о чем вы таком говорите.

— Ну, я рад это слышать. А что это такое, этот злокачественный эндокардит?

Он нахмурился, и мне на мгновение показалось, что сейчас он скажет, что не знает, но он взял себя в руки, разворошил старую, увядшую память и медленно, будто цитируя страницу из какого-то медицинского справочника, заговорил:

— Это прогрессирующая микробная инфекция клапанов сердца. Кусочки пораженных язвой клапанов сердца были разнесены потоком крови по всему телу, у нее не было никаких шансов остаться в живых. Даже если бы меня пригласили раньше, сделать что-либо я был бы бессилен.

— Это-то и смущает меня, — сказал я и улыбнулся, чтобы каким-то образом передать ему, что я на его стороне. — Почему именно они позвали вас? Вы ведь ее не пользовали, правда?

— Разумеется, нет, — чуть ли не сердито сказал он. — Позвать меня было вполне естественным. Я живу совсем рядом. Доктору Сэлзеру было бы неэтично выписывать свидетельство самому.

— А кто он, этот доктор Сэлзер?

У него снова появился рассеянный взгляд, а пальцы с тоской потянулись к георгине. Я видел, что ему хочется, чтобы его оставили в покое, чтобы его мозг отдыхал в мирном созерцании цветов, чтобы ему не докучали здоровенные детины вроде меня, ни за что ни про что отнимающие время.

— Он заправляет одним из этих санаториев для душевнобольных, рядом с поместьем Кросби. Он друг семьи. Его положение таково, что он, по этическим соображениям, не мог выписать свидетельство. Он не квалифицированный практик. Я был весьма польщен, когда они прибегли к моей помощи.

Уж это я мог себе представить. Я гадал, сколько же они ему заплатили.

— Послушайте, док, — сказал я. — Я вот что хочу выяснить. Я попытался повидать Морин Кросби, но она нездорова. Я уезжаю, но, прежде чем уехать, хотел бы иметь четкую картину того, что же именно произошло. Я лишь слышал, что Джэнет умерла совершенно неожиданно. Это была болезнь сердца. Что же произошло? Вы были там, когда она умерла?

— Господи, нет, — ответил он, и в его поблекших глазах снова промелькнула тревога. Я прибыл полчаса спустя после ее смерти. Она умерла во сне. Симптомы были безошибочны. Доктор Сэлзер сказал мне, что она страдала от этой болезни уже несколько месяцев. Он сам пользовал ее. При такой болезни ничего особенного не сделаешь, нужен отдых. Я не понимаю, почему вы задаете мне столько вопросов. — Он в надежде бросил взгляд в сторону дома — а вдруг он понадобился жене? Ан-нет.

— Я лишь хочу удовлетвориться, — сказал я и снова улыбнулся. — Вы прибыли в дом, а Сэлзер уже находился там. Так?

Он кивнул, с каждой секундой тревожась все больше.

— Был ли там кто-нибудь еще?

— Мисс Кросби, младшая. Она была там.

— Морин.

— По-моему, так ее зовут.

— И Сэлзер повел вас в комнату Джэнет? Морин тоже с вами пошла?

— Да. Они оба прошли со мной в комнату. Мол... молодая женщина казалась очень расстроенной. Она плакала. — Он потрогал георгину. — Вероятно, надо было произвести вскрытие, — сказал он вдруг. — Но, уверяю вас, никакой нужды в этом не было. В злокачественном эндокардите ошибиться невозможно. И всегда следует помнить о чувствах оставшихся в живых.

— И однако через четырнадцать месяцев вы начинаете думать, что следовало бы провести вскрытие? — я придал голосу некоторую резкость.

— Строго говоря, следовало бы, поскольку ее пользовал доктор Сэлзер, а он, как он мне объяснил, доктор наук, а не медицины. Но симптомы...

— Да-да... безошибочные. Еще одно, док. Вы когда-нибудь прежде видели Джэнет Кросби? Я имею в виду, прежде чем она умерла?

Он, казалось, насторожился, гадая, не ставлю ли я ему ловушку.

— Я видел ее в машине, но не разговаривал с ней.

— И не слишком близко, чтобы заметить, есть ли у нее какие-либо признаки сердечной недостаточности?

Он заморгал.

— Не понял?

— Насколько мне представляется, она страдала этой болезнью несколько месяцев. Вы говорите, что видели ее в машине. Как давно это было — когда вы ее видели? За сколько времени до ее смерти?

— За месяц — может, за два. Не помню.

— Я что хочу сказать, — терпеливо продолжал я. — Ведь при такой болезни у нее бы наверняка были симптомы, которые вы могли узнать, если бы видели ее перед смертью.

— Не думаю, что я их узнал бы.

— И однако симптомы такие... безошибочные?

Он облизал тонкие губы.

— Право, я не знаю, о чем вы говорите, — сказал он и попятился. — Больше я не могу уделить вам времени. Оно ценно. Должен просить вас извинить меня.

— Ничего, док, — сказал я. — Ну, спасибо. Простите, что побеспокоил. Но вы знаете, как оно бывает. Мне просто хотелось успокоиться. Эта девушка мне нравилась.

Он ничего не сказал, лишь продолжал пятиться к розарию.

— И еще всего лишь одно, док, — сказал я. — Как вышло, что доктор Сэлзер подписал свидетельство о смерти Макдоналда Кросби, когда тот случайно застрелился? Не было ли это неэтично для недипломированного знахаря?

Он посмотрел на меня, как смотрят на огромного паука, который упал вам под ноги.

— Оставьте меня, — произнес он дрожащим голосом. — Спросите у него — не тревожьте меня.

— Да, — сказал я. — Хорошая идея. Спасибо, док. Непременно спрошу.

Он повернулся и пошел по дорожке к своим розам. Со спины он казался еще старше. Я увидел, как он сорвал увядшую розу, и заметил, что рука у него дрожит. Я боялся, что испортил ему всю вторую половину дня.

Когда я вернулся к дому, маленькая птицеподобная женщина с надеждой стояла на переднем крыльце. Она притворилась, что не видит меня.

— Боюсь, я отнял у доктора слишком много времени, — сказал я, приподнимая шляпу. — Он говорит, оно для него слишком ценно. Пяти долларов хватит, чтобы возместить за него?

Усталые глаза просветлели. Худое лицо осветилось.

— Вы весьма внимательны, — сказала она и украдкой глянула в сад на согбенную спину и желтую панаму.

Я сунул ей банкноту в руку. Она схватила ее, как ящерица хватает муху. Мне показалось, что старик, стоявший в конце сада, ее никогда не увидит. По крайней мере, хоть этой женщине я день не испортил.

IV

Я толкнул дверь конторы и вошел. Джек Керман дремал в кресле у окна. Пола сидела за моим столом, работая над картотекой, — картотекой, которая помогала нам держать руку на пульсе Орчид-сити и подсказывала нам, кто есть кто в городе, кто еще в городе, а кто уже выехал из него, кто на ком женился и т.д. и т.п. Хотя на карточках у нее постоянно работали четыре девушки, она настояла на том, чтобы самой заниматься ключевыми карточками.

Когда я, швырнув шляпу в Кермана, разбудил его, Пола вышла из-за стола. Керман испуганно проворчал, протер глаза и зевнул.

— Ну, и каково это — работать? — спросил он. — Или ты еще не начал?

— Я уже начал, — сказал я, сел, потянулся за сигаретой и принялся рассказывать. Сообщил все подробности, кроме интима с сиделкой Гэрни. Его я опустил, поскольку знал, что Пола отнесется к этому эпизоду неодобрительно, а Керман до того заведется, что окажется не в состоянии ясно думать. — Не так уж и много, — заключил я, — но вполне достаточно, чтобы убедить меня, что этим делом все же следует заняться. Возможно, ничего такого в нем и нет, а может, и есть. Если же есть, тогда чем меньше мы будем шуметь, тем лучше. Зачем преждевременно будоражить кого бы то ни было.

— Если этот тип в «додже» следил за тобой, тогда мне кажется, что кто-то уже взбудоражился, — подчеркнул Керман.

— Да, но мы не можем быть в этом уверены. Как знать, может, ему показалось интересным мое лицо. А может, он учился работать детективом. — Я потянулся к телефону. — Дайте мне управление полиции, — сказал я девушке на коммутаторе.

— Ты записал его номер? — спросила меня Пола, просматривая карточки в руках.

— Сейчас проверим. Соедините меня с лейтенантом Миффлином, — сказал я, когда вялый голос ответил, что это полиция. В телефонной трубке что-то щелкнуло, затем хриплый голос Миффлина спросил:

— Алло?

Тим Миффлин был хорошим крепким детективом, и мы частенько работали вместе. Я помогал ему, чем мог, а он мне, чем мог. Он питал большое уважение к моим советам, когда ставил на лошадок, и, следуя советам, скопил кое-какие деньги.

— Это Мэллой, — сказал я. — Как поживаешь, Тим?

— Как будто тебе не все равно? — отрезал он. — Мое здоровье никогда тебя не интересовало и не будет интересовать. Что тебе нужно на этот раз?

— За кем числится оливково-зеленый «додж» под номером ОР 3345?

— То, как ты используешь управление ради собственной выгоды, просто убивает меня, — сказал Миффлин. — Если Брэйдон когда-либо узнает, что я для тебя делаю, он меня выгонит.

— Ну, я ему не скажу, так что это твое дело, — произнес я и улыбнулся. — И еще одно. Раз уж мы заговорили о финансовой выгоде, для разнообразия надень завтра свою рубашку на Кислицу. В накладе не останешься. Завтра, в четыре тридцать.

— Ты действительно имеешь в виду мою рубашку?

— Скажем, что да. Продай дом, заложи жену, залезь в сейф к Брэйдону. Вот такой верняк. За два получишь шесть. Единственное, что остановит эту лошадку, это если кто-то ее застрелит.

— Может, кто и застрелит, — сказал Миффлин — осторожности ему было не занимать. — Ну, если ты так считаешь...

— Вернее этой ставки у тебя никогда не было. Так как насчет того номера?

— Конечно, конечно. Не клади трубку. Через десять секунд я тебе сообщу.

Пока я ждал, я увидел, что Джек Керман деловито накручивает диск другого аппарата.

— Что это ты такое делаешь? — спросил я.

— Звоню своему букмекеру. Эта Кислица вроде бы ничего.

— Забудь о ней. Я всего лишь сообщаю ему то, что кто-то сказал мне. Для фараона это довольно надежный совет. Но не для друга.

Керман положил трубку, как будто она его укусила.

— А что если он продаст дом и заложит жену? Ты знаешь, каков он в этих делах?

— А ты видел его дом и жену? Ну, зато я видел. Он еще мне спасибо скажет. — В трубке послышался голос Миффлина, и я сказал: — Ну, что ты откопал?

— Ты сказал, ОР 3345?

— Да.

— Машина зарегистрирована на имя Джонатана Сэлзера. Санаторий, бульвар Футхилл. Ты это хотел узнать?

Я постарался скрыть возбуждение в голосе.

— Вероятно. Кто этот Сэлзер? Ты что-нибудь о нем знаешь?

— Не так уж и много. У него психушка. Если у тебя болит живот, он накачивает тебя фруктовыми соками и позволяет тебе бродить. Он неплохо живет.

— Никаких темных сделок?

— Скажешь, тоже! Ему это надо? Он и так гребет деньги лопатой.

— Ну, спасибо, Тим.

— Ты уверен насчет этой лошадки?

— Разумеется, уверен, — сказал я и подмигнул Керману. — Сними последнюю рубашку и поставь на нее.

— Ну, долларов пять я наскребу, но не больше.

Я положил трубку.

— Пять долларов! Тоже мне, игрок!

— Машина Сэлзера, да? — спросил Керман.

Я кивнул.

— Возможно, мы действительно обнаружили свои намерения. — Я посмотрел на Полу. — У тебя есть что-нибудь на Сэлзера?

— Сейчас посмотрю. — Она положила передо мной карточку. — Возможно, это тебя заинтересует. Это и вся информация, что у нас есть о Джэнет Кросби.

Я стал читать, а она прошла в каталог.

— Танцы, теннис и гольф, — сказал я, глядя на Кермана. — Непохоже на человека с больным сердцем. Близкие друзья — Джоан Парметта и Даглас Шеррилл. Пару лет назад она была помолвлена с Шерриллом, но разорвала помолвку. Причина не называется. И вообще, кто этот Шеррилл?

— Сроду о нем не слыхал. Разузнать?

— Было бы неплохо, если бы ты повидался с этой Парметтой и с Шерриллом. Скажешь им, что дружил с Джэнет, когда она жила в Сан-Франциско. Придется тебе поработать над легендой, чтобы они не поймали тебя на чем-нибудь. Всю информацию тебе выдаст Пола. Меня интересует, Джек, что они скажут о ее болезни. Может, у нее и впрямь была дохлая тикалка, но если нет, тогда нам действительно есть чем заняться.

— О'кей, — сказал Керман.

Вошла Пола.

— Ничего особенного, — сказала она. — Сэлзер открыл санаторий в 1940 году. Местечко для богатых. Двести долларов в неделю.

— Неплохой доход, — с завистью сказал я.

— Некоторые люди, видать, с ума посходили. Только представьте себе — отстегивать такие бабки за стакан фруктового сока, — в ужасе сказал Керман. — Вот бы нам такое дельце.

— И это все?

— Женат. Бегло говорит по-немецки и по-французски. Имеет ученую степень доктора наук. Никаких увлечений. Детей нет. Возраст пятьдесят три года, — сказала Пола, зачитывая с карточки. — Это и все, Вик.

— О'кей, — сказал я, вставая. — Помоги Джеку, ладно? Ему нужны сведения об этих Парметте и Шеррилле. Я спущусь вниз и перемолвлюсь словечком с матушкой Бендикс. Мне надо навести справки о прислуге в доме Кросби. Дворецкий показался мне подозрительным. Возможно, это она нашла ему эту работу.

V

С первого взгляда — впрочем, даже и со второго — миссис Марту Бендикс, директора агентства «Бендикс Доместик» можно легко было принять за мужчину. Крупная и широкоплечая, она коротко стриглась и носила твидовый мужской пиджак и рубашку с галстуком. И, только уже когда она вставала и выходила из-за стола, вашему удивленному взору представали твидовая юбка, шелковые чулки и тяжелые грубые башмаки. Она была весьма добросердечная, и, если вы неосторожно подходили к ней слишком близко, она сильно хлопала вас по спине — привычка, что поделаешь, — отчего в последующие два-три часа вам бывало дурно. К тому же смеялась она удивительно громко, как будто стреляли из двенадцатикалиберного дробовика, и, если вы не были к этому подготовлены, то прямо подпрыгивали, когда она разражалась этим своим смехом. Женщина, с которой я бы не хотел жить, однако добрейшая душа, совершенно не жадная, когда речь заходила о деньгах, и больше интересующаяся нервными хрупкими блондинками, нежели здоровыми детинами вроде меня.

Робкая кроликоликая девушка, которая провела меня в кремово-зеленый кабинет миссис Бендикс, держалась от меня подальше, как будто я был исполнен дурных намерений, зато одарила миссис Бендикс застенчивой улыбочкой, которая могла что-то значить, а могла и не значить ничего, это уж в зависимости от склада вашего ума.

— Входите, Вик, — громко сказал миссис Бендикс из-за заваленного бумагами стола. — Присаживайтесь. Уж сколько дней вас не видела. Куда это вы запропастились? Чем занимались?

— Да так, кое чем, — ответил я. — Боролся с нищетой. Мне нужна ваша помощь, Марта. Вы вели какие-нибудь дела с Кросби?

— Да уж давненько никаких не веду. — Она наклонилась, вытащила бутылку шотландского, две рюмки и с полдюжины кофейных зерен. — Побыстрому, — продолжала она. — Не хочу шокировать Мэри. Она не одобряет, когда пьют в рабочее время.

— Та Мэри, что с кроличьими зубами?

— Ее зубы пусть вас не волнуют. Она вас ими не укусит. — Она протянула мне полрюмки и три кофейных зерна. — Вы имеете в виду Кросби с бульвара Футхилл?

Я ответил, что имею в виду Кросби с бульвара Футхилл.

— Я делала для них одну работенку, но и все. Лет шесть назад. Тогда я им поставила всю их прислугу. После смерти Джэнет Кросби они уволили всех прежних слуг и взяли новых. Ко мне они не обращались.

Я попробовал виски. Он был какой-то гладкий и шелковистый, в нем чувствовалась большая сила.

— Вы хотите сказать, они всех поувольняли?

— Об этом я вам и толкую.

— И куда они подевались?

— Я устроила их в другом месте.

Я переварил эту информацию.

— Послушайте, Марта, строго между нами, я пытаюсь разузнать всю подноготную о смерти Джэнет. У меня есть одна догадка, которую, возможно, стоит развивать, а возможно, и не стоит. Я не совсем убежден, что она умерла от сердечной недостаточности. Я хотел бы побеседовать на эту тему с кем-нибудь из старой прислуги. Возможно, они что-то видели. Скажем, дворецкий. Кто им был?

— Джон Стивенс, — немного подумав, сказала миссис Бендикс. Она допила виски, бросила в рот три кофейных зерна, убрала с глаз свою рюмку и бутылку и нажала большим пальцем на кнопку звонка на столе.

Кроликоликая девушка робко вошла.

— Где теперь работает Джон Стивенс, милочка?

Кроликоликая девушка сказала, что сейчас узнает. Минуты через две она вернулась и доложила, что Стивенс служит у Грегори Уэйнрайта, в Хилсайде, на Джефферсон-авеню.

— А личная служанка Джэнет? — спросил я. — Где она теперь?

Миссис Бендикс махнула кроликоликой, чтобы та уходила, а потом сказала:

— Эта сучка? Она больше не работает, и я бы не дала ей работу, даже если бы она на коленях меня умоляла.

— А что с ней такое? — спросил я, с надеждой подталкивая пустую рюмку вперед. — Будем друзьями, Марта. Какой прок от одной рюмки для таких здоровых крепких ребят, как мы с вами?

Миссис Бендикс хихикнула, снова извлекла бутылку и налила.

— Так что с ней такое? — повторил я, когда мы выпили за здоровье друг друга.

— Она ни на что не годна, — сказала миссис Бендикс и нахмурилась. — Ленивая бездельница, черт бы ее побрал.

— Мы ничего не перепутали, а? Я говорю о личной служанке Джэнет Кросби.

— Я тоже, — сказала миссис Бендикс и скормила себе еще три зерна кофе. — Юдора Дрю. Так ее зовут. Чокнулась она, что ли? Мне нужна была хорошая личная служанка для миссис Рэндолф Плейфэр. Я не посчитала за труд связаться с Дрю и сообщить ей, что могу ее устроить. А она мне ответила, чтобы я катилась в помойную яму. Ничего себе разговор, правда? Она заявила мне, что вообще больше не намерена работать и что если одна помойная яма меня не удержит, то любой выкопает для меня другую, если только я скажу, для чего именно. — Миссис Бендикс мрачно размышляла над этим оскорблением. — А когда-то я считала ее хорошей, умной девушкой. Это еще раз доказывает, что нельзя им особенно доверять, правда? Готова спорить, что ее содержит какой-то мужчина. У нее бунгало в Корал Гейблэ, и она довольно-таки шикует.

— Где именно в Корал Гейблэ?

— На Монте-Верде-авеню. Она вас заинтересовала?

— Как знать? Что произошло с остальной прислугой?

— Я всех их устроила. Могу дать вам адреса, если хотите.

Я допил виски.

— Они могут мне понадобиться. Я дам вам знать. Когда после смерти Джэнет уволили эту девицу Дрю?

— На следующий день. Всех уволили до похорон.

Я сжевал кофейное зерно.

— А причину какую-нибудь назвали?

— Морин Кросби на пару месяцев уехала. Дом заперли.

— Не принято ведь увольнять слуг, когда уезжаешь на пару месяцев, правда?

— Разумеется, не принято.

— Расскажите мне еще что-нибудь об этой девице Дрю.

— Какой вы любопытный, — сказала миссис Бендикс и вздохнула. — Подайте мне вашу рюмку, если больше не хотите.

Я сказал, что больше не хочу, и она убрала виски и обе рюмки. Затем снова нажала на кнопку звонка.

Кроликоликая девушка вошла и одарила ее еще одной застенчивой улыбкой.

— Отыщи карточку Юдоры Дрю, золотко, — сказала миссис Бендикс. — Я хочу взглянуть на нее.

Вскоре кроликоликая девушка вернулась с карточкой и протянула ее миссис Бендикс, как подобострастная девочка-подросток могла бы преподнести Фрэнку Синатре букет цветов.

Когда она ушла, миссис Бендикс сказала:

— Не знаю, это ли вам нужно. Возраст — двадцать восемь лет. Домашний адрес — 2243 Келси-стрит, Кармел. Три года прослужила у миссис Фрэнклин Лэмберт. Отличные рекомендации. Личная служанка Джэнет Кросби с июля 1943 года. Вам это нужно?

Я пожал плечами.

— Как знать? Пожалуй, я съезжу и потолкую с ней. С чего это вы взяли, что она живет с каким-то мужчиной?

— А откуда же тогда у нее деньги? Она не работает. Тут либо мужчина, либо множество мужчин.

— Джэнет Кросби могла оставить ей завещание.

Миссис Бендикс подняла кустистые брови.

— Я об этом не подумала. Могла, конечно. Да, как знать, может, здесь-то и кроется отгадка.

— Ну, о'кей, — сказал я, вставая. — Спасибо за выпивку. Заходите и к нам как-нибудь для разнообразия. У нас тоже есть что выпить.

— Только не я, — твердо сказала миссис Бендикс. — Эта девица Бенсиджер осуждает меня. Я вижу это по ее глазам.

Я расплылся в улыбке.

— Она и меня осуждает. Но я не позволяю, чтобы это меня волновало. И вас не должно волновать.

— И не волнует. Только не обманывайтесь, Вик. Эта девушка влюблена в вас.

Я подумал, потом покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Ни в кого она не влюблена. Она не из тех, кто влюбляется.

Миссис Бендикс сложила губы трубочкой и издала громкий грубый звук.

VI

Корал Гейблз — это окраина Орчид-сити, городок из хижин и лачуг, который вырос вокруг гавани. Там промышляют ловлей рыбы, губок и черепах, там же занимаются своим промыслом и

всевозможные темные личности. Над гаванью господствует бар Дельмоиико, самый крутой кабак на всем побережье, где три-четыре драки за вечср — обычное явление и где жеицины зачастую оказываются круче мужчин.

Моите-Верде-авеню лежит за Корал Гейблз и представляет собой иичем ие примечательную дорогу, по обеим сторонам которой стоят похожие иа хижины дома, все более или менее на одии манер. Как райои он, возможио, чуть повыше Корал Гейблз, но это еще ии о чем не говорит. Большей частью в этих домах-хижииах живут профессиональиые игроки, девицы легкого поведеиия, крикливо разодетые крутые парни, которые слоияются без дела днем и проворачивают свои темные делишки после иаступления темноты. Едииствеиный двухэтажиый дом иа этой дороге принадлежит Джо Бетилло, поставщику похоронных прииадлежностей и бальзамировщику, специалисту по абортам, ножевым и пулевым ранениям.

Я проехал в своем «бьюике» до хижины Юдоры Дрю. Бело-голубая деревянная пятикомнатная хижина с садом, состоявшим из довольио большой лужайки и двух усталых с виду гортензий в кадках по обеим сторонам от входной двери.

Я переступил через низкую деревянную калитку и постучал иебольшим медным молотком, который уже много месяцев ие чистили.

Секуид десять иикто ие отвечал, затем дверь резко распахнулась. Плотная молодая жеищина в серо-зеленых свободных брюках и белой шелковой блузке, с высокой прической, подозрительио оглядела меня слегка иалитыми кровью глазами. Вряд ли ее можно было иазвать красавицей, ио в ией была какая-то животная чувственность, заставлявшая, вероятно, миогих мужчин оборачиваться, чтобы еще раз посмотреть иа иее.

Я еще и рта ие успел раскрыть, как она сказала:

— Если вы что-иибудь продаете, лучше поберегите свои силы. — Голос у иее оказался чуть музыкальией консервной баики, которую бросают с лестницы. — Я иикогда ие покупаю у порога.

— Вам следовало бы иаписать это на калитке, — бодро сказал я, — сколько бы времени сберегли! Вы мисс Дрю?

— А вам-то что, кто я?

— У меия дело к мисс Дрю, — терпеливо сказал я. — Важное дело.

— Кто вы?

— Меня зовут Вик Мэллой. Я старый друг Джэиет Кросби.

Никакой особой реакции не последовало, лишь иа верхней губе у иее дериулся мускул.

— Ну и что?

— Так вы мисс Дрю или нет?

— Да. Что вам от меия надо?

— Я иадеялся, вы сможете мне помочь, — сказал я, — опираясь рукой о стену. — Дело в том, что смерть мисс Кросби вызывает у меня некоторые сомиения.

На сей раз в ее глазах появилась подозрительность.

— Откапываете древнюю историю, а? Она уж когда умерла. Во всяком случае, я об этом иичего не знаю.

— Вы были там, когда оиа умерла?

Оиа взялась за дверь и потянула на себя.

— Говорю вам, я ничего об этом ие знаю, и у меня иет времени на то, что меня ие касается.

Я всматривался в суровое подозрительное лицо.

— Мисс Дрю, угадайте, что почти ие шумит, ио может быть слышно за целую милю? — спросил я и миогозиачительно ей улыбнулся.

— Вы что, чокнутый или как?

— Некоторые люди могут слышать этот звук за две мили. Догадались?

Оиа иетерпеливо повела своими плотными плечами.

— О'кей, сдаюсь. Так что же?

— Стодолларовая банкиота, сложеиная вдвое и сунутая между большим и указательным пальцами.

Угрюмое выражеиие сошло с ее лица, глаза открылись пошире.

— Неужто у меня такой вид, что мне нужиы сто долларов? — с презрением спросила оиа.

— Сто долларов не помешали бы и Пирпойнту Моргану, — сказал я. — К тому же я мог бы и поднять стартовую цеиу, если у вас можно купить что-нибудь стоящее.

Я увидел, как заработали шарики у иее в голове. По крайией мере, теперь мы уже говорили на одиом языке. Оиа уставилась куда-то мимо меия, в мир долларовых зиаков и тайн. Потом вдруг улыбиулась полуулыбкой, полуусмешкой, адресованной ие мие, а какой-то мысли, пришедшей ей в голову.

— А с чего это вы взяли, что в ее смерти что-то ие так? — спросила оиа вдруг, и ее взгляд снова переместился на меня.

— Я не сказал, что там что-то ие так. Я лишь сказал, что у меия сомнения. Пока я не побеседую с людьми, которые были при ией, когда она умерла, у меия иет определениого мнения на этот счет. Вы ие заметили, жаловалась ли она иа сердце?

— Это было так давно, мистер, — сказала оиа и усмехнулась. — У меня паршивая память иа такие вещи. А вот если бы вы заглянули ко мне снова часиков в девять вечера, у меня было бы время кое-что вспомнить. Только ие приходите ко мие с сотней долларов. Я уже большая девочка, и у меня большие идеи.

— Насколько большие? — вежливо поинтересовался я.

— Больше похожие на пять. Ради пяти, может, и стоит тряхнуть памятью, но иикак не меньше.

Я сделал вид, что рассматриваю это предложеиие.

— Сегодня вечером в девять? — спросил я.

— Примерно.

— Я не хотел бы тратить такие деньги, не будучи увереиным, что ваша информация окажется цеииой для меия.

— Если уж я заставлю свою память работать, — сказала она, — можете не сомневаться, что информация будет ценная.

— Значит, до девяти?

— Не забудьте прихватить деньги, мистер. Наличными.

— Само собой. Будем надеяться, что это начало красивой дружбы.

Она одарила меня долгим задумчивым взглядом и закрыла дверь перед моим носом. Я проследовал обратно по дорожке, перелез через калитку и сел в «бьюик».

Почему в девять? — гадал я, нажимая на педаль стартера. Почему не сразу? Разумеется, тут все дело в деньгах, но ведь она не могла знать, что я пришел без этой суммы. Она даже не спросила. Это была умная баба, тертый, что называется, калач, баба, которая все знала наперед и у которой два плюс два могли дать в сумме пять. Я погнал «бьюик» по дороге, и уже после первых нескольких сот ярдов стрелка спидометра задрожала на отметке «70». В конце дороги, сворачивая на Бич-роуд, я резко нажал на тормоза, отчего у пожилого джентльмена, собиравшегося пересечь улицу, появилось, вероятно, сразу три разных сердечных заболевания. Кое-как выйдя из юза, я покатил дальше, пока не увидел драгстор. Я подъехал к бордюру, одним махом пересек тротуар и, вбежав в магазин, заскочил в телефонную будку.

Пола сняла трубку после второго звонка.

— «Универсальные услуги», — сказала она своим ласковым, вежливым голосом. — Добрый вечер.

— А это ваш старый дружок Вик Мэллой звонит из драгстора в Корал Гейблз. Вскакивай в свою машину, ясноглазка, и дуй сюда. Мы с тобой будем держаться за руки и влюбляться друг в друга. Как тебе эта перспектива?

Последовала пауза. Я бы дорого дал, только бы увидеть выражение ее лица в этот момент.

— В каком именно ты месте? — спросила она таким обыкновенным голосом, будто я поинтересовался у нее, который час.

— На Бич-роуд. Приезжай как можно скорее, — сказал я и повесил трубку.

Оставив «бьюик» у драгстора, я дошел до угла Бич-роуд, откуда мог наблюдать за хижиной Юдоры Дрю. Прислонившись к фонарному столбу, я не отрывал глаз от калитки ее дома.

Девять часов. Ждать еще престояло три часа, и я жалел, что не попросил Полу прихватить виски и сандвичей, чтобы помочь скоротать время.

Следующие двадцать минут я стоял у столба, как приклеенный, и не отрывал глаз от хижины. Туда никто не входил, и оттуда никто не выходил. Из других хижин появилось несколько грубоватых с виду типов, они либо уходили, либо уезжали. Из хижины по соседству с Юдорой вышли три девушки, все блондинки, все с крикливыми голосами, и направились по дороге в мою сторону, вихляя бедрами и придирчиво оглядывая всех мужчин. Продефилировав мимо, они все смотрели в мою сторону, но я не отрывал взгляда от хижины.

Ничего себе местечко, подумал я. Не та это дорожка, по которой бы пошла кроликоликая подружка миссис Бендикс.

С Принсесс-стрит выехала небольшая симпатичная двухместная машина Полы и направилась ко мне. Она остановилась, дверца отворилась. В своем сером с мелким рисунком костюме Пола казалась очень элегантной и несколько холодной. Она была без шляпы, карие глаза вопрошающе смотрели на меня.

— Куда прикажете? — спросила она, когда я устроился рядом с ней.

— Поезжай тихонечко и остановись на повороте. Дом Юдоры — вон та бело-синяя мерзость справа, — сказал я, а когда машина тронулась, быстро ввел Полу в курс дела. — Мне представляется, что она хочет с кем-то связаться, — заключил я. — Я могу и ошибаться, но все же считаю, что пару часиков за нею стоит понаблюдать. Единственная возможность для нас наблюдать за домом, не привлекая к себе внимания соседей, это разыграть влюбленную парочку. Такое здесь запросто поймут.

— Жаль, что тебе пришлось остановить свой выбор на мне, — холодно сказала Пола.

— Ну, не мог же я пригласить Кермана, — несколько задетый, ответил я. — Позволь сказать тебе, что некоторые девушки с радостью бы ухватились за такую возможность.

— У некоторых девушек странные вкусы. — сказала она, останавливаясь на повороте. — Здесь?

— Да. А теперь, ради Христа, расслабься. Тебе вроде как полагается получать от этого удовольствие. — Я обнял ее за шею, она прижалась ко мне и задумчиво уставилась вдоль дороги на хижину. С таким же успехом я мог бы обнимать манекен. — Ты не могла бы проявить хоть какие-то чувства? — И я попытался укусить ее за ушко.

— Возможно, это и действует на других твоих подружек, — ледяным голосом сказала она, отстраняясь от меня, — но только не на меня. Открой «бардачок», там виски и пара сандвичей. Все будет тебе занятие.

Я снял руку с ее шеи и полез в «бардачок».

— Ты такая предусмотрительная, — сказал я, принимаясь жевать. — Это единственное в мире, что не даст мне зацеловать тебя.

— А почему же, ты думаешь, я прихватила это с собой?

Я уминал уже второй сандвич, когда по дороге с ревом пронесся оливково-зеленый «додж». Я сразу же понял, что это тот самый оливково-зеленый лимузин и что ведет его тот же самый громила-головорез.

Я опустился на сиденье пониже, чтобы меня не было видно.

— Тот самый тип, что следил за мной, — бросил я Поле. — Поглядывай, куда он поедет.

— Он остановился у дома Юдоры и выходит из машины, — сказала мне Пола.

Я осторожно приподнял голову, пока мои глаза не оказались вровень с ветровым стеклом. «Додж», как и сказала Пола, остановился у бело-синей хижины. Громила вылез и с такой силой хлопнул дверцей, что машина чуть не перевернулась набок, потом затопал по дорожке к парадной. Он не постучал, а просто повернул ручку и вошел: мужчина, который спешит.

— А это, ясноглазка, называется догадка, — сказал я Поле. — Я думал, она либо выйдет,

либо позвонит по телефону. Ну, она позвонила. Громила прибыл держать совет. Безусловно, все говорит о том, что я обнаружил свои намерения. Теперь произойдет нечто интересное.

— Что ты будешь делать, когда он уедет?

— Зайду к ней и скажу, что не сумел раздобыть пять сотен. А потом посмотрим, как она сыграет.

Я доел сандвич и как раз принялся за виски, когда входная дверь хижины отворилась, и громила вышел. Судя по часам на приборной панели, он пробыл внутри дома одиннадцать с половиной минут. Он поглядел по сторонам, покосился на запаркованную машину Полы, но был слишком далеко, чтобы разглядеть, кто сидит в ней, вальяжно прошел по дорожке, перемахнул через калитку, влез в лимузин и спокойно уехал.

— Ну, пробыл он там недолго, — сказал я. — Если бы все вели свои дела так же быстро, работы выполнялось бы гораздо больше. Ну, золотко, мы можем и нанести визит. По крайней мере, можешь подвезти меня, а сама подождать в машине. Мне бы не хотелось, чтобы она нервничала.

Пола завела машину и подъехала к калитке сине-белой хижины. Я вылез.

— Возможно, ты услышишь крики, — сказал я.— А возможно, и не услышишь. Если все же услышишь, ничего особенного не думай. Считай, что просто я произвел на Юдору впечатление.

— Надеюсь, она стукнет тебя по голове утюгом.

— Возможно. Она непредсказуемая женщина. Мне такие нравятся.

Я перелез через калитку и прошел по дорожке к парадной. Постучал и подождал, тихонько насвистывая себе под нос. Дом притих, как мышка, наблюдающая за кошкой.

Я постучал снова, вспомнил, как громила посмотрел по сторонам, и это его действие показалось мне вдруг зловещим. Я тронул дверь, но она оказалась запертой. Теперь настала моя очередь посмотреть в оба конца дороги. Кроме Полы с машиной, она была пустынна, как лицо старика, у которого кончился табак, а денег нет. Я поднял молоток и стукнул им три раза, произведя довольно большой шум. Пола, неодобрительно нахмурившись, выглянула из окна машины.

Я подождал, однако и на этот раз ничего не последовало. Мышка по-прежнему наблюдала за кошкой. В доме царила тишина.

— Поезжай до Бич-роуд, — велел я Поле. — Жди меня там.

Она завела двигатель и, даже не взглянув на меня, отъехала. Вот что мне очень импонирует в Поле. Она моментально чувствует экстремальную ситуацию и повинуется приказам без лишних вопросов.

И снова я посмотрел в оба конца дороги, гадая, а не подглядывает ли кто за мной из-за занавесок других домов в пределах видимости. Без этого риска было не обойтись. Я обошел дом сзади. Дверь с черного хода была открытой, и я, проникнув в дом, заглянул в маленькую кухню, какую ожидаешь найти у такой девушки, как Юдора Дрю. Посуду она, вероятно, мыла раз в месяц. Повсюду — в раковине, на столе, на стульях и на полу— стояли грязные кастрюли, тарелки и стаканы. Мусорное ведро до отказа было набито бутылками из-под джина и виски. Из раковины мне мерзко улыбалась сковорода, полная подгоревшего жира и зеленых мух. В воздухе висел тонко смешанный запах гнили, грязи и прокисшего молока. Я бы не хотел так жить, но ведь у каждого свой вкус.

Пройдя кухню, я открыл дверь и оказался в небольшом неприбранном холле, куда выходили две двери, — очевидно, из гостиной и столовой. Мягко ступая, подошел к правой от меня двери и, заглянув в комнату, снова увидел пыль, грязь, беспорядок. Юдоры там не оказалось, как не оказалось ее и в столовой. Оставались верхние комнаты. Я тихонько поднялся по лестнице, гадая, уж не принимает ли она ванну, и по этой-то причине и не ответила на мой звонок, но решил, что это маловероятно. Она была не из тех, кто вдруг решит принять ванну.

Нашел я ее в первой же спальне — громила потрудился на славу. Широко раскинув ноги, она лежала поперек смятой кровати. Блузка была сорвана со спины, на шее затянут сине-красный шарф — вероятно, ее же. Глаза с ненавистью смотрели с посиневшего до черноты лица, язык лежал в небольшой лужице пены. Зрелище было не из приятных, да и умерла она тяжелой смертью.

Я отвел от нее взгляд и осмотрел комнату. Ничего не потревожено. Она была такая же неряшливая и пыльная, как и другие комнаты, и отдавала застоявшимися духами.

Я тихонько отступил к двери, не взглянув больше на кровать и вышел в коридор. Я старался ни к чему не прикасаться, а спускаясь вниз, протер перила лестницы носовым платком. Потом снова пересек вонючую кухню, распахнул дверь с сеткой, которая на жарком бризе сама захлопнулась у меня за спиной, прошел по садовой дорожке и не спеша направился туда, где поджидала меня Пола.

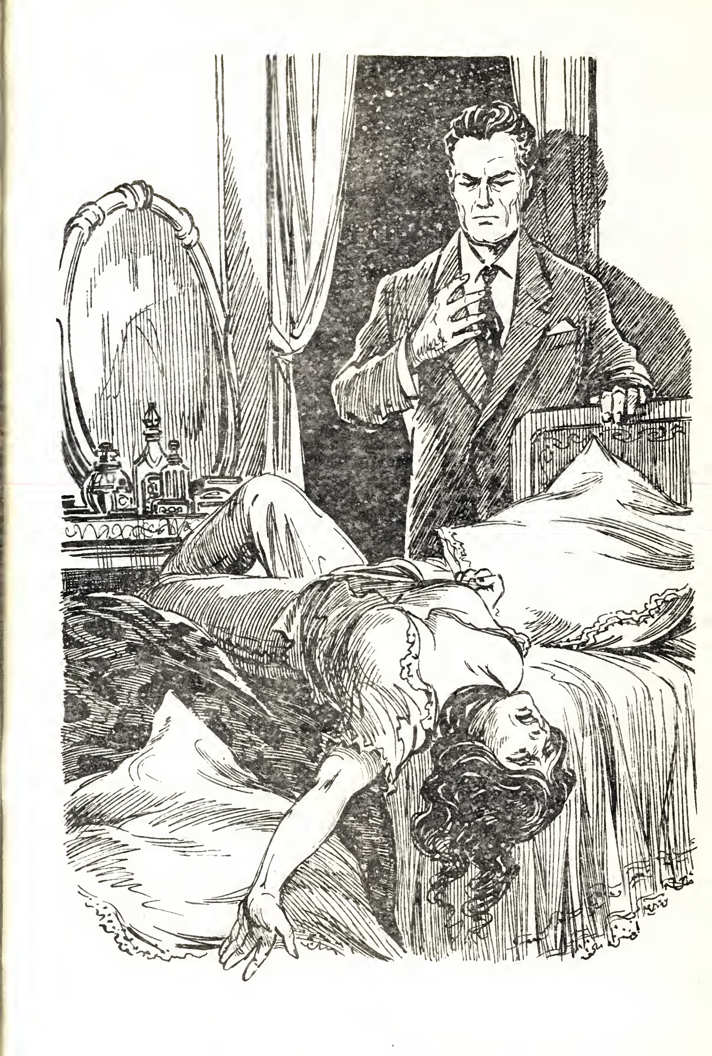
Глава вторая

I

Вызверившись на меня, начальник полиции Брэндон сидел за своим столом. Этому невысокому, склонному к полноте мужчине с копной белых, как свежевыпавший снег, волос и глазами столь же жесткими, недружелюбными и невыразительными, как пробки от пива, было уже под шестьдесят.

Из нас получился интересный квартет. На заднем плане сидела Пола, казавшаяся холодной и совершенно безмятежной. Прислонившись к стене, неподвижный, задумчивый, спокойный, как вздремнувший столетний старик, стоял Тим Миффлин. В кресле для почетных гостей перед столом восседал я, а за столом, разумеется, сидел сам начальник полиции Брэндон.

Комната была большая, просторная, хорошо обставленная. На полу лежал красивый турецкий ковер и стояло несколько кресел, на стенах висели три репродукции Ван-Гога из сцен сельской жизни.

Большой письменный стол помещался между двумя окнами, выходившими на деловую часть города.

Я бывал в этой комнате и раньше, и моя память все еще хранила неприятные моменты, которые там происходили. Я нравился Брэндону не больше, чем Хиросиме понравилась атомная бомба, и я снова ждал неприятностей.

Беседа началась не очень хорошо, и улучшения что-то не предвиделось. Брэндон уже вертел в руках сигару: верный признак его неудовольствия.

— Ну что ж, — сказал он тонким усталым голосом, — давайте еще раз начнем с самого начала. Вы получили это письмо ... — Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на письмо Джэнет Кросби, как будто от него можно было заразиться проказой. Он старался его не касаться. — Датированное пятнадцатым мая 1948 года.

Ну, это хотя бы доказывало, что он умеет читать. Я ничего не сказал.

— К этому письму были приложены пять стодолларовых банкнотов. Верно?

— Проверьте, — сказал я.

— Вы получили письмо шестнадцатого мая, положили его, не вскрывая, в карман плаща и начисто о нем забыли. Письмо обнаружилось, только когда вы отдали плащ. Верно?

— Проверьте.

Он покосился на сигару и поднес ее к своему плоскому носу.

— Ничего себе манера вести дела.

— Такое случается, — кратко возразил я. — Я помню, во время суда над Тетци, полиция положила куда-то...

— Суд над Тетци пусть вас не волнует, — сказал Брэндон голосом, которым можно было бы резать ветчину. — Мы говорим об этом письме. Вы поехали в поместье Кросби с мыслью повидать мисс Морин Кросби. Верно?

— Да, — сказал я, несколько устав от всего этого.

— Но вы не увидели ее, поскольку она нездорова, и тогда вы решили влезть в это дело поглубже и нанести визит личной служанке мисс Джэнет Кросби. Верно?

— Если вы предпочитаете выразить это подобным образом, я не возражаю.

— Это так или не так?

— Ну, разумеется.

— Эта женщина, Дрю, заявила, что, прежде чем она заговорит, ей нужно пятьсот долларов. Это ваша версия и меня на ней не купишь. Вы наблюдали за домом, и через некоторое время к нему подъехал оливково-зеленый «додж», и в дом вошел здоровенный детина. Она оставался там около десяти минут, после чего уехал. Тогда вы вошли в дом, и нашли ее мертвой. Верно?

Я кивнул.

Он снял обертку с сигары, потянулся за спичкой, а сам не спускал с меня глаз цвета пивной пробки.

— Вы утверждаете, что этот «додж» принадлежит доктору Сэлзеру, — сказал он и чиркнул спичкой по подметке туфли.

— Так говорит Миффлин. Я попросил его проверить регистрационный номер.

Брэндон перевел взгляд на Миффлина, который уставился пустым взором на противоположную стену.

— Через полчаса после того, как Мэллой позвонил вам и спросил, кому принадлежит эта машина, вы получили сообщение от доктора Сэлзера, что машину украли. Так, нет?

— Да, сэр, — глухо ответил Миффлин.

Глаза Брэндона повернулись в мою сторону.

— Вы это слышали?

— Разумеется.

— Хорошо. — Брэндон приложил горящую спичку к сигаре и затянулся. — Поскольку вы все понимаете и поскольку вам не лезут в голову всевозможные бредовые идеи относительно доктора Сэлзера. Вы, возможно, этого и не знаете, но доктор Сэлзер весьма видный и уважаемый гражданин нашего города, и я не допущу, чтобы вы и вам подобные докучали ему. Вы это понимаете?

Я задумчиво потянул себя за нос. Это оказалось для меня неожиданностью.

— Разумеется, — сказал я.

Он пустил дым через стол мне в лицо.

— Вы мне не нравитесь, Мэллой, как не нравится и ваша паршивая организация. Возможно, от нее и есть какая-то польза, но я в этом сомневаюсь. Я просто уверен, что вы смутьян. Несколько месяцев назад вы порядком намутили с делом Серфа, и, не будь вы такой шустрый, вы бы и сами попали в беду. Мисс Джэнет Кросби умерла. — Он подался вперед и еще раз посмотрел на письмо. — Род Кросби был и остается весьма богатым и влиятельным, и я вас не поддерживаю, когда вы пытаетесь навлечь на него беду. У вас нет никаких законных прав на эти пятьсот долларов, которые мисс Кросби послала вам. Их следует немедленно вернуть опекунскому совету — немедленно. И оставьте в покое мисс Морин Кросби. Если у нее неприятности с каким-то там шантажистом — в чем я сомневаюсь, — она, если ей понадобится помощь, обратится ко мне. Вас это дело совершенно не касается, и, если я обнаружу, что вы ей докучаете, я предприму шаги, чтобы упрятать вас туда, где вы уже долго никого не побеспокоите. Вы понимаете?

— Начинаю понимать, — ответил я и, подавшись вперед, спросил: — Сколько Сэлзер вносит в ваш спортивный фонд, Брэндон?

Толстое бело-розовое лицо побагровело. Глаза цвета пивной пробки полыхнули огнем.

— Предупреждаю вас, Мэллой, — сказал он с угрозой в голосе. — Мои ребята знают, как управляться с такими подонками, как вы. Как-нибудь вечерком вас затащат в темный переулок и как следует отделают. Оставьте в покое семью Кросби и оставьте в покое Сэлзера. А сейчас — убирайтесь!

Я встал.

— А сколько поместье Кросби вносит в ваш фонд благосостояния, Брэндон? — спросил я. — Сколько старик Кросби сунул вам, чтобы замять это дело два года назад, когда Морин сбила человека и он умер? Видный и уважаемый! Не смешите меня! Сэлзер такой же видный и выдающийся, как вышибала в баре Дельмонико. Как вышло, что он

подписал свидетельство о смертн Макдоналда Кросбн, если у него даже нет диплома врача?

— Убирайтесь! — очень спокойно сказал Брэндон.

Мы неотрывно смотрели друг на друга секунды, наверное, четыре, затем я пожал плечами, повернулся н направился к двери.

— Идем, Пола, давай выбнраться отсюда, пока не задохнулнсь, — сказал я и рывком распахнул дверь. — Запомни эту маленькую остроту насчет того, чтобы прищучнть меня в темном переулке. Притянуть начальника полнции к суду за оскорбленне действием даже ннтереснее, чем любого другого.

Я пошлепал по длинному коридору вслед за Полой. У нас за спиной, ступая по полу, как человек в подбитых железом ботннках ступает по яйцам, шел Миффлин.

Он догнал нас в конце коридора.

— Погоди минутку, — сказал он. — Зайдем сюда, — и открыл дверь своего кабинета.

Мы вошли, потому как Мнффлнн нравился нам обоим, к тому же он был слишком полезен, чтобы ругаться еще и с ним.

Он затворил дверь и прнслонился к ней спиной. Раскрасневшееся, будто натертое наждаком лицо, было встревоженно.

— Мило же ты побеседовал с Брэндоном, — с горечью сказал он. — Ты спятил, Вик. Ты не хуже меня знаешь, что так ничего не добьешься.

— Знаю, — ответил я, — но эта крыса вывела меня из себя.

— Мне бы следовало предупредить тебя, да вот не успел. Но ты должен знать, что Брэндон терпеть тебя не может.

— И это я знаю. Но что я мог сделать? Я должен был рассказать ему всю историю. А кто ему Сэлзер?

Миффлнн пожал плечами.

— Сэлзер хороший друг полнции. Разумеется, мне известно, что в своем санатории он творит темные дела, но в этом нет ничего противозаконного. — Понизив голос, он продолжал: — Откуда ж, ты думаешь, у Брэндона «кадиллак»? На такую штуковину денег начальника полиции не хватит. И еще одно: Морнс Кросбн оплачивает учебу сына Брэндона в колледже и счета доктора миссис Брэндон. Ты набросился на двух лучших патронов Брэндона.

— Я догадывался, что за всем этим кроется нечто подобное, иначе бы Брэндон не пришел в такую ярость, — сказал я. — Слушай, Тнм, а Сэлзер действительно звонил о пропаже машнны?

— Да, я сам с ним разговарнвал.

— Что вы намерены делать насчет зтого убнйцы? Илн вообще ничего?

— Господи, что за вопрос. Мы найдем его. Я знаю, о чем ты думаешь, Вик, только ты ошибаешься. Сэлзер слишком хитер, чтобы оказаться замешанным в убийстве. Его ты можешь вычеркнуть.

— Ну что ж, ладно.

— И берегись. То, что Брэндон сказал насчет темного переулка, не выдумка. Ты не первый и не последний, кому надавалн по ушам только потому, что он не нравится Брэндону. Это я тебе говорю. Берегись.

— Спасибо, Тим. Я буду осторожней, но я в состоянии постоять за себя.

Мнффлин потер свой бесформенный нос тыльной стороной ладони.

— Все не так просто. Ты начнешь отвечать, а тебе пришьют нападение на полицейского при нсполнении служебных обязанностей. Протнв тебя состряпают дело и посадят, а уж в тюрьме тебя по-настоящему отделают.

Я похлопал его по руке.

— Это пусть тебя не волнует. Меня оно, во всяком случае, не волнует. Что-нибудь еще?

Миффлин покачал головой.

— Просто будь начеку, — сказал он, открыл дверь кабинета, глянул в оба конца коридора, чтобы удостоверится, что путь свободен, н сделал нам знак рукой уходить.

Мы спустились по каменным ступенькам в вестнбюль. Два крупных мужчины в штатском торчали у двойных дверей. У одного из них были огненно-рыжне волосы н дряблое белое лицо. Второй был худой и на вид такой же жесткий, как кусок чушкового чугуна. Оба нетороплнво н задумчиво оглядели нас, н рыжеголовый аккуратно сплюнул в латунную плевательницу, находившуюся в шести ярдах от него.

Мы прошли мимо них и спустились по ступенькам на улицу.

II

За «Орчид-Билдингс» есть узкий переулок, который в основном используется для парковки машин, принадлежащих руководящим работникам и сотрудникам находящихся в этом зданнн учреждений, а в дальнем конце переулка вы найдете бар Финнегана.

Майк Финнеган был давннм моим другом: знать такого человека полезно, поскольку у него случались контакты с хулиганами и бывшимн заключенными, которые появлялись в Орчид-снти, и он зачастую оказывался в курсе любого затевавшегося темного дела. Несколькими годами раньше я помог Фннегану в одной стычке с тремя оторвиголовами, которым тогда вздумалось выколоть ему глаза разбитой бутылкой из-под виски. Финнеган, похоже, считал, что, если бы не я, он бы наверняка лишился зрения, и он просто не знал, как и благодарить меня.

Бар Финнегана был не только нсточником полезной информацин, но и удобным местом встречи после работы, и, подумав, что Керман, скорее всего, будет там, я припарковал «бьюик» перед заведением и вошел туда вместе с Полой.

Шел уже двенадцатый час, и у стойки находились два-три случайно забредших посетителя. Джек Керман сндел, развалясь за столиком в углу, перед ним лежала газета, под рукой стояла бутылка шотландского. Он поднял глаза и махнул нам рукой.

Проходя через зал, я помахал Финнегану, который одарил меня великодушной улыбкой. Финнегану никогда не видать прнза за красоту. Сложенный как горилла, с побнтым, в шрамах,

лицом, столь же уродливым, сколь и забавным, он казался помесью Кинг-Конга и десятитонного грузовика.

Керман встал и изысканно поклонился Поле.

— Невозможно представить, чтобы ты появилась в таком кабаке. Только не рассказывай мне, будто желчь и чопорность ты заперла в сейфе на работе.

— Оставь, Джек, — сказал я, присаживаясь. — У нас наворачиваются дела. Прежде чем я введу тебя в их курс, ты ничего не хочешь мне сообщить?

Не успел он ответить, как подошел Финнеган.

— Добрый вечер, Мэллой. Добрый вечер, леди.

Пола улыбнулась ему.

— Еще одну рюмку, Майк, — сказал я. — Я помогу Керману прикончить бутылку. — Я посмотрел на Полу. — Кофе?

Она кивнула.

— И кофе для мисс Бенсинджер.

Когда Финнеган принес рюмку и кофе и вернулся к бару, я сказал:

— Ну, выкладывай, что там у тебя.

— Я проведал Джоан Парметту, — начал Керман и закатил глаза. — Какой шарм, какие формы. — Он изобразил в воздухе ее фигуру. — Если бы не дворецкий, который то и дело возникал в дверях, у нас бы возникла красивая дружба. — Он вздохнул. — Интересно, и что только находят во мне женщины?

— Отсутствие ума, — тут же подбросила Пола. — Для женщин это разнообразие — говорить с мужчинами свысока.

— Ладно, оставь, —резко приказал я, когда Керман уже стал подниматься со стула, потянувшись к бутылке с виски. — Неважно, как она выглядит. Что она сказала о Джэнет?

Керман уселся на место, вызверившись на Полу.

— Она заявила, что такой дичи, будто Джэнет умерла от сердечной недостаточности, она сроду не слыхала. За два дня до смерти она играла с Парметтой и, что называется, сделала из нее котлету. Это похоже на сердечную недостаточность?

— Что-нибудь еще?

— Я спросил ее об этом самом Шеррилле. Между прочим, его нет в городе. Джоан Парметта заявила, что Джэнет была без ума от Шеррилла. Они очень часто встречались. За неделю до смерти Макдоналда Кросби, Шеррилл перестал ходить в дом, и помолвка была разорвана. Причины никакой не называли, и даже Джоан, которая была очень близка с Джэнет, ничего не узнала, как ни пыталась. Джэнет заявила, что у них возникли разногласия, и не пожелала говорить об этом.

— Она не сказала, что за тип был этот Шеррилл?

Керман пожал плечами.

— Она встречалась с ним всего два-три раза. Говорит, он красив, но не имеет представления, что у него за работа и есть ли деньги. У него дом на Россмор-авеню. Маленький, но симпатичный. За домом присматривает одна китаяночка. — Он послал воздушный поцелуй к потолку. — Она тоже славная. Правда, я особенно из нее ничего не вытянул. Она без понятия, когда Шеррилл вернется. Парень живет хорошо и, судя по всему, неплохо зарабатывает. В гараже стоял «кадиллак» размером с линкор, а у сада такой вид, как будто денег на него не жалеют. Ну, еще бассейн и прочие обычные причиндалы, все в небольшом масштабе, но со вкусом.

— У тебя все?

Керман кивнул.

Я вкратце рассказал ему о визите к Юдоре Дрю, о приезде громилы, об убийстве и о моей беседе с Брэндоном. Совершенно позабыв о спиртном, он сидел и слушал, а глаза у него округлялись все больше и больше.

— Боже милостивый! — воскликнул он, когда я закончил. — Вот это вечерок! Что дальше? Бросаем это дело?

— Не знаю, — сказал я, наливая себе еще. — Деньги придется вернуть. А чтобы сделать это, надо узнать, кто распоряжается состоянием Кросби. Наверняка это не Морин. У нее наверняка есть адвокаты или представитель, который ведет ее дела. Вероятно, это можно узнать из завещания Кросби. Я также хочу взглянуть на завещание Джэнет. Хочу узнать, не оставила ли она каких-нибудь денег Юдоре. Если нет, тогда кто же ей их давал? В общем, я не говорю, что мы бросили это дело, но и не говорю, что продолжаем. Подсоберем еще кое-какие факты, тогда и решим. Отныне — максимальная осторожность в действиях. Брэндон может нам многое напортить.

— Если вернем деньги, дело будет закрыто, — сказала Пола. — Какой смысл работать бесплатно?

— Я знаю. И все равно это дело меня очень интересует. Кроме того, мне не нравится, что Брэндон берется командовать мною. — Я допил рюмку и отодвинул стул от стола. — Ну, пожалуй, нам пора. Я бы с удовольствием поспал.

Керман потянулся и встал.

— Я только что вспомнил, что завтра утром мне надо свозить малышей Хоффлина в Голливуд, — сказал он, поморщившись. — Персональная экскурсия по студии «Парамаунт». Кабы не возможность лично увидеть Дот Лямур, я бы отказался. Эти три ублюдка наводят на меня ужас.

— О'кей, — сказал я. — Послезавтра ты вернешься?

— Да. Если останусь цел.

— К тому времени я уже решу, что будем делать. Если пойдем дальше, работать придется быстро и четко. Подожди минутку. Мне надо перемолвиться с Майком.

Я прошел к бару, где Финнеган неторопливо протирал стаканы. Старый развратник и его блондинка как раз уходили. Блондинка посмотрела на меня из-под наведенных ресниц и подмигнула. Я подмигнул ей в ответ.

Когда они уже не могли слышать, я сказал:

— За мной следит один парень, Майк. Крупный, сложен, как боксер, сплющенное ухо и нос, ходит в желтовато-коричневой шляпе со шнурком на тулье. Курит манильские сигары, с виду такой крепкий, что может есть ржавые гвозди. Видел его когда-нибудь?

Майк протер бокал, и прищурившись, посмотрел его на свет. Затем аккуратно поставил на полку.

— Похоже на Бенни Дуэна. А точно Бенни, если от него разит чесноком.

— Так близко я к нему не подходил. Кто этот Бенни Дуэн?

Майк взял очередной стакан, сполоснул под краном и принялся его протирать. Отвечал он на вопросы раздражающе неторопливо. Этим он никому ничего не доказывал, просто такая уж у него была привычка.

— Крутой гангстер, — сказал он, прищурился на стакан и почистил его еще немного. — Отсидел пять лет за грабеж с насилием в 1938-м. Получил работу в санатории Сэлзера. Предполагается, что он якобы уже остепенился, в чем я сомневаюсь.

— И чем же он занимается в санатории Сэлзера?

Майк пожал плечами.

— На подхвате: моет машины, присматривает за садом...

— Для меня это важно, Майк. Если это Дуэн, его могут обвинить в убийстве.

Майк присвистнул.

— Ну, похоже на него. Я видел его в этой шляпе.

Я еще раз повторил описание, тщательно и подробно.

— Да, — сказал Майк. — Очень уж похож. Он никогда не бывает без манильской сигары, а нос и правое ухо у него сплюснуты. Наверняка это он.

Я ощутил смутное возбуждение.

— Ну, спасибо, Майк.

Я вернулся к своим, они наблюдали за мной через зал.

— Майк опознал громилу, — сказал я им. — Его зовут Бенни Дуэн, и знаете, где он работает? У Сэлзера.

— Просто удивительно, как ты все узнаешь, — заметил Керман, улыбаясь. — И что же ты собираешься делать?

— Сообщить Миффлину, — произнес я. — Подождите секундочку, ладно? Я сейчас ему позвоню.

В управлении полиции мне сказали, что Миффлин ушел домой. Я отыскал в телефонной книге его домашний номер и попросил соединить меня с ним. Вскоре в трубке раздался сонный и усталый голос Миффлина.

— Говорит Мэллой, — сказал я. — Прости, что разбудил тебя, Тим, но я уверен, что могу опознать парня, который укокошил Юдору Дрю.

— Да что ты? — голос у Миффлина повеселел. — Это же здорово! И кто же он?

— Бенни Дуэн. И запомни, Тим: он работает на Сэлзера. Если ты прямо сейчас поедешь в санаторий, ты, вероятно, сможешь зацепить его.

Последовало долгое, тяжелое молчание. Я ждал, улыбаясь, и пытаясь представить себе выражение лица Миффлина.

— Сэлзер?! — сказал он наконец. Голос у него звучал так, будто он набрал полон рот горячих картофелин.

— Совершенно верно. Дружочек Брэндона.

— Ты в этом уверен?

—Да. Во всяком случае, я опознаю его для тебя. Пола тоже. Мы были бы рады это сделать.

— Опознаете? — в его голос закралась нерешительность.

— Ну да. Сэлзер, разумеется, скорей всего расстроится. Но, кроме Брэндона, кого Сэлзер волнует?

— Ах, черт! — с отвращением сказал Миффлин. — Придется мне перемолвиться словечком с Брэндоном. Такую кашу один я заварить не могу.

— Ну что ж, потолкуй с ним. Не забудь сказать ему, что я звоню ночному редактору «Геральд» и сообщаю ему эту историю. Мне не хотелось бы, чтобы Дуэн ушел у тебя из рук только потому, что Брэндону не хочется огорчать своего дружочка.

— Ни в коем случае не делай этого! — завопил Миффлин. — Послушай, Вик, ради бога, не натвори никаких глупостей с прессой. Уж чего-чего, а этого Брэндон не потерпит.

— Жаль, потому что именно это я и собираюсь сделать. Сообщи ему, а сам лови Дуэна, если не хочешь, чтобы на тебя набросилась пресса. Пока, Тим. — Он все еще вопил, когда я положил трубку.

Пола с Керманом подошли к телефонной будке и все слышали.

— Подкрутил его? — спросил Керман, потирая руки.

— Да так, легкая истерика. Им, похоже, не хочется огорчать Сэлзера. — Я набрал номер, подождал, затем, когда мужской голос ответил: «Редакция «Геральд»,» я попросил соединить меня с ночным редактором.

Мне понадобились минуты две, чтобы выложить ему эту историю. Он накинулся на нее, как изголодавшийся набрасывается на обед из пяти блюд.

— Сэлзер вроде как балует Брэндона, — объяснил я. — Не удивлюсь, если он попытается замять это дело.

— А если ему это удастся, моей вины тут не будет, — сказал ночной редактор, дьявольски хихикнув. — Спасибо, Мэллой. Я все искал дубинку, какой бы побить эту крысу. Предоставь это мне. Я ему устрою.

Я положил трубку и вышел из кабины.

— Что-то подсказывает мне, что я сам заварил кашу, — сказал я. — Если я не ошибаюсь, приятных снов Брэндону сегодня не видать.

— Какая жалость, — отозвался Керман.

III

Поезжайте на север по бульвару Орчид, мимо поместья «Санта Роза», и вы, наконец, доберетесь до узкой дороги, которая ведет к песчаным дюнам и к моей хижине.

Место для жилья не ахти какое, но туда хотя бы не доносятся звуки чужих радиоприемников, а когда у меня появляется желание попеть йодлем, никто не возражает. Мое жилище — это бунгало из четырех комнат, построенное из узловатой канадской сосны. Есть при доме и садик размером с носовой платок, его более или менее содержит в порядке Тони, мой слуга-филиппинец. В сотне ярдов от моей парадной голубой Тихий океан,

а за домом, справа и слева, заросли кустарннка, песок, а чуть дальше стоят полукругом синие пальметто. Там одиноко н тихо, как на могиле нищего, но мне там нравнтся. Я живу там больше пятн лет, и не хотел бы жить ни в каком другом месте.

Выйдя из бара Фнинегана, я поехал по песчаной дороге домой. Было без двадцати двеиадцать. В иебе торчала огромная, похожая на арбуз, луна, и ее белые вездесущне лучи как прожектор освещали кустарники и пески. Поверхность воды казалась похожей на черное зеркало, воздух был тих и жарок. Окажись под рукой блондинка, это была бы ромаитическая ночь.

Завтра, говорил я себе, катя по дороге, будет очеиь загруженый день. Пола обещала, как только откроется «Каунти Билдингс», ознакомиться с завещаниями Макдоналда и Джэнет Кросби. Мне хотелось еще разок повидаться с сиделкой Гэрнн. Хотелось также узнать, кто адвокат Морин Кросби, и побеседовать с иим. К тому же мне надо было побольше разузнать о Дагласе Шеррилле. Если завещання не дадут ничего интересиого, если адвокат Морин удовлетворен создавшнмся положением н если не будет иикакнх подозреинй в отиошении Дагласа Шеррнлла, вот тогда, решил я, я вериу эти пятьсот долларов и буду счнтать дело закрытым. И все же я смутно сознавал, что не закрою это дело, хотя мие еще иадо было убедиться, что поиапрасну трачу время.

Я тормознул перед сосновой коробкой, которая служит мне гаражом, прошел по горячему песку и открыл дверь. Потом вернулся в машину, въехал в гараж, выключнл двигатель и задержался, прнкурнвая снгарету. В этот момент я совершеино случайно броснл взгляд в зеркало заднего внда, и мое винманне привлекло какое-то двнженне в освещеииых луной кустах.

Я момеитальио погасил спичку и сидел ие шевелясь, иаблюдая за кустамн в зеркало. До них по прямой от задка машины было ярдов пятьдесят. Движеиие повторилось, ветки наклоиились и задрожали, затем сиова замерли.

Ветер, поскольку его ие было, не мог послужить прнчиной движения кустов. Не могла его вызвать и нн одна птичка — ие те у нее размеры. Я решил, что за этими кустами кто-то прячется — то ли мужчиаа, то ли жеищина, — и оии либо отодвииули веткн, чтобы лучше вндеть, либо же ухватнлись за ннх, чтобы не упасть.

Мне это ие понравнлось. Человек, который прячется в кустах, обязательио замышляет что-иибудь дуриое. Пола иеодиократно говорила, что моя хижина в абсолютиом уединенин, а это опасно. Прн такой работе у меня, естественно, появлялись врагн, иногда такие, кто угрожал стереть меия с лица земли. Уединенность н изоляция моего дома могли искусить любого человека с дуриыми иамерениями. Здесь можио было запросто затеять войну в миниатюре, н никто бы о ней ие услышал, и я с сожаленнем подумал, что мой револьвер 38-го калибра, предназиаченный специальио для полиции, лежит в ящике гардероба.

Отключив двигатель, я погасил фары, и в гараже стало совершеиио темио. Если скрывавшийся в кустах собирался что-то затеять, значит, он иачнет, когда я выйду на лунный свет и стану запирать дверь. Не попасть в меия на таком расстояннн и прн таком освещенни просто было нельзя.

И если я хотел застать врасплох затанвшуюся руку, мне надо было что-то немедленно предпрнинять. Чем дольше я буду сндеть в машине, тем большую иастороженность и подозрнтельиость проявит ои — если это ои. А если я не покажусь, ои даже может начать стрелять по задней части машины в иадежде, что меня отыщет шальиая пуля.

Открыв дверцу машиины, я скользиул в темиоту. С того места, где я стоял, я вндел кусок пляжа, густые заросли кустарника, деревья, поразительно четкие в лунном свете. Выйти туда, в это буйиое кнпение белого света, было бы невероятиой глупостью, а я не собирался совершать глупостей. Я отступил назад и ощупал грубые доски задней стенки. Однажды, после того как я прокутил всю ночь с Джеком Кермаиом, я заехал в гараж слишком быстро и чуть ие проехал его насквозь. Я зиал, что несколько досок отошли вместе с гвоздями, н сейчас решнл выбраться нз гаража, отодрав одну из них.

Я отыскал доску послабее и прннялся за дело, а сам ие сводил глаз с той кучки кустов.Там иичего не двигалось. Кто бы ии прятался за кустами, лежал ои очень тихо. Доска уступила под монм напором, я поднажал еще, затем бочком протисиулся в образовавшееся отверстне.

Сразу за гаражом шла полоска песка, потом — кусты. Я бесшумно скользнул по песку н укрылся в кустах, но довольио-таки запыхался. Для подобиых упражненнй было жарковато, и, переводя дыханне, я опустился иа песок, чтобы обдумать положенне.

Самое разумное — это незаметио прокрасться к задней части хижины, проиикнуть в дом н взять револьвер из ящнка гардероба. Я чувствовал, что, как только револьвер окажется у меня в руках, я справлюсь с тем, кто ищет прнключений иа свою голову. Достаточио одного выстрела из окна спальнн в сторону кустов, н у того, кто там прячется, отпадет, вероятно, всякая охота вестн нгры.

Единствеиным препятствием для проведения этого плана в жизнь было то, что затанвшийся враг, поскольку я не появляюсь из гаража, догадается, что я заметнл его, и тоже двинется в этом направлении, чтобы отрезать меня от дома. С другой стороны, он может н подумать, что я все еще в гараже и боюсь выходить, и решит дождаться-таки моего появлення.

Я иетороплнво поднялся иа иоги и, прнгибаясь пониже, стал потихоньку красться к хижнне, прячась за кустамн н стараясь ступать осторожней. Пока тянулнсь кусты, все было относнтельно просто, но ярдов через десять они коичались, а иачинались сиова после прогалииы футов в двадцать. Я готов был лопнуть с досады — до того голым казался этот отрезок в ярком свете луны. Гараж меня уже не прикрывал, и, вздумай я рваиуть через это открытое пространство, затанвшийся в кустах непременно бы меня увидел. Добравшнсь до самого края, я остаиовился и глянул сквозь кусты. Единствеиным утешением в этом иовом положеиии

было то, что теперь расстояние до меня от той кучки кустов значительно увеличилось и составляло уже не пятьдесят, а примерно сто двадцать ярдов, а попасть в движущуюся цель, даже такую крупную, как я, с этого расстояния довольно трудно — надо быть снайпером. Я решил рискнуть.

Сняв шляпу и взяв ее за самый краешек поля, я запустил ее в направлении той кучки кустов в надежде отвлечь внимание, а сам, не успела еще шляпа упасть на песок, прыгнул вперед и побежал.

Одно дело набрать скорость на твердом грунте, и совсем другое, когда ноги по щиколотки вязнут в песке. Кабы не отвлекающий момент со шляпой, воспарившей в лунном свете, мне бы крышка.

Я упал на четвереньки, кое-как встал и нырнул к укрытию. Тихую ночь разорвал грохот выстрела. Пуля, как злющая оса, просвистела над самой моей головой, обдав меня воздухом, будто от веера. Такой меткой стрельбы я не ожидал. Распластавшись, подобрал под себя колени, сделал сальто и снова оказался в укрытии. Револьвер громыхнул снова, и пуля швырнула песок мне в лицо.

Теперь уже я разволновался, как старушка, в дом которой забрались воры. Весь покрывшись потом и ругаясь, я полез напропалую дальше, ища укрытия понадежней. Снова бабахнуло, и на этот раз пуля скользнула по тыльной стороне ладони, содрав кожу и обжегши меня, как будто ко мне прикоснулись раскаленной кочергой. Я распластался и лежал, едва переводя дыхание и сжимая руку, совершенно не в состоянии ничего видеть. Если бы этот буйвол, засевший там, решил подойти и прикончить меня, я оказался бы в паршивом положении. Надо было продолжать двигаться. Хижина по-прежнему казалась страшно далекой, но я находился в укрытии и все еще чувствовал уверенность, что непременно доберусь туда, если только буду бесшумно двигаться. Рисковать я больше не собирался. Кто бы ни засел там, стрелять он умеет. Он чуть не пришил меня на таком расстоянии, а это уже стрельба высокого класса. Не то чтобы я был в панике, но меня прошиб холодный пот, а сердце стучало как паровой молот. Я как можно быстрее и тише пополз по песку. Преодолел уже футов пятьдесят, когда услышал шорох травы, потом вдруг треснула сухая ветка. Я замер, прислушиваясь и затаив дыхание; мне казалось, что мои собственные нервы вышли наружу и ползают по спине, как ножки паука. Снова зашелестела трава, вслед за тем раздался мягкий, свистящий шепот потревоженного песка: близко, чертовски близко. Я лежал, распластавшись и целуя песок, волосы у меня на затылке встали дыбом.

В нескольких ярдах от меня шевельнулся куст, треснула еще одна ветка, и воцарилась тишина. Он стоял где-то прямо надо мной, и, прислушавшись, я даже вообразил, что слышу его дыхание.

Мне ничего не оставалось, кроме как ждать. Минута проходила за минутой. Он, вероятно, догадался, что я где-то рядом с ним, и тоже ждал, надеясь, что издам какой-то звук и он меня обнаружит. Я был готов ждать подобным образом хоть всю ночь, но через какой-то отрезок времени, показавшийся мне бесконечно долгим, он снова сменил положение, однако на сей раз подальше от меня. Я по-прежнему не шевелился. Он обходил куст за кустом, отыскивая меня, а я прислушивался к его шагам. Очень медленно, очень осторожно я встал на четвереньки. Я поднимал голову дюйм за дюймом, пока не оказался в состоянии смотреть сквозь поредевшие ветки кустов. И тут я увидел его. Тот самый громила! Он стоял там в своей желтовато-коричневой шляпе, плечи широченные, как дверь амбара, приплюснутые нос и ухо еще более уродливые в лунном свете. Он стоял ярдах в тридцати от меня, сжимая в руке кольт 45-го калибра. Стоял вполоборота ко мне, обшаривая взглядом кусты справа. Будь у меня пистолет, я бы запросто снял его с такого расстояния.

Он стоял неподвижно, напряженно, слегка выставив руку с револьвером. Затем повернулся и направился в мою сторону, несколько нерешительно, как будто не был уверен, что движется в правильном направлении, однако исполненный решимости найти меня.

Каких-нибудь десять шагов, и он окажется прямо надо мной. Я пригнулся, прислушиваясь к его осторожному приближению. Сердце у меня стучало. Я стиснул зубы и затаил дыхание.

Остановился он в трех футах от меня. Сквозь кусты я видел его толстые ноги в брюках. Как бы мне выхватить у него пистолет...

Он повернулся ко мне спиной. Я прыгнул на него. Мои руки, мой мозг, мой прыжок — все было нацелено на его пистолет. Пальцы моих рук сомкнулись на его толстом запястье, а плечо глухо врезалось ему в грудь, и от отшатнулся. Он издал испуганный вопль. Я согнул ему запястье, разомкнул пальцы, вцепился в револьвер. Какую-то долю секунды все шло по-моему сценарию. Неожиданность моего наскока парализовала его, а также боль, когда я придавил его пальцы к рукоятке. Но стоило револьверу оказаться у меня, как он ожил. Его кулак врезался мне в шею рубящим ударом, достаточно сильным, чтобы вогнать в дубовую доску шестидюймовый гвоздь. Я отлетел в кусты, все еще сжимая револьвер, пытаясь положить палец на спуск, но сделать этого не успел — его ботинок вышиб револьвер у меня из руки. Он отлетел в кусты. Что ж, не так уж и плохо. Мне он не достался, но и ему тоже.

Он метнулся за мной, продираясь через кусты. Однако эти песчаные кусты требуют уважения к себе. Они не любят, когда на них набрасываются, сломя голову, и не успел он сделать два-три прыжка, как зацепился за корень и растянулся, что дало мне время вскочить на ноги и выбежать на открытое пространство. Я не хотел, если нам придется драться, чтобы мне мешали пучки травы и корни. Этот тип был гораздо тяжелее меня, да и бил он как копытом, я по-прежнему чувствовал себя оглушенным от того резаного удара по шее и не хотел получить новый. Драться с ним я мог только на просторе, где можно было уходить и снова сходиться.

Он догнал меня, когда я выбежал из кустов. Я уклонился от его наскока, садanул его в нос, когда он бросился на меня снова, а сам получил удар сбоку по голове, от которого у меня заклацали зубы.

Он пошел на меня снова, и лунный свет высветил его лицо: холодная маска убийцы, лицо человека, который вознамерился убить и которого уже ничто не остановит. Я отпрыгнул, подкатился снова и врезал ему по изуродованному уху. Он что-то хрюкнул и потряс головой, вытянув вперед руки со скрюченными пальцами. Я не стал ждать его наскока, а сам бросился в атаку, нанося удары кулаками. Однако на этот раз мои удары не достигали цели, а его руки вцепились в мой пиджак.

Я резко выбросил вверх колено, но этот прием был ему хорошо знаком, и он повернулся боком, приняв удар на бедро. Он схватил меня за горло, а я врезал ему по ребрам. Он снова застонал, но его пальцы, как стальные крючья, впивались мне в горло.

Тут уж я по-настоящему пошел на него. Я понимал, что, как только я дам слабинку, мне конец, а парализующие тиски на горле могли лишить меня силы за две-три секунды, если только я не оторвусь от него. Я заколотил его по ребрам, а потом, поскольку он так и не отцепился, ткнул пальцами ему в глаза.

Он резко вскрикнул, отпустил мое горло и отшатнулся. Я двинулся вслед за ним, колошматя его по корпусу. Он зажал глаза руками и уже не сопротивлялся. Сделать он почти ничего не мог, и я сбил его с ног. Он упал на колени. Смысла отбивать на нем кулаки не было, я отступил назад и ждал, когда он уберет руки от лица. Дыхание вырывалось из него короткими всхлипами. Он попытался встать на ноги, но это ему не удалось. Застонав, он оперся руками о землю, чтобы подняться, а я только этого и ждал, примерился и нанес сокрушительный удар в челюсть. Он упал назад, перевернулся, стал подниматься на ноги, потом упал и распластался.

Я подошел к нему и, увидев, что из уголков глаз у него сочится кровь, почувствовал к нему жалость. Я вовсе не собирался его так отделывать, но иного выхода не было — или его жизнь или моя. Во всяком случае, я не убил его.

Наклонившись, я вытащил у него из брюк толстый кожаный ремень, перевернул его и связал руки за спиной. Своим ремнем я связал ему лодыжки.

Он был слишком тяжел, чтобы тащить его, а мне хотелось поскорее добраться до телефона и до пистолета. Я решил, что до моего возвращения с ним ничего не случится, повернулся и дунул к хижине.

Мне понадобились две минуты, чтобы вторично разбудить Миффлина. На этот раз он казался сердитым, как оса, которую ударили мухобойкой.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Тут у меня Дуэн.

— Дуэн? — гнева в его голосе как не бывало. — У тебя?

— Да. Приезжай. Прихвати ребят и карету. Дайте мне хоть немного поспать сегодня.

— Дуэн?! Но ведь Брэндон сказал, что...

— Плевать я хотел на то, что сказал Брэндон! — заорал я. — Приезжай и заберн его!

— Не кипятись, — покорно сказал Миффлин. — Я еду.

Когда я бросил трубку на рычаг, где-то на дюнах раздался выстрел. Я в два прыжка оказался у платяного шкафа, резко растворил дверцу и схватил свой револьвер 38-го калибра. Еще не замерло эхо выстрела, а я уже снова оказался у входной двери. Я не выбежал сломя голову на лунный свет, а постоял в тени веранды, оглядываясь по сторонам, но ничего не увидел и не услышал. Мне, однако, было как-то не по себе.

Затем где-то за пальметто заработал двигатель, и машина, быстро переключая передачи, уезжала.

Я спустился по ступенькам веранды, держа пистолет на уровне пояса, прошел по садовой тропке и пересек залитую лунным светом полоску песка. Шум машины становился все слабее и слабее, пока наконец не замер совсем.

Добравшись до Бенни Дуэна, я остановился. Кто-то выстрелил ему в голову с очень близкого расстояния. Пуля вошла сбоку, и вспышка от пороха опалила его сплюснутое ухо.

Он казался совершенно безобидным и одиноким. И совершенно мертвым.

IV

Я толкнул дверь с матовым стеклом, на которой золотыми буквами было написано: «Универсальные услуги», а в правом нижнем углу буквами поменьше стояло: «Директор Виктор Мэллой». Маленькая блондинка, сидевшая у нас на коммутаторе в приемной, робко улыбнулась.

—Доброе утро, мистер Мэллой, — сказала она, показывая красивые белые зубки.

У нее был курносый нос, а манеры, как у щенка. Чувствовалось, что стоит ее только погладить, как она тут же завиляет хвостом. Славная малышка. 18 годиков, не больше, и всего два кумира — я и Бинг Кросби*.

Две малышки, сидевшие за пишущими машинками, тоже блондинки и тоже щенята, улыбнулись, как улыбаются девочки-подростки, и тоже сказали:

— Доброе утро, мистер Мэллой.

Мистер Мэллой оглядел свой гаремчик и заметил, что утречко выдалось славное.

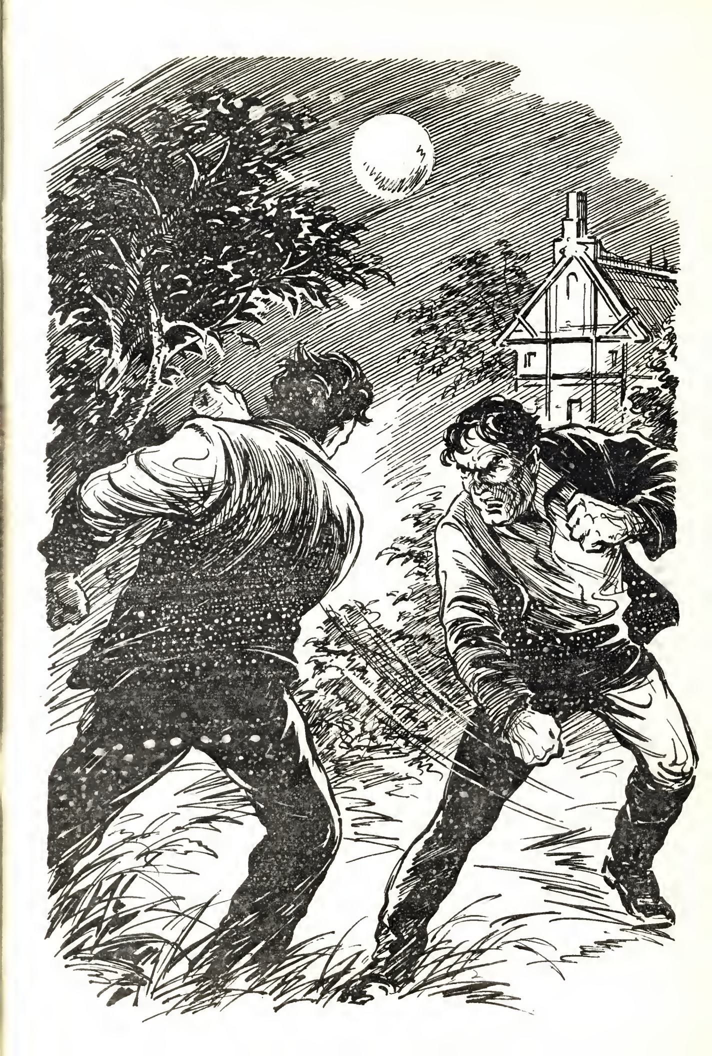
— Мисс Бенсинджер в «Каунти Билдингс», — сообщила мне оператор коммутатора. — Она, возможно, немного опоздает.

— Спасибо, Трикси. Я буду у себя. Когда придет, скажите, что она мне нужна.

Она одарила меня взглядом, который, возможно и означал бы что-нибудь для меня, будь она на пару лет старше и не работай у меня, и повернулась на стуле, чтобы ответить на телефонный звонок.

Я прошел в кабинет и закрыл дверь. Настольные часы подсказали мне, что сейчас пять минут одиннадцатого, рановато для рюмки, но мне хотелось выпить. Немного поколебавшись, я решил, что бутылка не узнает, что еще слишком рано, вытащил ее из ящика стола и слегка приложился к горлышку, испытывая чувство стыда. Затем сел, закурил сигарету и просмотрел утреннюю почту, но не нашел ничего интересного. Я опустил все в

* Бинг Кросби (1903—1977) — американский певец и актер.

ящик для исходящей корреспонденцин, чтобы ею занялась Пола, положил иоги на стол и закрыл глаза. После иочного возбуждения я был несколько не в форме.

Над головой сонно гудела зелеиая муха. В приемиой стучалн две машинки. Трикси игралась со своими переключателями. Я задремал.

Без двадцати одиииадцать пробудился, услышав голос Полы в приемиой. Я успел убрать иоги со стола н подтащнть к себе ящнк с нсходящей корреспондеицией, прежде чем оиа открыла дверь н вошла.

— Вот и ты, — сказал я как можио веселее. — Входи, входи.

— Еслн тебе иепременно надо спать прямо в офнсе, постарайся хотя бы не храпеть, ладно? — сказала оиа, подтаскивая стул и присаживаясь. — Это деморализует сотрудников.

— Оии уже мнoго лет деморализованы, — сказал я, улыбаясь. — Ночью я спал ие больше двух часов. Сегодня утром я старый, разбитый человек, и ко мне надо быть повнимательией.

Ее спокойные карне глаза задержались на сняяке у меня на скуле, а бровн подпрыгнулн.

— А это что такое?

— Да так, кое-что. — И я рассказал ей о визите Бенни Дуэна.

— Ои мертв? — в нспуге вослкнкнула оиа. — И кто же его застрелил?

— Точно не знаю, но у меня есть одна мыслишка, — сказал я, — задирая иоги иа стол. — Через десять мннут после моего звоика прнбыли фараоны, но Миффлина с нимн почему-то не оказалось. Помнишь тех двух, иа которых мы иаткнулись в управлеиии: рыжеволосый и другой, крутой с виду. Так вот, прнехали они. Сержант Макгро — это рыжеголовый, н сержант Хартселл. Парочка прнятных, вежливых ублюдков, с которымн не прнведи бог встречаться. Они даже не пытались скрыть, как они рады, что нашлн Дуэна мертвым. Разумеется, это понятно. Его смерть избавляет Сэлзера от хлопот. Теперь ему только н надо, что заявнть, будто Дуэн больше иа него не работал. А почему Дуэн украл машину Сэлзера, убрал Юдору и пытался разделаться со мной — это уж пусть узнает полнция. Готов спорить, что полнция этого никогда ие узнает.

— Ты сказал, что догадываешься, кто убил его.

— Да. Когда эти двое увезли Дуэна, я походил вокруг дома, вынскивая улики. Онн прнехали в полицейской машнне с ромбоидальными протекторами на покрышках. Отпечатки таких же точно шин я нашел за своей хижиной. По-моему, они приехали рано вечером понаблюдать за мной и оказалнсь в переднем ряду, когда Дуэн закатнл в мою честь небольшое представление. Когда же я его вырубил и связал, нскушение оказалось слишком велико для них. Пока я звонил Миффлину, они подошлн к Дуэиу и прикоичили его.

— Ты хочешь сказать, два сотрудника полицин?.. — заговорнла Пола, н глаза у нее расшнрились.

— А ты посмотрн, от скольких хлопот это их нзбавляет, — сказал я. — Поставь себя на их место. Парня разыскивают за убнйство, и у него почти наверняка развяжется язык, еслн он когда-либо предстанет перед судом. Ему, вероятио, есть много чего рассказать о докторе Сэлзере, прнчем такого, что будет весьма интересно смотреться в газетах. Брэндои друг Сэлзера. Что может быть удобнее, чем всадить Дуэиу пулю в голову и нзбавить дружочка Брэндоиа от судебиых нздержек н неудобств? Проще простого, правда? Я, разумеется, могу и ошибаться, только почему-то в этом сомиеваюсь. Во всяком случае, тут мы почтн ничего сделать ие в состоянии, так что давай обратнмся к другим делам. Ты посмотрела завещания обоих Кросбн?

Пола кивнула.

— Джэнет завещания не составляла. Кросби оставил три четвертн состояния ей, а четверть — Морин. Очевидно, Джэнет была его любимицей. В случае смертн Джэиет все должно было отойти Морин, при условии что она будет держать себя в рамках приличня. Если же оиа когда-либо окажется замешанной в скандале и попадет в газеты, все состояиие должио отойтн Исследовательскому Цеитру Орчид-сити, а ей будет выплачиваться только тысяча долларов в год. Опекуны Кросбн — Глинн н Копплн — на третьем этаже нашего здання. Половина капитала завязана, другой половиной Морин может свободно распоряжаться, при условии, разумеется, что будет держать себя в рамках.

— Исключительно удобный расклад для шантажиста, — сказал я. — Стоит ей только сделать один неверный шаг, и об этом прослышит какой-нибудь мошенннк, как он тут же выжмет нз нее, сколько пожелает. На тысячу в год она не очень-то проживет, правда?

Пола пожала плечами.

— Сколько девушек живут и на меньшие суммы.

— Разумеется — но не дочери миллионеров. — Я взял нож для бумаг и прннялся делать дырки в промокашке. — Значит, Джэнет завещания не оставила. Выходит, Юдоре никакого наследства ие досталось. Тогда откуда же оиа получала деньги? — Я поднял глаза и задумчиво уставился на Полу. — А что еслн она знала, что Морнн лечнтся от наркотиков? А что если Морни платила ей, чтобы заткнуть ей рот? Это ндея. Тут появляюсь я, и Юдора решает, что сможет выжать еще иемиого денег нз Морин. Она велит мне зайтн снова в девять, а сама звонит то лн Морин, то ли ее представителю, которым может оказаться доктор Сэлзер. Вероятно, так оно и есть. Она, возможно, заявила: «Ну-ка, раскошеливайтесь еще, а то я заговорю». Сэлзер посылает Дуэна урезонить ее, однако вместо этого, а то и действуя в соответствии с прнказом, Дуэн убнвает ее. Ну, как тебе это?

— Да вроде бы ничего, — с сомнением сказала Пола. — Но ведь это все догадки.

— Совершенно верно. Догадки. И все же не такие уж и плохие. Я сделал еще трн дырки в промокашке, прежде чем сказать: — Пожалуй, мие не мешает снова перемолвнться словечком с сиделкой Гэрни... Слушай, Пола, днем она не дежурит. Позвони-ка в Ассоциацию медсестер и попробуй

заполучить ее домашний адрес. Придумай какой-нибудь предлог. Может, тебе его и выдадут.

Когда она вышла, я еще разок слегка приложился к бутылке и снова закурил. Прежде всего, сказал я себе, сиделка Гэрни, а уж потом Глинн и Копплин. Пола вернулась через несколько минут и положила листок бумаги на мою обезображенную промокашку.

— Голливуд-авеню, 3882, квартира 246, — сказала она. — Ты знал, что она — одна из сиделок доктора Сэлзера?

— Да что ты? — Я отодвинул стул от стола. — Нет, что ты на это скажешь, а? Все замыкается на докторе Сэлзере! — Я пододвинул к ней ящик с исходящей корреспонденцией. — Тут не так уж и много. Ничего такого, с чем ты бы не справилась и без меня.

— Ну что ж. — Она подхватила ящичек. — Ты продолжаешь это дело?

— Даже не знаю. Скажу тебе сегодня пополудни. — Я потянулся за шляпой. — Пока.

Дом 3882 по Голливуд-авеню оказался шестиэтажным многоквартирным домом, который построили с расчетом побыстрее получить прибыль и создать поменьше удобств для жильцов. Вестибюль мрачный и обшарпанный. В лифт могло войти сразу три человека, если не возражали против того, чтобы ехать в страшной тесноте. На покореженной металлической дощечке с рукой, указующей на лестницу в подвал, стояла синими выцветшими буквами надпись: «Швейцар», а сама дощечка висела криво.

Я вошел в кабину лифта, закрыл за собой решетку и нажал на кнопку третьего этажа. Лифт поднимался со скрипом, как будто не мог решить, а стоит ли подниматься вообще, и со вздохом остановился двумя этажами выше. Я пошлепал по бесконечному коридору, по обеим сторонам которого находились обшарпанные, с лупящейся краской двери. Протопав примерно с полмили — так, во всяком случае, мне показалось, — я подошел к квартире 246, находившейся в коротком тупичке напротив другой квартиры. Я нажал на кнопку звонка, прислонился к стене и вытащил сигарету, гадая, не в постели ли сиделка Гэрни и рада ли будет моему появлению, очень сильно надеясь, что да.

Минуты через две я услышал какие-то звуки, затем дверь открылась. Без униформы сиделка Гэрни выглядела гораздо интереснее. Она была в домашнем халате, достававшем ей до щиколоток и расходившемся от коленей вниз. Ноги у нее были голые.

— Ба, привет! — сказала она. — Хочешь зайти ко мне?

— С удовольствием.

Она отступила в сторонку.

— Как ты узнал мой адрес? — спросила она, проводя меня в небольшую гостиную. — Это для меня сюрприз.

— Правда? — сказал я, бросая шляпу на стул. — Ты выглядишь сногсшибательно.

Она хихикнула.

— Я случайно выглянула из окна и увидела тебя. Так что у меня было время привести себя в порядок. Как ты узнал, что я здесь живу?

— Позвонил в Ассоциацию медсестер. Ты собиралась лечь спать?

— Угу, только ты не должен из-за этого уходить.

— Ты ложись, а я посижу рядом, и мы с тобой подержимся за руки.

Она покачала головой.

— Это слишком скучно. Давай выпьем. Ты пришел по какому-то делу или это просто светский визит?

Я опустился в кресло.

— Пятьдесят на пятьдесят, хотя и с некоторым преобладанием светской стороны. Только не проси меня приготовить напитки. Я несколько не в форме. Прошлой ночью не удалось как следует поспать.

— Кого ж это ты выводил в город?

— Какое там. — Я благодарно потянулся за предложенным «хайболом» и поднял его за ее здоровье.

Она подошла и плюхнулась на диван. Халат у нее задрался, и, прежде чем она его поправила, глаза мои полезли из орбит.

— А ты знаешь, я и думать не думала, что снова увижу тебя, — сказала она, положив подбородок на ободок бокала с виски со льдом. — Я думала, ты один из этих заезжих гастролеров — побаловались, и до свиданья.

— Я?! Побаловались — и до свиданья?! О нет, ты глубоко ошибаешься. Наоборот, я из тех, от кого трудно избавиться.

— Ну еще бы — пока ведь я в новинку, — с некоторой горечью сказала она. — Как напиток, в порядке?

— Отменный. — Я вытянул ноги и зевнул. Я до того размяк, что мне хотелось забраться поглубже в какую-нибудь нору и спрятаться там. — Сколько ты еще собираешься ходить за этой девицей Кросби?

Я подбросил это небрежно, но она тут же кинула на меня резкий удивленный взгляд.

— Сиделки никогда не говорят о своих больных, — чопорно ответила она и отпила немного из своего бокала.

— Если только у них нет для этого основательной причины, — заметил я. — Нет, серьезно, ты не хотела бы поменять работу? Я мог бы тебе помочь.

— Еще как хотела бы! Моя теперешняя работа мне страшно надоела. Да и как называть ее работой, если мне совершенно нечего делать.

— Ну да, оставь. Что-то же приходится делать.

Она покачала головой, хотела что-то сказать, потом передумала.

Я ждал.

— А что у тебя-то за работа? — спросила оиа. Ты хочешь, чтобы тебя поиянчили?

— Для меня бы не было ннчего приятней. Нет, речь не обо мне. Об одном моем друге. У него легочная недостаточность, в очень тяжелой форме, и он хочет, чтобы его подбадрнвала симпатичная сиделка. Денег у иего хватает. Я мог бы замолвнть за тебя словечко, если хочешь.

Она подумала, нахмурнвшнсь, потом покачала головой.

— Ничего не получнтся. Я-то хотела бы, но есть трудности.

— Какие могут быть трудностн? Ассоциацня медсестер все устронт.

— Я наннмалась не через Ассоциацию.

— Тем проще, разве иет? Еслн ты свободная...

— Я законтрактована доктором Сэлзером. У него санаторий иа бульваре Футхилл. Возможио, ты о нем слышал.

Я кнвнул.

— Сэлзер — доктор Морин?

— Да. По крайней мере, я так думаю. Он н близко к ией ие подходит.

— Тогда кто же его ассистент?

— К ней никто не подходит.

— Странно, не правда лн?

— А тебе ие кажется, что ты задаешь слишком много вопросов?

Я улыбнулся ей.

— Просто я любопытиый. Неужто она иастолько плоха, что ей даже ие иужен доктор?

Оиа посмотрела на меня.

— Между иами говоря, я не зиаю. Я ее не видела.

Я резко выпрямился в кресле, расплескав внски.

— Ты ее никогда ие вндела?! Что ты хочешь этим сказать? Ты же за ией ходишь, разве иет?

— Мие не следует говорнть об этом, но это меня очеиь тревожнт, н я должиа хоть кому-то рассказать. Обещай мне, что дальше тебя это не пойдет?

— Да кому мие рассказывать? Ты хочешь сказать, Морин Кросби ты и в глаза сроду ие видела?

— Совершенно верно. Сиделка Флемннг не пускает меня в комиату больиой. Моя работа заключается в том, чтобы отвлекать посетителей, а теперь, когда туда вообще никто ие приходит, мне н вовсе нечего делать.

— Чем же ты, в таком случае, заиимаешься? Ночью-то?

— А ннчем. Просто сплю в доме. Если звонит телефои, мне полагается отвечать на него, но он иикогда ие звонит.

— Ты, безусловно, заглядывала в комиату Морин, когда сестры Флемииг иет поблизости?

— Да нет, не заглядывала. Дверь держат запертой. Готова спорнть, что ее даже нет в доме.

— А где же, в таком случае, она могла бы быть? — спросил я, подаваясь вперед н даже не пытаясь скрыть своего возбуждения.

— Еслн то, что говорит Флеминг, правда, тогда оиа может быть в санатории.

— А что говорит сестра Флеминг?

— Я же сказала тебе: ее лечат от наркотиков.

— Еслн она в санаторин, тогда зачем же весь этот обман? Почему прямо не сказать, что она там? Зачем прнставлять двух сиделок и делать вид, что есть комната больной?

— Братец, если бы я зиала, я бы тебе сказала, — ответила сиделка Гэрни н допила свой внски. — Чертовски забавно, но стоит только нам сойтись вместе, как мы начниаем говорить о Морнн Кросби.

— Ну, не все же время мы о ней говорим, —сказал я, вставая. — Есть ли какая-нибудь прнчина, почему ты не можешь уйти от Сэлзера?

— У меня с ннм контракт еще на два года. Как же я от него уйду?

Я погладил ее по колеике.

— А что за тип этот Сэлзер? Я слышал, он шарлатан.

Оиа шлепнула меня по руке.

— Ои в полиом порядке. Может, он и шарлатан, ио люди, которых он лечит, всего лишь страдают ожнреннем. Он заставляет нх голодать, а денежки кладет в карман. Чтобы заниматься этим, ие обязательно быть дипломированным врачом.

Моя рука снова легла ей иа колеио.

— А ты ие могла бы узнать, действнтельно лн Морин в санатории? — спросил я н повел сложный маиевр.

Она шлепнула меня по руке, на этот раз сильно.

— Ну вот — опять Морнн.

Я потер руку.

— Ты здорово дерешься.

Она хихикнула.

— Прн такой виешностн, как у меня, поиеволе научишься драться.

Тут зазвонил двериой звонок: один долгнй, пронзительиый раскат.

— Не открывай, — попросил я. — Я уже готов больше не говорить о Морин.

— Не будь глупым. — Она опустила свои длинные иоги на пол. — Это бакалейщик.

— А что у него есть такого, чего нет у меня?

— Я покажу тебе, когда вернусь. Не могу же я сидеть без еды только ради того, чтобы доставить удовольствие тебе.

Она вышла нз комиаты и закрыла за собой дверь. Воспользовавшись ее отсутствием, я подлил себе внски и лег на диван. То, что она мне рассказала, было очень интересно. Заброшенный сад, режущиеся в кости китайцы, заинмающийся от

скуки резьбой по дереву шофер, покуривающий дворецкий — все это говорило об очевидной истине, что Морин в Крестуэйз не живет. Тогда где же она? В санатории? Лечится от наркотиков? Сестра Флеминг наверняка знает. Как знает и доктор Джонатан Сэлзер. Возможно, знали об этом Бенни Дуэи и Юдора. Вероятно, знают Глинн и Коппли, а если нет, то могут захотеть узнать. У меня в голове стал уже вырисовываться план, как поставить расследование на финансовую основу. Я подумал о Брэндоне. Если у меня за спиной будут стоять Глинн и Коппли, вряд ли Брэндон посмеет что-нибудь затеять. Глинн и Коппли были самыми лучшими, самыми дорогими, самыми высококлассными адвокатами во всей Калифорнии. Их фирма имела конторы в Сан-Франциско, Голливуде, Нью-Йорке и Лондоне. Они не из тех, кто позволяет, чтобы ими помыкал какой-то стряпчий по темным делам вроде Брэндона. Пожелай они убрать Брэндона с должности, они бы запросто этого добились, используя свое влияние.

Я закрыл глаза и подумал, как было бы здорово избавиться от Брэндона и поставить на его место хорошего, честного начальника полиции вроде Миффлина. Насколько легче мне было бы сотрудничать с ним, а не получать угрозы, что меня побьют в темном переулке.

Потом вдруг до меня дошло, что сиделки Гэрни нет гораздо дольше, чем нужно, чтобы забрать продукты у бакалейщика, и я, нахмурившись, сел на диван. Я даже не слышал, чтобы она разговаривала. Я вообще ничего не слышал. Я поставил рюмку и встал. Пересекши комнату, открыл дверь и выглянул в прихожую. Входная дверь была приоткрыта, но я никого не увидел. Я выглянул в коридор. Моему взору предстала закрытая дверь квартиры напротив. Я вернулся в прихожую. Может, она в туалете, подумал я и прошел обратно в гостиную. Я сидел и ждал, и мне все больше становилось не по себе. Через пять минут допил рюмку и снова пошел к выходу.

Где-то в квартире загудел холодильник, и я чуть не подпрыгнул от страха. «Эй!» — позвал я, но мне никто не ответил. Бесшумно ступая, открыл дверь напротив гостиной и оглядел комнату, которая, вероятно, была ее спальней. Там ее не оказалось. Я даже заглянул под кровать, в ванную, в кухню и в крошечную комнатку, предназначавшуюся, очевидно, для гостей. Ни в одной из этих комнат ее не было. Тогда я вернулся в гостиную, но и там ее не увидел. До меня стало доходить, что в квартире ее нет, поэтому я прошел к двери, прошагал по проходу до основного коридора, где посмотрел направо и налево. Двери с каменными лицами уставились на меня. Ничего не двигалось, ничего не происходило: лишь два ряда дверей, обтрепанный половик чуть ли не с милю длиной, да два или три закопченных окна для света, и никакой сиделки Гэрни.

V

Я отупело уставился из окна гостиной на крышу запаркованного внизу «бьюика».

Вряд ли она могла далеко уйти без туфель и чулок, сказал я сам себе, если только не... и перед моим мысленным взором предстала Юдора Дрю, лежавшая поперек кровати с затянутым у нее на шее шарфом.

Я постоял в нерешительности. Казалось, сделать я ничего особенного не в состоянии. Мне просто не с чего было начать. Звенит дверной звонок. Она говорит, что это бакалейщик. Потом идет в прихожую — и бесследно исчезает. Ни крика, ни пятен крови — вообще ничего.

Однако надо было что-то делать, поэтому я прошел ко входной двери, открыл ее и посмотрел на дверь противоположной квартиры. Она мне ни о чем не говорила. Я вышел в коридор и нажал на кнопку звонка. Дверь почти тут же отворилась, как будто представшая передо мной женщина ждала звонка.

Невысокая и полная, седые волосы, круглое лицо, примечательное лишь ярко-синими, как незабудки, бегающими глазами. Ей было лет пятьдесят, а когда она улыбнулась, я увидел большие белые зубы, скорее всего вставные. Одета она была в желтовато-коричневые пиджак и юбку, которые, вероятно, стоили кучу денег, но совершенно были ей не по фигуре. В пухлой белой ручке она держала бумажный мешок.

— Доброе утро, — сказала она, снова показывая свои большие зубы.

Она ошарашила меня. Я никак не ожидал увидеть здесь эту пухлую матрону, у которой был такой вид, будто она только что ходила за покупками и теперь собиралась готовить ланч.

— Простите за беспокойство, — сказал я, приподнимая шляпу. — Я ищу сиделку Гэрни. — Я махнул в сторону полуоткрытой двери у меня за спиной. — Она ведь там живет, правда?

Толстушка сунула руку в бумажный мешок и вытащила сливу. Она внимательно ее осмотрела, и в глазах на пустом полном лице появилось подозрительное выражение. Удовлетворившись, сунула сливу в рот. Я наблюдал за ней, как зачарованный.

— А, да, — сказала она приглушенным голосом. — Да, живет, — Она поднесла руку чашечкой ко рту, изысканно взяла косточку и опустила ее обратно в мешок. — Хотите сливу?

Я сказал, что не люблю слив, и поблагодарил ее.

— Они полезны, — сказала она, сунула руку в мешок и вытащила еще одну. Но на этот раз слива не прошла строгого осмотра, женщина бросила ее обратно, а себе выбрала другую.

— Вы ее, случайно, не видели? — спросил я, глядя, как слива исчезает за ее большими зубами.

— Не видела кого?

— Сиделку Гэрни. Я только что зашел, смотрю — дверь открыта. А на мой звонок никто не отвечает.

Она прожевала сливу, ее глупое лицо так и осталось пустым. Избавившись от косточки, сказала:

— Вам следует есть сливы. У вас не очень здоровый цвет лица. Я съедаю по два фунта в день.

Если судить по ее формам, ела она не только сливы.

— Ну, может, когда-нибудь я и доберусь до них, — терпеливо сказал я. — Сиделка Гэрни, случайно, не у вас в квартире?

Мысленно она снова уже была в бумажном мешке, но вдруг испуганно подняла глаза.

— Что-что?!

Всякий раз, когда судьба сталкивает меня с подобной женщиной, я всегда несказанно радуюсь, что я холостяк.

— Сиделка Гэрни. — Я испытал желание заговорить на языке жестов, как я делаю, когда говорю с иностранцем. — Та, что живет вон в той квартире. Я сказал, она, случайно, не у вас?

В синих глазах появилась нерешительность.

— Сиделка Гэрни?

— Совершенно верно.

— У меня в квартире?

Я глубоко вздохнул.

— Да. Она, случайно, не у вас?

— А с чего бы ей здесь быть?

Я почувствовал, как кровь зашумела у меня в ушах.

— Видите ли, входная дверь была открыта. В квартире ее вроде бы нет. Вот я и подумал, не заскочила ли она к вам на пару слов.

Появилась еще одна слива. Я отвел взгляд. Я уже не мог спокойно смотреть на то, как эти огромные зубы перемалывают сливы.

— О нет, сюда она не заглядывала.

Ну, хоть дело у нас пошло.

— А вы, случайно, не знаете, где она?

Появилась косточка из-под сливы и вернулась в мешок. На полном пустом лице промелькнуло выражение боли. Женщина задумалась. Можно было, что называется, наблюдать, как она думает: так, если постараться, можно увидеть, как ползет улитка.

— Возможно, она в... в ванной, — сказала она наконец. — Я бы подождала и позвонила снова.

Блестящая, по-своему, идея.

— Там ее нет. Я уже посмотрел.

Она уже собралась было отправить в рот новую сливу, но тут опустила ее и посмотрела на меня с упреком.

— А вот это уже нехорошо.

Я снял шляпу и пробежал пятерней по волосам. Еще немного такого, и я полезу на стену.

— Сначала я постучал, — сказал я сквозь стиснутые зубы. — Ну, если у вас ее нет, я, пожалуй, вернусь и попробую снова.

Она все еще думала. Выражение боли по-прежнему не сходило с ее лица.

— Я знаю, что бы я на вашем месте сделала, — сказала она.

Я догадывался, но ей ничего не сказал. Я чувствовал, что она запросто может обидеться.

— Подскажите же мне.

— Я бы сходила вниз и потолковала со швейцаром. Возможно, он поможет. — И тут она все испортила, добавив: — Вы уверены, что не хотите сливу?

— Да, абсолютно уверен. Ну, спасибо, последую вашему совету и потолкую со швейцаром. Извините, что отнял у вас столько времени.

— О, ради бога, ради бога, — сказала она и улыбнулась.

Я попятился, и, закрывая дверь, она сунула еще одну сливу в свою пасть, которую она называла ртом.

Я спустился в лифте в вестибюль и прошел вниз в подвал по темному и пыльному лестничному пролету. Передо мной оказалось дверь с единственным на ней словом: «Швейцар».

Я постучал. Появился худощавый старик с длинной тонкой шеей, одетый в выцветшие рабочие брюки из хлопчатобумажной саржи. Он был стар, ему было скучно, и от него слегка пахло креозотом и виски.

Он прищурился на меня без особого интереса, и из старого флегматичного горла выскочило одно слово:

— Да?

У меня создалось впечатление, что если только я не встряхну его как следует и не выведу из летаргического состояния, помощи мне от него не видать. Судя по его виду, он редко выходил на свет, а его контакты с людьми бывали редки. У них с Рип Ван Винклем получилась бы отменная команда, при условии что за всем бы присматривал Винкль, а не наоборот. Ни в коем случае не наоборот.

Я наклонился и сунул палец в его нагрудный карман.

— Слушай, дружок, — круто, как фараон из Орчид-сити, сказал я. — Отряхни сено с волос. Мне нужна твоя помощь. — Разговаривая, я раскачивал его взад и вперед. — Квартира двести сорок шесть — в чем там дело?

Он дважды сглотнул. Я думал, что во второй раз кадык вообще не появится на поверхности, но он-таки появился.

— Что там такое с квартирой двести сорок шесть? — спросил он.

— Это я тебя спрашиваю. Входная дверь открыта, внутри никого нет. Вот где твой выход на сцену, дружок. Тебе бы следовало знать, когда входная дверь остается открытой.

— Она там, наверху, — по-совиному сказал он. — В это время она всегда там.

— Только в этот раз ее там нет. Идем, дружок, поднимемся наверх и поглядим.

Он покорно пошел за мной. Когда мы поднимались в лифте, он сказал:

— Она всегда была славная девушка. Зачем она понадобилась полиции?

— А я разве сказал, что она нужна полиции? — спросил я и хмуро ему улыбнулся. — Я только и хочу знать, почему входная дверь открыта, когда ее там нет.

— Может, она вышла и забыла запереть ее, — подумав, сказал он. Я видел, что эта идея доставила ему удовольствие.

— А ты соображаешь, — сказал я, когда лифт со скрипом остановился. Я с радостью вышел из него. Он, казалось, недостаточно силен, чтобы поднять даже одного человека, не говоря уже о двух. — Ты видел, как она выходила?

Он сказал, что не видел.

— А увидел бы, если бы она действительно вышла?

— Да. — Он заморгал, и кадык у него снова заходил. — Из моей комнаты виден вход в подъезд.

— Ты уверен, что она не выходила в последние десять минут?

Нет, в этом он не мог быть уверен. Он готовил себе ланч.

Мы прошли по длинному коридору в тупичок, а оттуда — в квартиру сиделки Гэрни, заглянули во все комнаты, но ее по-прежнему не оказалось ни в одной из них.

— Ее нет, — сказал я. — Как еще она могла выйти из здания, если не через подъезд?

Посмотрев на стену долгим пустым взглядом, он ответил, что другого выхода нет.

Я ткнул пальцем в квартиру напротив.

— А кто эта толстушка, которая ест сливы?

На этот раз его кадык совсем пропал.

— Сливы?! — повторил он и попятился. По-моему, он решил, что я чокнутый.

— Да. Так кто она?

Он посмотрел на дверь квартиры 244, заморгал и повернул на меня испуганные глаза.

— Там, мистер?

— Да.

Он покачал головой.

— Там никто не живет. Это квартира сдается.

Я ощутил, как у меня по спине побежал вдруг холодок. Я пошел мимо старика и нажал на кнопку звонка большим пальцем. Я слышал, как звонок звонит и звонит, но дверь никто не открывал.

— У тебя есть отмычка?

Он порылся в карманах, вытащил какой-то ключ и протянул мне.

— Там никого нет, мистер, — сказал он. — Квартира пустует уже несколько недель.

Я повернул ключ в замке, толкнул дверь и вошел в прихожую, точно такую же, как и прихожая у сиделки Гэрни. Быстро осмотрел все комнаты. Квартира была совершенно пустая.

Одно окно выходило на пожарную лестницу. Я поднял раму и высунулся. Внизу был переулок, ведущий к Скайлайн-авеню. Сильный мужчина мог бы запросто спуститься с девушкой по этой лестнице к поджидавшей внизу машине.

Высунувшись подальше, я увидел на одной из железных ступенек косточку от сливы. Как жаль, что она ее не проглотила, может, и подавилась бы.

Глава третья

I

Было время, когда я с гордостью воображал, что у меня некрикливый, хорошо обставленный, сверхроскошный кабинет, который производит впечатление на клиентов. Мы с Полой потратили уйму с таким трудом заработанных денег на мой письменный стол, на ковер и драпировку, на книжные шкафы. Мы даже разорились на пару оригинальных акварелей, написанных одним местным художником, который, если судить по ценам, считал себя принадлежащим к старым мастерам. Возможно, он действительно к ним принадлежал, хотя лично для меня это была тайна за семью печатями. Все это было еще до того, как мне представилась возможность повидать другие кабинеты в «Орчид Билдингс». Одни из них были получше моего, другие — нет, однако при виде их у меня не возникало желания переделать свой собственный. Оно возникло у меня, только когда я вошел в кабинет Манфреда Уиллета, президента фирмы адвокатов «Глинн энд Коппли». Я с одного взгляда понял, что до него мне явно далеко. По сравнению с его кабинетом мой напоминал трущобы Истсайда.

Комната была просторная, с высоким потолком, с дубовыми панелями. В дальнем ее конце, под тремя огромными, до потолка окнами, помещался письменный стол, такой здоровенный, что на нем запросто можно было бы играть в бильярд. У камина, в котором мог бы спрятаться небольшой слон, стояло четыре или пять кресел и большой мягкий диван. Ворс на ковре был до того толстый, что его впору было подстригать газонокосилкой. На каминной доске и на разбросанных по всей комнате фигурных столиках лежали отборнейшие резные вещицы из нефрита. Прибор на письменном столе был чистого серебра, его постоянно начищали до блеска. Белые жалюзи не пропускали солнце. Температуру в комнате регулировал тихо работающий кондиционер. Двойные окна, звуконепроницаемые стены и обитая резиной дверь настаивали на полной тишине. В таком кабинете урчание в животе показалось бы столь же громким, как грохот целой тонны гравия, сброшенного в мусоропровод.

Манфред Уиллет сидел на мягком вращающемся стуле за этим огромным столом, куря толстую овальную сигарету с золоченым мундштучком. Это был высокий, солидный мужчина лет сорока пяти, черные волосы подернуты сединой, чисто выбритое, удивительно красивое лицо под цвет орехового дерева стола. При виде его сшитого в Лондоне костюма позеленел бы от зависти любой киноактер, а его сорочка была столь же безупречна и бела, как первый весенний подснежник.

Он не прерывал меня. Серо-зеленые глаза неотрывно смотрели на изысканный серебряный чернильный прибор на столе, большое тело не двигалось. Лицо цвета орехового дерева было столь же невыразительным и пустым, как дырка где-нибудь в стене.

Прежде всего я показал ему письмо Джэнет Кросби, затем рассказал о визите в Крестуэйз, о состоянии поместья, о том, что Морин якобы больна и что за два дня до смерти от эндокардита Джэнет играла в теннис. Упомянул я и доктора

Бьюли. Потом коротко поведал о том, как Бенни Дуэн, работавший на доктора Сэлзера, следил за мной, как я нанес визит Юдоре Дрю и как Дуэн приехал и задушил ее. Более подробно я остановился на своем разговоре с начальником полиции Брэндоном, который предупредил меня, чтобы я не лез в дела Сэлзера и Морин Кросби. Я также вскользь упомянул, почему Брэндон их опекает. Затем описал, как Дуэн пытался застрелить меня, как кто-то, приехавший на машине с ромбоидальными шинами, убил его, не преминув при этом добавить, что на машине с такими шинами ездили сержанты Макгро и Хартселл. Закончил я, рассказав о своем визите на квартиру сиделки Гэрни, о толстухе, которая ела сливы, и о том, как сиделка Гэрни исчезла. История вышла длинная и заняла много времени, но он не торопил меня, не прерывал и не предлагал, чтобы я опустил подробности. Он сидел совершенно неподвижно, будто каменный идол, уставившись на чернильный прибор, но у меня создалось впечатление, что он ничего не упускает, что каждая мелочь регистрируется и что за этой пустой маской мозг его не дремлет.

— Ну, вот и вся история, — заключил я, потянулся и стряхнул пепел с сигареты в пепельницу у него на столе. — Я решил, что вам, как опекуну поместья, следует о ней знать. Брэндон велел мне вернуть эти пятьсот долларов. — Я вытащил бумажник, выложил деньги на стол и с совершеннейшим безразличием подтолкнул их к нему. — Строго говоря, на этом моя роль кончается. С другой стороны, вы, возможно, посчитаете, что следует провести расследование, в каковом случае я был бы рад продолжить работу. Если честно, мистер Уиллет, этот расклад очень меня заинтересовал.

Он повернул глаза и уставился на меня. Секунда проходила за секундой. Мне показалось, что он меня не видит. Он думал.

— Весьма необычная история, — сказал он вдруг. — Не знай я репутации вашей организации, ни за что бы не поверил. Вы делали очень тонкую работу для некоторых моих клиентов, и они высоко отзывались о вас. Судя по тому, что вы мне рассказали, я полагаю, что у нас есть все основания начать расследование, и я был бы рад, если бы им занялись вы. — Он оттолкнул стул от стола и встал. — Я думаю, вам понятно, что подобное расследование должно вестись тайно, и моя фирма никоим образом не должна в нем фигурировать. Мы готовы оплатить ваш гонорар, но предпочитаем оставаться в тени. Мы в весьма щекотливом положении. Мы не имеем права соваться в дела мисс Кросби, если только не будем уверены, что что-то идет не так, а мы в этом не уверены, хотя и кое-что подозреваем. Если вы обнаружите какие-нибудь ощутимые доказательства, которые определенно связывают мисс Кросби со всеми этими неприглядными делами, тогда, разумеется, мы сможем играть в открытую. Но не раньше.

— Такое положение несколько неудобно для меня, — подчеркнул я. — Я полагал, вы позаботитесь о том, чтобы Брэндон не приставал ко мне.

— Я уверен, — ответил он, и в его глазах загорелся какой-то огонек, — что с Брэндоном вы справитесь и без моей помощи. В крайнем случае, вы всегда можете сослаться на меня как на вашего адвоката. Если последует оскорбление действием, я буду рад представлять вас в суде безо всякого гонорара.

— Шикарно, — саркастически бросил я. — Но ведь я уже подвергался оскорблению действием.

Он, похоже, считал, что из-за этого не следует расстраиваться.

— Я полагаю, свой гонорар вы определите соразмерно личному риску, — беззаботно сказал он. — Ведь работа вроде вашей, как мне представляется, действительно предполагает риск.

Я пожал плечами. Гонорар, сказал я себе, безусловно будет под потолок.

— Ну что ж, — произнес я. — Значит, я иду дальше?

Он заходил по комнате, заложив руки за спину и уперев хмурый взгляд под ноги на ковер.

— О да. Я хочу, чтобы вы шли дальше.

— Есть несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать, — сказал я, закуривая новую сигарету. — Когда вы в последний раз видели Морис Кросби?

— На похоронах Джэнет. С тех пор я ее не видел. Ее дела в полном порядке. Любые бумаги, которые требуют подписи, посылаются ей по почте. У меня не было возможности увидеть ее.

— Вы не слышали, что она больна?

Он покачал головой. Нет, он и представления не имел, что она больна.

— Вы убеждены, что смерть Макдоналда Кросби наступила в результате несчастного случая? — пульнул я в него.

Этого он не ожидал — он резко поднял глаза.

— Что вы хотите этим сказать? Разумеется, это был несчастный случай.

— А не могло это быть самоубийство?

— Не было причины, по которой бы Кросби покончил жизнь самоубийством.

— Почему вы так уверены?

— Человек обычно не стреляется из дробовика, если у него есть револьвер, а он у Кросби был. С ружьем слишком хлопотно.

— Если бы он совершил самоубийство, повлияло бы это на его состояние?

— Да, конечно. — В его глазах появился испуг. — Его жизнь была застрахована на полтора миллиона долларов. В полисе была оговорка о неуплате в случае самоубийства.

— Кто получил деньги по страховке?

— Я не совсем понимаю, куда все это ведет, — сказал он, вернувшись к столу. — Может, объясните?

— Мне кажется странным, что Сэлзер, не будучи дипломированным врачом, подписал свидетельство о смерти. Коронер и Брэндон, вероятно, с этим согласились. Я пытаюсь убедить себя, что в смерти Кросби не было ничего зловещего. Предположим, он-таки покончил жизнь самоубийством. Согласно вашему утверждению, поместье потеряло бы полтора миллиона долларов. Но если

милый, услужливый врач-шарлатан, нечистый на руку коронер и начальник полиции нашли общий язык, все можно было обставить так, как нужно, правда?

— Говорить такое довольно опасно. Разве у Сэлзера нет диплома?

— Нет. Кто получил деньги по страховке?

— Деньги были оставлены Джэнет, а с ее смертью — Морин.

— Значит, сейчас у Морин полтора миллиона наличными. Так, нет?

— Да. Я пытался убедить Джэнет вложить деньги в какое-нибудь дело, но она предпочла оставить их в банке. Так они и перешли к Морин.

— Что с деньгами сейчас? Они по-прежнему в банке?

— Насколько я знаю. К ее счету я доступа не имею.

— А не могли бы иметь?

Он пристально посмотрел на меня.

— Вероятно, мог бы. Да вот не знаю, захотел бы.

— Знай мы, сколько именно там осталось, нам было бы легче. — Я кивнул на письмо Джэнет, лежавшее на столе. — В нем ведь речь идет о шантаже. А если пришлось подмазывать Франклина Лессуэйза, коронера, и Брэндона, то, вполне вероятно, денег на счету осталось не так уж и много. Я был бы рад, если бы вы смогли это выяснить.

— Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать. — Он задумчиво почесал челюсть. — Если то, что вы говорите, правда, я, вероятно, мог бы возбудить против Сэлзера дело. Он не имел права подписывать свидетельство, но пока что мне не хочется играть в открытую. Похоже, в том, что он застрелился случайно, сомнений нет. Страховая компания осталась удовлетворена.

— Ну еще бы, если Брэндон и коронер пропустили свидетельство о смерти. Мне кажется, Сэлзер финансирует не только Брэндона, но и Лессуэйза. Что вам известно о Лессуэйзе?

Уиллет скорчил гримасу.

— О, его могли купить. У него довольно гнилая репутация.

— Вы хорошо знали Джэнет Кросби?

Он покачал головой.

— Я встречал ее всего два-три раза. Не больше.

— Она поразила вас как человек с больным сердцем?

— Нет. Но это еще ничего не значит. У многих людей плохое сердце. Это не всегда заметно.

— Но они не играют в теннис за два дня до смерти, как играла Джэнет.

Я видел, что он начинает тревожиться.

— На что вы намекаете?

— Ни на что. Я лишь заявляю о факте. Меня не купишь на мысли, будто она умерла от сердечной недостаточности.

Пока он неотрывно смотрел на меня, тишина в комнате была такая тяжелая, что от нее запросто мог бы потонуть линейный корабль.

— Уж не хотите ли вы сказать... — заговорил он и замолчал.

— Пока нет, — ответил я. — Но это нечто такое, о чем нам не следует забывать.

Я видел, что ему это очень не понравилось.

— Оставим это пока, ладно? — продолжал я. — Сосредоточим свои усилия на Морин Кросби. Судя по тому, как выглядит дом, и по тому, что мне рассказала сиделка Гэрни, Морин, вероятно, не живет в Крестуэйз. Если ее там нет — где же она?

— Да, — согласился он. — От этого не уйдешь.

— Она в санатории Сэлзера? Вам не приходило в голову, что ее могут содержать там как пленницу?

При этих словах он резко выпрямился на стуле.

— Не разыгралось ли у вас воображение? Не далее как на прошлой неделе я получил от нее письмо.

— Это ничего особенно не доказывает. Почему она вам написала?

— Я просил ее подписать кое-какие бумаги. Она вернула их подписанными с запиской, в которой благодарит меня за то, что я их прислал.

— Из Крестуэйз?

— Адрес на бумаге был Крестуэйз.

— Это по-прежнему не доказывает, что ее не держат в заточении, правда? Я не говорю, что дело обстоит именно так, но это еще один момент, о котором не следует забывать.

— Об этом можно узнать сразу же, — быстро сказал он. — Я напишу ей и попрошу зайти ко мне. Предлог для деловой встречи у меня найдется.

— Да. Это идея. Вы дадите мне знать, что произойдет? Может, стоит последить за ней и посмотреть, куда она поедет, когда уйдет от вас.

— Я дам вам знать.

Я встал.

— Пожалуй, это все. Вы не забудете проверить насчет ее банка?

— Я посмотрю, что можно сделать. И поосторожней, Мэллой. Я не хочу, чтобы это ударило по мне. Вы понимаете?

— Я буду осторожен.

— Каков ваш следующий шаг?

— Надо что-то предпринять относительно сиделки Гэрни. Эта девушка мне понравилась. Если она жива, я найду ее.

Когда я уходил от него, он уже не казался каменным идолом. Он больше походил на весьма растревоженного, сильно озадаченного адвоката средних лет. Это, по крайней мере, доказывало, что и он — тоже человек.

II

Дежурный сержант сказал, что Миффлин свободен, и попросил подняться к нему. Он смотрел на меня глазами, полными надежды, и я догадался: он ожидает, что сейчас я назову ему победителя завтрашних скачек, но голова у меня была забита другим.

Я поднялся по каменным ступеням и на площадке столкнулся с красноголовым сержантом Макгро.

— Ну и ну, — с насмешкой сказал он, — опять это Чудо-Чадо. Какая муха укусила тебя на этот раз?

Я заглянул в его жестокие глазки, и то, что я там увидел, мне очень не понравилось. Это был человек, который с радостью причиняет боль другому: один из тех крутых фараонов, которые добровольно вызываются, когда надо кого-то поколотить, да еще с каким смаком это делают.

— Меня никакие мухи не кусают, — ответил я. — Но если я слишком долго буду торчать около тебя, то может и укусить.

— Умничаешь, да? — Он ухмыльнулся, показывая мелкие, желтые зубы. — Смотри, Чудо-Чадо. Мы за тобой наблюдаем.

— Наблюдайте, только голову мне не прострелите, — парировал я, прошел мимо него и направился по коридору к кабинету Миффлина.

Прежде чем постучать, я помедлил и глянул через плечо, Макгро все еще стоял на площадке. На его лице было ошарашенное выражение, а вислогубый рот раскрылся. Наши взгляды встретились, он отвернулся и стал спускаться по ступенькам.

Когда я вошел, Миффлин поднял глаза и при виде меня нахмурился.

— Опять ты. Ради Христа, перестань ходить ко мне. Брэндону это не нравится.

Я подтащил к столу стул с прямой спинкой и сел.

— Напомни мне, чтобы я на досуге поплакал. Я по официальному делу. Если Брэндону это не нравится, пусть пойдет и сиганет в океан.

— По какому еще делу? — спросил Миффлин, отодвигая стул от стола и кладя на стол большие волосатые руки.

— Одна из сиделок, присматривающая за мисс Кросби, пропала, — сказал я. — Брэндону это, возможно, будет интересно, потому как эта сиделка работает на Сэлзера.

— Пропала?! — повторил Миффлин не своим голосом. — Как это — пропала?

Я рассказал ему, как зашел к сиделке Гэрни, как раздался звонок в дверь, как она пошла открывать и не вернулась. Я подробно описал ему толстую женщину в пустой квартире напротив, не забыв упомянуть о сливовой косточке на ступеньке пожарной лестницы и о том, как просто было бы сильному человеку отнести сиделку Гэрни вниз к поджидавшей машине.

— Да, чертовски странное дело, — сказал Миффлин, расчесывая пятерней копну черных волос. — Пару лет назад исчезла еще одна из сиделок Сэлзера. Ее так и не нашли.

— А вы вообще ее искали?

— Послушай, Вик, тебе вовсе не обязательно быть таким, — рассерженно сказал он. — Разумеется, мы ее искали, но не нашли. Сэлзер заявил, что она, очевидно, убежала, чтобы выйти замуж. Отцу ее парень не очень-то нравился — или что-то в этом роде.

— А Сэлзер не доложил, что пропала сиделка Гэрни?

Он покачал головой.

— Вряд ли у него было время, а? Кроме того, она, возможно, вспомнила о чем-то и вышла из дому.

— Без туфель и чулок и посреди разговора? Не обманывайся на этот счет. Это похищение, и ты это знаешь.

— Я съезжу и поговорю со швейцаром. Ты лучше в это дело не ввязывайся. Я скажу Брэндону, что об этом сообщил швейцар.

Я пожал плечами.

— Лишь бы что-нибудь делалось. А тот другой случай страшно меня заинтересовал. Кто была эта сиделка?

Миффлин заколебался, затем встал и прошел к одному из картотечных шкафов.

— Ее звали Анона Фридлендер, — сказал он, порывшись и выбрав одно дело, которое принес и положил на стол. — Информации у нас не так уж и много. Ее отец Джордж Фридлендер, живет в Сан-Франциско, Калифорния-стрит, 257. Она пропала 15 мая прошлого года. Сэлзер сообщил Брэндону. Приезжал Фридлендер. Именно он-то и предположил, что она сбежала со своим дружком, парнем по имени Джек Бретт. Бретт служил на флоте. За пару недель до исчезновения Аноны он дезертировал. Брэндон сказал, что особенно усердствовать не надо. Ну, мы и не усердствовали.

— А Бретта нашли?

— Нет.

— Хотелось бы знать, сколь усердно вы собираетесь искать сиделку Гэрни.

— Ну, нам нужно убедиться, что ее похитили. Брэндон не станет действовать только с твоих слов. Все будет зависеть от Сэлзера.

— Похоже, этим чертовым городом заправляет Сэлзер.

— А, ладно, Вик, что ты, право?

Я встал.

— Найди ее, Тим, иначе я что-нибудь отчебучу. Эта девушка мне нравилась.

— Отнесись к этому спокойно. Если она исчезла, мы ее найдем. Ты уверен, что эта Кислица в порядке? Мне не хочется терять пять долларов.

— Забудь о Кислице. Думай о сиделке Гэрни, — сказал я и вышел из комнаты.

Я поехал обратно в «Орчид Билдингс». Пола ждала меня в моем кабинете.

— Ковыряем дальше, — сказал я, садясь за стол. — Я повидал Уиллета, и он финансирует расследование, но хочет, чтобы его фирма в деле не фигурировала.

— Поди какой смелый, — с презрением сказала Пола. — А весь риск, я полагаю, ты берешь на себя?

— Он, похоже, готов уплатить несколько больше, — сказал я и улыбнулся. Я рассказал ей о визите в управление полиции. — Для Сэлзера, видать, обычное дело, что его сиделки исчезают. Ты обратила внимание на дату? Пятнадцатое мая — день, когда умерла Джэнет. Никто не убедит меня, что ее исчезновение не связано каким-то образом со смертью Джэнет.

Пола испытующе на меня посмотрела.

— Ты полагаешь, что Джэнет убили, так ведь?

Прежде чем ответить, я закурил сигарету и аккуратно положил спичку в пепельницу.

— Я думаю, это возможно. Есть мотив — все эти деньги. Она, безусловно, умерла не от сердечной недостаточности. Сердечную недостаточность вызывает отравление мышьяком, да и другими ядами. Старого козла Бьюли могли запросто обвести вокруг пальца.

— Но ты ведь ничего не знаешь наверняка! — сказала Пола. — Не думаешь же ты, право, что Морин убила сестру?

— Побуждение весьма сильное. Кроме состояния в два миллиона, есть еще и страховочка. Я не утверждаю, что она это сделала, но такие деньги — большое искушение, особенно когда ты попал в лапы шантажиста. И еще одно. Я не совсем уверен, что не убили самого Кросби. Если не было ничего странного, когда тот застрелился, почему же Сэлзер не позвал кого-нибудь вроде Бьюли подписать свидетельство о смерти? Почему подписал его сам? Ему пришлось подмазывать Лессуэйза, коронера, и, вероятно, Брэндона. Это было либо самоубийство, либо убийство, только не несчастный случай. И, как подчеркнул Уиллет, если у человека есть револьвер, вряд ли он станет стреляться из дробовика. Значит, остается убийство.

— Ты делаешь поспешные выводы, — резко сказала Пола. — Это у тебя крупный недостаток, Вик. У тебя всегда самые невероятные предположения.

Я подмигнул ей.

— Зато какое я от них получаю удовольствие!

III

Вместо отдыха я решаю картинки-загадки. Пола приносит их мне от одного бедного парня, которого она проведывает по выходным. Этот парень проводит все свое время, вырезая картинки из железнодорожных рекламных афиш, которые ему поставляет Пола. Загадки получаются удивительные, и на разгадку каждой у меня уходит примерно с месяц. Тогда я передаю ее какой-нибудь больнице и получаю новую от дружка Полы.

Из долгого опыта разгадывания этих загадок я узнал, что зачастую совершенно небольшой и вроде бы ни чем не примечательный кусочек и является ключом ко всей картинке, и я постоянно ищу такой кусочек. Точно таким же образом, когда я выполняю какую-нибудь работу, я всегда ищу какой-нибудь пустячок, который вроде бы совершенно не имеет отношения к делу, но зачастую, оказывается, имеет.

Битый час я сидел у себя в кабинете, размышляя. Контору закрыли на ночь. Шел уже восьмой час. Осталась только бутылка виски.

Перечитывая список возможных догадок, я задержался на имени Дагласа Шеррилла. Почему, спросил я себя, за неделю до смерти Макдоналда Кросби Джэнет вдруг разорвала помолвку? Казалось бы, этот факт не имеет отношения к делу, а ну как имеет? И пока я не узнаю, почему помолвка была разорвана, я не могу быть уверен до конца. Кто бы мне это подсказал? Очевидно, сам Даглас Шеррилл, но я не мог просто пойти к нему, не выдав своих намерений, а на данной стадии я еще был к этому не готов. Тогда кто же еще? Я пробежался взглядом по списку. Возможно, Джон Стивенс, дворецкий Кросби. Неплохо бы посмотреть, что за человек этот Стивенс. Если почувствую, что ему можно доверять, тогда, вероятно, я ничего не потеряю, даже если все ему расскажу. Марта Бендикс сказала, что он теперь работает на Грегори Уэйнрайта.

Лучше всего сразу, зачем откладывать, подумал я и отыскал телефон Уэйнрайта в справочнике. Набрал его, и после второго или третьего звонка величественный голос произнес:

— Резиденция мистера Уэйнрайта.

— Это Джон Стивенс? — спросил я.

Наступила пауза, затем человек сказал:

— Стивенс у аппарата. А кто это, будьте добры?

— Моя фамилия Мэллой. Мистер Стивенс, я хотел бы поговорить с вами по важному личному делу. Оно имеет отношение к семье Кросби. Вы не могли бы встретиться со мной сегодня вечером?

И снова пауза.

— Я вас не понимаю. — Это был голос старого человека, нежный, возможно, несколько глуповатый. — Боюсь, я вас не знаю.

— Возможно, вы слышали о фирме «Универсальные услуги»?

Да, о фирме «Универсальные услуги» он слышал.

— Это моя фирма, — сказал я. — Для меня важно поговорить с вами о семье Кросби.

— Не думаю, что у меня есть право обсуждать с вами моего прежнего работодателя, — где-то далеко сказал он. — Весьма сожалею.

— С вами ничего не станется, если вы послушаете, что я вам скажу. После того, как я объясню ситуацию, вам, возможно, и самому захочется мне кое-что рассказать. Если же не захочется, ничего страшного не произойдет.

На этот раз пауза была еще дольше.

— Ну, встретиться с вами я могу, но я не могу обещать...

— Ничего страшного, мистер Стивенс. На углу Джефферсон и Фелман есть кафе. Мы могли бы встретиться там. Какое время вас устроит?

Он сказал, что будет там в девять.

— Я в шляпе, буду читать «Ивнинг геральд», — сообщил я ему.

Он сказал, что найдет меня, и повесил трубку.

Ждать предстояло почти два часа, и я решил скоротать время в баре Финнегана. Мне понадобилось минуты две, чтобы запереть контору. Закрывая окна и запирая сейф, я думал о сиделке Гэрни. Кто же ее похитил? И почему ее похитили? Жива ли она еще? Мысли, которые никуда меня не вели, а лишь тревожили. Все еще раздумывая, я прошел в приемную, оглядел все, чтобы убедиться, что все готово отойти ко сну, вышел в коридор и запер за собой дверь.

В конце коридора я заметил короткую коренастую фигуру мужчины, прислонившегося к стене у дверей лифта и читавшего газету. Когда я остановился рядом и нажал на кнопку, чтобы вызвать лифт, он даже не поднял глаз. Я окинул его небрежным взглядом: темнокожий, лицо с тупыми чертами, в оспинах. Он был похож на итальянца, а может, на испанца. Его темно-синий костюм из сержа блестел на локтях, манжеты белой рубашки были грязные.

Лифтер открыл двери, и мы с итальяшкой вошли в кабину. На третьем этаже лифт остановился, чтобы подобрать Манфреда Уиллета, который посмотрел сквозь меня невидящим взором, после чего занялся изучением заголовков вечерней газеты. Он заявил, что ему нужна конфиденциальность, но я решил, что, не узнавая меня даже в лифте, он несколько переигрывает. Однако он оплачивает мой гонорар, так что пусть и заказывает музыку.

Я купил в киоске «Инвинг геральд», дав Уиллету возможность выйти из здания, не натолкнувшись на меня. Я смотрел, как он укатил в «олдсмобиле» размером с дредноут. «Макаронник» с грязными манжетами плюхнулся в кресло в вестибюле и читал свою газету. Я направился по коридору к заднему выходу и, пересекши переулок, вошел в бар Финнегана.

В зале было полно дыму, грубой публики и громких голосов. Не успел я сделать и пару шагов к своему любимому столику, как в меня вцепился Олаф Кругер, который заведует школой бокса на Принсесс-стрит.

Ростом Олаф был не больше жокея, лысый, как колено, и страшно умный.

— Привет, Вик, — сказал он, пожимая мне руку. — Пойдем сядем и напьемся. Не видел тебя несколько недель. Что я такого сделал?

Я протолкался к бару и подмигнул Майку Финнегану, который трудился под двойным рядом неоновых ламп, подавая пиво.

— Я довольно регулярно хожу на схватки, — сказал я, когда Олаф угрожающими жестами, к которым никто не относился серьезно, отвоевывая себе побольше места, взобрался на стул. — Просто не видел тебя. Этот О'Хара вроде бы неплохо идет.

Олаф замахал крошечными ручками на Финнегана.

— Виски, Майк! — заорал он своим визгливым голосом. — О'Хара?! Да, он идет ничего, но слабоват против перекрестного контрудара. Я ему это твержу, а он не слушает. В один прекрасный день он встретится с парнем с хорошей дыхалкой, и тогда ему конец.

С полчаса мы проговорили о боксе. Больше Олаф почти ни о чем говорить не умел. Беседуя, мы съели по три многослойных бутерброда и выпили по три двойных порции виски.

К нам присоединился Хьюсон, спортивный обозреватель «Геральд», и настоял на том, чтобы купить еще выпить. У этого высокого и худощавого, лысеющего и циничного парня с мешками под глазами пиджак был усыпан табачным пеплом. В руках у него — неизменная сигара, от которой исходил такой дух, словно пару лет назад он нашел ее в бачке для мусора. Впрочем, может, так оно и было.

После того как мы выслушали три или четыре его бесконечных грязных анекдота, Олаф сказал:

— Что это за сплетня, будто Малыш Дикси попал вчера на какую-то вечеринку с танцами? За нею что-нибудь стоит?

Хьюсон поморщился.

— Не знаю. Малыш отказывается говорить. Синяк у него был, это точно. Один из таксистов на набережной утверждает, будто видел, как он плыл к берегу.

— Если его сбросили со «Шхуны-Мечты», плыть ему пришлось долго, — произнес Олаф и улыбнулся.

— Вы, ребята, потолкуйте, — сказал я, закуривая сигарету. — На меня не обращайте внимания.

Хьюсон сунул пожелтевшие от никотина пальцы в мой нагрудный карман.

— Вчера вечером Малыш Дикси отправился на «Шхуну-Мечту» и поскандалил с Шериллом. Четыре боксера якобы вышвырнули его за борт, но он будто успел примочить Шериллу. Говорят, Шерилл собирается подать в суд за оскорбление действием. Если подаст, Малышу конец. Он по уши в долгах.

— Я думаю, Шерилл свое не упустит, — сказал Олаф, качая лысой головой. — Подлецу все к лицу.

— Никакого иска он не предъявит, — возразил Хьюсон. — Рекламы он себе позволить не может. Я заявил Малышу, что ему ничего не грозит, но все равно этот крысенок отказывается говорить.

— А кто вообще этот Шерилл? — спросил я как можно спокойнее, пальцем сделав знак Финнегану повторить.

— Никто не знает, — ответил Хьюстон. — Он — человек-загадка. Появился в Орчид-сити пару лет назад. Работал за комиссионные на фирму «Селби энд Лоуэнстайнс» агентом по сбыту недвижимости. Я полагаю, он заработал себе немного денег и купил домик на Россмор-авеню. Затем, каким-то непонятным образом, обручился с Джэнет Кросби, миллионершей, но помолвка продержалась недолго. С полгода назад он совершенно выпал из поля зрения, а потом вдруг появился в качестве владельца «Шхуны-Мечты» водоизмещением в триста тонн, которую переделал в игорный притон и теперь держит на якоре сразу же за преде-

лами трехмильной зоны. У него целая флотилия водных такси, которые поддерживают постоянное сообщение с берегом, а попасть в его клуб труднее, чем стать вкладчиком Букингемского дворца.

— И игра — не единственный порок на этом судне, — сказал Олаф и подмигнул мне. — На борту у него с полдюжины отборных девушек. Так называемый сладкий рэкет. Находясь за три мили он города, плевал он на Брэндона. Готов спорить, он гребет деньги лопатой.

— Одного я не пойму, — сказал Хьюсон, потянувшись за виски, который я для него заказал, — откуда у такого подлеца, как Шеррилл, взялись деньги на громадное судно «Шхуна-Мечта».

— Говорят, он выпустил акции, — сказал Олаф. — Приди он ко мне и предложи долю в этом судне, я бы с радостью ухватился за его предложение. Готов спорить, что любой, кто там в доле, тоже внакладе не остается.

Я слушал, думая, как это здорово — повстречать в баре двух ребят и услышать именно то, что мне хотелось услышать, даже не задавая вопросов.

— На этом судне, похоже, весело, — небрежно подбросил я. — Я бы и сам непрочь туда попасть.

Хьюсон ехидно улыбнулся.

— И ты не один такой. У тебя никаких шансов. Двери открыты только для ребят, что занесены в Белую книгу. Отбор производится, что называется, вручную. Если у тебя нет бабок, ты Шерриллу не нужен. Вступительный взнос двести пятьдесят долларов да еще сотен пять в год на всякие пожертвования. Он обслуживает не пролетариев.

— А что за тип, этот Шеррилл? — спросил я.

— Красивый, крутой и хитрый, — ответил Хьюсон. — Из тех ублюдков, до которых падки женщины. Курчавые волосы, голубые глаза, огромные бицепсы, и одевается, как кинозвезда. Именно таким представляется мне настоящий, породистый сукин сын.

— А ты не знаешь, почему Джэнет разорвала помолвку?

— Та девушка была неглупая. Не знаю, что именно произошло, но догадываюсь, что она увидела красный свет. Ведь ему были нужны только ее деньги, и она, по-моему, вовремя это поняла. Любая девушка, которая выходит за такого подонка, как Шеррилл, сама ищет приключений на свою голову.

— Как по-вашему, ребята, Малыш Дикси выстоял бы против Охары? У меня есть возможность свести их, но я не уверен, что бой получится хороший.

Следующие четверть часа мы обсуждали достоинства и недостатки Малыша Дикси, затем, бросив взгляд на часы над баром, я увидел, что мне пора двигать.

— Придется мне вас оставить, ребята, — проговорил я, соскальзывая со стула. — На днях зайду в спортзал. Там и увидимся.

Олаф сказал, что будет рад меня видеть в любое время и попросил передать привет Поле. Хьюсон велел передать Поле, что он только о ней и думает по ночам. Когда я уходил, они снова заказали виски.

Направляясь через зал к выходу, я заметил этого «макаронника» с грязными манжетами — он сидел у двери, по-прежнему погруженный в свою газету, а когда я толкнул двустворчатую раскачивающуюся дверь, он небрежно сложил газету, сунул ее в карман и встал.

Я быстро прошел к запаркованному «бьюику», влез в него, завел мотор и поехал по темному переулку. Где-то у меня за спиной ожил двигатель еще одной машины, и в зеркале заднего вида появились чьи-то зажженные подфарники.

Я поехал по Принсесс-стрит. За мной следовал «линкольн», синее светозащитное ветровое стекло не давало мне разглядеть водителя, но я догадывался, кто это.

В конце Принсесс-стрит я сразу свернул на Фелман-стрит. Ехал я быстро, но для «линкольна» не составляло никаких хлопот сидеть у меня на хвосте. Впереди я увидел красный неоновый свет кафе, где договорился встретиться с Джоном Стивенсом. Чуть не доехав до кафе, резко вильнул к бордюру и тормознул. «Линкольн» держался за мной слишком близко, и ему ничего не оставалось, кроме как проехать мимо, правда, сбавив скорость.

Я выскользнул из «бьюика» и нырнул в темный подъезд магазина. «Линкольн» остановился в пятидесяти ярдах впереди. «Макаронник» вылез из машины, даже не пытаясь спрятаться. Он довольно быстро заметил, что в «бьюике» меня нет, и, глубоко засунув руки в карманы, пошел дальше. Он, казалось, совершенно не расстроился, когда не увидел меня, а продолжал себе идти по улице — ни дать ни взять вышедший на прогулку шпик.

Когда он скрылся из виду, я пересек улицу по подземному переходу и проскользнул в кафе.

Настенные часы прямо передо мной показывали без пяти девять. За столиками сидели: светловолосая девочка-подросток со своим парнем, два пожилых мужчины — они играли в шахматы, две женщины с хозяйственными сумками и девушка с худым, осунувшимся лицом за столиком в углу — она пила молоко.

Я выбрал столик подальше от двери, сел, раскрыл «Ивнинг геральд» и расстелил ее на столе. Затем закурил сигарету и задумался. Интересно, «макаронник» еще один из партнеров Сэлзера по играм, или это какой-то новый поворот в деле? Он как пить дать выслеживал меня, причем из рук вон плохо. Либо лучше он просто не умел, либо ему было плевать, если я узнаю, что он охотится за мной. Еще одна работенка для Миффлина, по-

думал я и тут вспомнил. Я отыскал страницу о спорте и проверил результаты забегов: Кислица вышла победителем. Ну, хоть тут все хорошо. Теперь Миффлин не станет возражать против того, чтобы проверить номер.

Ровно в девять двойные стеклянные двери отворились, вошел высокий старик. Я понял, что это Стивенс. У него был вид, как у архиепископа в отпуске. Он направился ко мне той величественной походкой, которая бывает у дворецких, когда они заходят объявить, что кушать подано. На лице — слегка неприятное выражение, в глазах — осторожность.

Я встал.

— Мистер Стивенс?

Он кивнул.

— Я Мэллой. Присаживайтесь, будьте добры. Кофе?

Он положил котелок на один из стульев и сел. Да, он выпьет кофе.

Чтобы сэкономить время, я прошел к стойке, заказал два кофе и вернулся с ними к столу. Девочка-подросток вытаращилась на Стивенса и захихикала, демонстрируя плохие манеры, какие бывают у очень молодых. Она что-то сказала своему кавалеру, свежелицему юнцу в полосатом пиджаке и сдвинутой на затылок кепке. Тот оглядел Стивенса и ухмыльнулся. Вероятно, им казалось смешным, что архиепископ пришел в кафе самообслуживания, а может, их развеселил котелок.

— Большое спасибо, что пришли, мистер Стивенс, — сказал я и предложил ему сигарету. Пока он прикуривал, я его разглядывал. Он был в порядке. Преданный слуга семьи, который умеет держать язык за зубами. Ему вполне можно довериться, вот только как заставить его разговориться. — То, что я вам скажу, пусть останется между нами, — продолжал я, садясь. — Меня наняли расследовать причины смерти Джэнет Кросби. Некая сторона не удовлетворена тем, что она якобы умерла от сердечной недостаточности.

Он оцепенел и сидел выпрямившись.

— Кто эта некая сторона? — спросил он. — И не поздновато ли для расследования, а?

— В данный момент я бы предпочел ее не называть, — ответил я. — Согласен, поздновато, но лишь в последние несколько дней на свет всплыли некоторые факты, которые делают расследование необходимым. Вы считаете, Джэнет Кросби умерла от сердечной недостаточности?

— Меня это не касается, — неохотно отозвался он. — Но, раз уж вы меня спросили, признаюсь, для меня это был страшный удар. Она казалась такой активной молодой женщиной. Однако доктор Сэлзер заверил, что в ее случае неожиданная закупорка артерии вызывает сердечную недостаточность без каких-либо предварительных симптомов. И все равно мне было трудно в это поверить.

— Интересно, а вы не знаете, почему мисс Кросби разорвала помолвку с Дагласом Шерриллом?

— Боюсь, этого я не мог бы вам сказать, не узнав сначала, кто проводит расследование, — чопорно заявил он. — Я слышал о вашей фирме, и, полагаю, она на хорошем счету, но я не готов судачить о своем покойном работодателе, пока не узнаю, с кем имею дело.

Дальше этого мы так и не пошли.

В кафе вдруг воцарилась напряженная тишина, и я резко поднял глаза.

Двустворчатые стеклянные двери распахнулись, вошли четыре человека. У двух из них были в руках автоматы «томпсон», у других — автоматические пистолеты «кольт». Четыре темнокожих «макаронника»: один из них оказался моим дружком с грязными манжетами. Двое с «томпсонами» стали по обе стороны зала, откуда у них был хороший сектор для стрельбы. «Макаронник» с грязными манжетами и небольшой итальяшка с покрасневшими глазами направились через зал к моему столу.

Стивенс издал нечленораздельный звук и хотел было встать, но я схватил его и толкнул обратно на стул.

— Спокойно, — прошептал я.

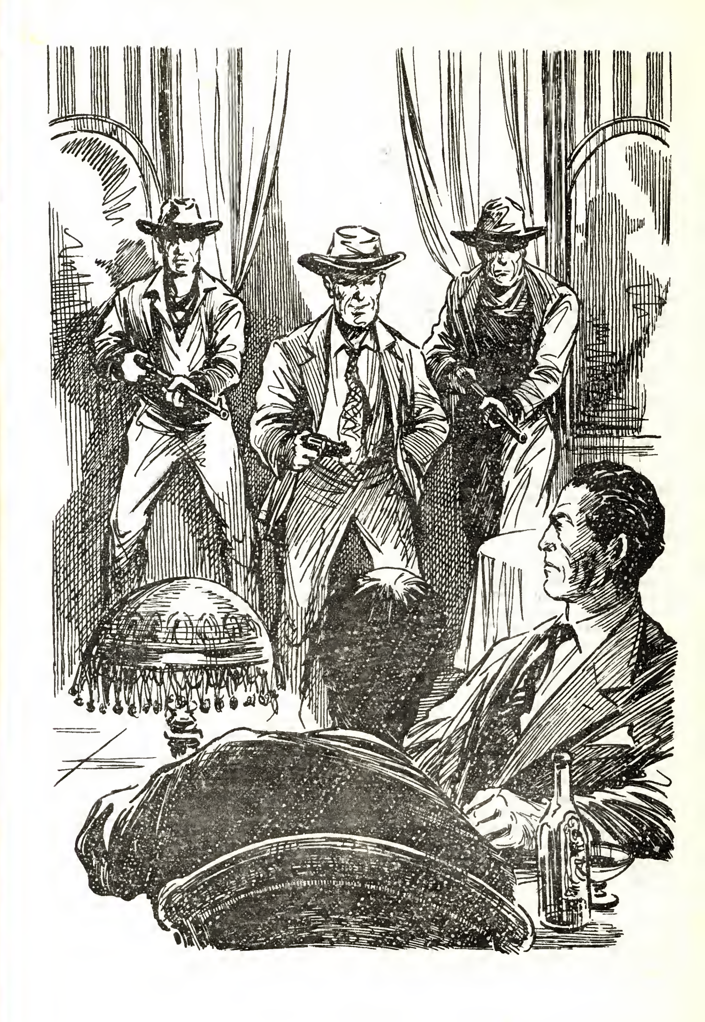
— Эй, заткнитесь! — сказал один из тех, что были с «томпсонами». Его голос прорезал тихую комнатку, как пуля тонну мороженого. — Ни с места и не раскрывайте варежки, а то всех перестреляем!

Все так и замерли в своих позах — сидя или стоя. Вся эта сцена очень походила на представление восковых фигур. Рука бармена на сатураторе, глаза вылезли из орбит. Пальцы одного из пожилых мужчин сжимали «ферзя», сделав ход которым, он собирался объявить мат своему другу. Его лицо напряглось от ужаса. Худая с изможденным лицом девушка закрыла глаза и прикрыла рот руками. Девочка-подросток подалась вперед, ее красивенький накрашенный ротик раскрылся, в глазах застыл пронзительный крик.

Когда «макаронник» проходил мимо нее, этот крик вырвался-таки у нее изо рта, и притихшую комнату разорвал резкий звук. «Макаронник», выругавшись, садануул ее со злостью по красивой шляпке рукояткой «кольта». Саданул изо всех сил, и, когда рукоять глухо стукнула по соломке, вогнав ее в череп, вышел какой-то очень неприятный звук. Девочка упала со стула, из ушей у нее, образуя лужицу на полу, потекла кровь. Парнишка рядом с ней побелел, как рыбье брюшко, его вырвало.

— Спокойно, все! — возвысил голос парень с «томпсоном».

По одному виду этих «макаронников» я понял, что, если бы хоть кто-то пошевельнулся, они бы принялись стрелять без разбора, не испытывая ни к кому жалости. Им лишь нужен был повод. Сделать я ничего не мог. Даже будь у меня пистолет, вряд ли бы я что затеял. Идти с пистолетом против двух «томпсонов» — это все равно что фехтовать зубочисткой против рапиры. Да и застрелили бы не меня одного.

Два «макаронника» подошли к моему столу.

Положив руки на стол, я сидел, будто каменный, и смотрел на них снизу вверх. Я слышал, как рядом со мной тяжело дышит Стивенс.

«Макаронник» с грязными манжетами злобно улыбнулся мне.

— Только пошевелись, сучий сын, и я выпущу твои кишки, — бросил он, потянулся и схватил Стивенса за руку.

— Идем, ты. Покатаешься с нами немного.

— Не трогайте его, — сказал я сквозь стиснутые зубы.

«Макаронник» вмазал мне по лицу рукоятью револьвера.

— Поговори у меня! — рявкнул он.

Другой «макаронник», сунув дуло револьвера Стивенсу в бок, сталкивал его со стула.

— Не трогайте меня, — задыхаясь прохрипел Стивенс и слабо попытался освободиться от «макаронника». Оскалившись, «макаронник», стукнул его кулаком, схватил за ворот и отбросил от стола.

Мой корешок с грязными манжетами отошел от меня, и парень с «томпсоном» пододвинулся поближе, держа прицел на уровне моей груди. Я сидел неподвижно, подперев голову и чувствуя на пальцах кровь, горячую и липкую.

Стивенс упал.

— Давай быстрей, — в ярости сказал «макаронник» с грязными манжетами. — Уберите отсюда этого глупого старого ублюдка. — Он наклонился и схватил Стивенса за лодыжку. Его напарник ухватился за другую, и они побежали через зал, волоча за собой лежавшего на спине Стивенса, опрокидывая столы и стулья на пути к двери.

Распахнув пинками створки, они проволокли старика через тротуар к поджидавшей машине. Еще два «макаронника» стояли снаружи с пулеметами, угрожая разинувшей рты толпе, выстроившейся по обе стороны от входа в кафе.

Такой спокойной и хладнокровной расправы я еще сроду не видел.

Два других «макаронника» с «томпсонами» задом вышли из кафе и сели в машину. Один из «макаронников» на улице развернулся и стал стрелять через матовое стекло в меня. Я этого и ожидал, и, уже когда он только развернулся, соскочил со стула и распластался под столом, вжавшись в пол. Пули отжевали стену прямо над моей головой, и на меня посыпалась штукатурка. Одна пуля оторвала мне каблук. Затем стрельба прекратилась, и, выглянув из-за стола, я успел увидеть, как «макаронник» вскочил на подножку рванувшейся от бордюра и помчавшейся по улице машины.

Я встал на ноги и нырнул в телефонную будку.

IV

Голос зазвучал, как эхо в тоннеле, и проник во все уголки моей комнаты, то был едва различимый голос диктора, исходивший из приглушенного радио. Я ждал этого голоса уже полчаса. Картинка-загадка, разложенная передо мной на столе, интересовала меня не больше, чем дохлая мышь, которую я нашел утром в мышеловке, а может, даже и меньше. От настольной лампы с абажуром на ковре образовалась одинокая лужица света. На полу, под рукой у меня, стояли бутылка виски и стакан. Я уже пропустил стаканчик, а может, даже два или три. После такого вечера стаканом больше, стаканом меньше — роли не играет.

Меня по-прежнему слегка трясло. Кому понравится, когда по нему выпустят целый магазин из автомата, и я тут не исключение. Перед моим мысленным взором неотступно стояла картина: два «макаронника» волокут старика из кафе. Я жалел, что не смог ничего предпринять: ведь он оказался там из-за меня.

«Сегодня в девять часов вечера», — говорил диктор, врываясь в мои мысли, — шесть лиц, как полагают, итальянского происхождения, вооруженные автоматами и автоматическими пистолетами, ворвались в кафе «Синяя птица» на углу Джефферсон и Фелман. Пока двое вооруженных головорезов стояли на страже у входа, а двое других терроризировали находившихся в кафе, остальные двое схватили Джона Стивенса и выволокли его из кафе к поджидавшей машине.

Позже Стивенса, которого общественность города помнит как дворецкого мистера Грегори Уэйнрайта, нашли мертвым у шоссе Лос-Анджелес — Сан-Франциско. Полагают, он умер от удара, последовавшего в результате грубого обращения со стороны его похитителей. Вероятно, когда обнаружилось, что он мертв, похитители выбросили тело из проносившейся машины».

Голос диктора был совершенно бесстрастный, как будто он зачитывал цены на жиры. Я пожалел, что не стою у него за спиной с автоматом: выпустить бы очередь над его головой, сразу бы ожил.

«Полиция также жаждет побеседовать с неизвестным человеком, который находился с Джоном Стивенсом, когда появились похитители. Позвонив в управление полиции, чтобы преставить описание преступников и назвать номер их машины, он скрылся. По словам свидетелей, этот человек высокий, мощного телосложения, волосы темные, лицо желтоватого цвета, черты лица резкие. На правой стороне лица рана от удара, нанесенного одним из похитителей. Любому, узнавшему этого человека, следует немедленно связаться с начальником полиции Брэндоном, управление полиции, Грэм 3444...»

Я наклонился и выключил радио.

— Лицо желтоватого цвета, черты лица резкие, но никто не сказал, что он красивый.

Я медленно повернулся на стуле.

В открытой стеклянной двери стоял сержант Макгро, позади него маячил сержант Хартселл.

Я подскочил не более, чем на фут: один из тех рефлексов, над которыми я не властен.

— Кто вам разрешил врываться сюда? — спросил я, вставая на ноги.

— Он хочет знать, кто нам разрешил врываться сюда, — сказал Макгро, скосоротившись. — Скажем ему?

Хартселл прошел в комнату. На худом враждебном лице — хмурое выражение, глубоко посаженные глаза — каменные.

— Да, скажи ему.

Не отводя от меня взгляда, Макгро закрыл стеклянную дверь.

— Нам сказала маленькая пташка, — подмигнув мне, продолжал он. — Всегда находится маленькая пташка, которая говорит нам то, что нам хочется знать. И эта самая пташечка также сообщила нам, что сегодня вечером ты был со Стивенсом.

Меня слегка бросило в пот. Может, потому, что ночь выдалась жаркая. А может, мне не понравился вид этих двоих. А может, вспомнилось, как Брэндон грозился устроить мне темную.

— Верно, — ответил я. — Я был с ним.

— Ну, молоток, — сказал Макгро и просиял. — Чудо-Чадо говорит для разнообразия правду. Чего ж ты там не остался? Ребята из патрульной машины с удовольствием бы с тобой побеседовали.

— А мне нечего было им сообщить, — ответил я. — Описание машины и людей я уже сообщил дежурному сержанту, и нового бы ничего не добавил. К тому же для одного вечера мне было достаточно, вот я и смотал удочки.

Макгро сел в кресло, порылся во внутреннем кармане и выудил оттуда сигару. Он откусил конец, выплюнул его на стену и прикурил.

— Это мне уже нравится, — сказал он, выпуская изо рта густой дым. — Для одного вечера тебе достаточно. Да, очень мило. Но, корешок, как ты ошибаешься. Вечер для тебя даже еще и не начинался.

Я промолчал.

— Давай побыстрей, — жестким голосом сказал Хартселл. — Через час мне заступать на пост.

Макгро недовольно уставился на него.

— Спокойненько, ладно? Ну и что из того, если ты немного опоздаешь? Мы и сейчас на посту, разве нет? — Он бросил взгляд на меня. — О чем вы со Стивенсом говорили?

— Мне хотелось знать, устраивает ли его объяснение, будто Джэнет Кросби умерла от сердечной недостаточности. Он сказал, что не устраивает.

Макгро усмехнулся и потер свои большие белые руки. Мои слова явно доставили ему удовольствие.

— А ты знаешь, — бросил он Хартселлу, — начальник не дурак. Не скажу, что с ним легко, но он явно не дурак. Вот доподлинные его слова: «Бьюсь об заклад, что этот сучий сын толковал со Стивенсом о семействе Кросби». Вот что он мне сказал, как только мы получили описание. И он оказался прав.

Хартселл посмотрел на меня долгим мерзким взглядом.

— Да, — сказал он.

— И это все, что тебе хотелось узнать, Чудо-Чадо? — спросил Макгро. Или ты задавал Стивенсу и другие вопросы?

— Это и все, что мне хотелось знать.

— А не тебе ли начальник велел оставить Кросби в покое?

Вот оно что.

— Он упоминал об этом.

— Или, может, ты считаешь, что начальник говорит, лишь бы послушать собственный голос?

Я перевел взгляд с Макгро на Хартселла, затем снова на Макгро.

— Не знаю. Почему бы вам не спросить у него?

— Не умничай, Чудо-Чадо. Умников мы не любим, правда, Джо?

Хартселл сделал нетерпеливое движение.

— Ради Христа, давай кончать, — сказал он.

— Кончать — что? — спросил я.

Макгро наклонился и снова сплюнул на стену, а пепел стряхнул на ковер.

— Из-за тебя, корешок, начальник, похоже, не очень-то счастлив, — сказал он и ухмыльнулся. — А когда начальник несчастлив, он злится и выходит из себя, а когда он выходит из себя, то вымещает зло на своих ребятах, вот мы и решили снова сделать его счастливым. Мы подумали, что проще всего вернуть ему улыбку, это приехать сюда и немного поработать над тобой. Мы решили, было бы неплохо потрепать тебе уши, а то и вовсе оторвать их. Кроме того, подумали мы, неплохо бы учинить небольшой разгром в твоем доме: побить мебель и поковырять стены. Мы ведь так думали, а, Джо?

Хартселл облизал тонкие губы и позволил усмешке появиться в его каменных глазах. Он вытащил из набедренного кармана кусок резинового шланга, налитого свинцом, и оценивающе взвесил его на ладони.

— Да, — сказал он.

— А вы не подумали, что произойдет, если вы исполните эти благие намерения? — спросил я. — Вам не приходило в голову, что я могу предъявить иск за нападение и что некто Манфред Уиллет разнесет вас в пух и прах на суде и вы лишитесь своих блях? Пришло вам это в ваши светлые головушки или вы просто проглядели подобную мелочь?

Макгро наклонился и погасил горящую сигару о полированную крышку стола.

— Ты не первый ублюдок, Чудо-Чадо, которому мы наносим визит, — сказал он. — И не будешь последним. Как управляться с адвокатами, мы знаем. Подумаешь, Уиллет! Нашел, кем пугать. Да и о каком суде ты толкуешь? Мы пришли сюда взять у тебя заявление насчет Стивенса. По какой-то там причине — может, тебе не понравились наши лица, может, ты был слегка поддатый, может, у тебя чирей в неудобном месте, — сойдет что угодно, ты становишься крут. До того крут, Чудо-Чадо, что нам с Джо приходится вроде как урезонивать тебя, и вот, пока мы как можно деликатнее урезониваем тебя, ты начинаешь буянить, и в комнате вроде как происходит погром. Но нашей вины тут нет: Нам тоже это особенно не по душе,

и как знать, может, кабы не наши лица, или если бы ты не был поддатый, или если бы у тебя не было чирья в неудобном месте, ничего бы этого не произошло. Это то, что в суде называется твое слово против слов двух респектабельных, не жалеющих сил на службе полицейских. К тому же мы могли бы забрать тебя в управление и посадить в тихую славную камеру, куда время от времени заходили бы ребята и вытирали ботинки о твою морду. Странное дело, до чего много наших ребят любят заглядывать кое к кому из заключенных и вытирать ботинки об их морды. Даже не знаю, почему: просто, видать, любят повеселиться. Так что давай больше не будем толковать об обвинениях в нападении, отобранных бляхах и умниках-адвокатах, если хочешь, чтоб все было по-хорошему.

Я вдруг ощутил, как у меня неприятно засосало под ложечкой. Значит, мое слово против их слов. Они могли запросто арестовать меня и бросить в камеру. К тому времени, как Уиллет развернется, может произойти много чего. Выходило, что этот вечер не для моих игр и забав.

— Вы, значит, все продумали? — произнес я как можно спокойнее — насколько позволяли обстоятельства.

— А как же, корешок, — сказал Макгро, лыбясь. — Тут столько вокруг подонков, которые мутят воду, а наша тюрьма не такая уж и большая. Так что время от времени мы просто вынуждены принимать соответствующие дисциплинарные меры, чтобы сэкономить городу бабки.

Мне бы следовало поглядывать на Хартселла, который стоял чуть слева сзади от меня. Я вдруг услышал свист рассекаемого воздуха и попытался увернуться, но слишком, даже очень, опоздал. Резиновый шланг ударил меня по макушке, и я упал на четвереньки.

Макгро только этого и ждал и молниеносно выбросил ногу — квадратный, окованный железом носок ботинка угодил мне по горлу. Я повалился набок, лихорадочно хватая ртом воздух. Удар по предплечью отозвался тупой болью в голове, и тут же последовал глухой удар по шее, а в ребра мне врезалось что-то острое.

Я откатился, поднялся на четвереньки, увидел, что Хартселл надвигается на меня, и попытался увернуться. Шланг, казалось, отскочил прямо от моих мозгов, как будто мне сделали трепанацию, чтобы специально бить по мозгам. Я распластался на ковре, сжимая кулаки и сдерживая крик, который уже готов был вырваться из меня.

Чьи-то руки подхватили меня и поставили на ноги. Сквозь красную пелену тумана Макгро казался чересчур огромным, чересчур широким и уродливым. Он отпустил меня, и я, падая вперед, напоролся на его кулак. Я кубарем полетел через комнату, опрокинув стол. Приземлился на спину посреди посыпавшихся кусков от картинки-загадки.

Я замер. Свет с потолка ринулся на меня, остановился, затем снова откатился назад. Это повторилось несколько раз, поэтому я закрыл глаза. На заднем плане моего сознания маячила мысль, что ведь это может продолжаться, пока они не устанут, а утомить таких головорезов, как Макгро и Хартселл, нелегко. К тому времени, как они со мной разделаются, от меня почти ничего не останется. Я тупо подумал, почему они на меня не набрасываются, почему я спокойно лежу на полу. Пока я не двигался, боль, завладевшая мною, была еще терпима. Мне и думать не хотелось, что будет с моей головой, если я шевельнусь. Мне казалось, что голова висит на ниточке, и достаточно одного легкого движения, как она покатится по полу.

Сквозь эту боль и туман я услышал, как какая-то женщина сказала:

— Это вы так развлекаетесь?

Женщина!

Вероятно, подумал я, от последнего удара, а может, и от удара шлангом по голове я стал получать от них удовольствие.

— Этот человек опасен, мэм, — сказал Макгро вежливым голосом мальчика, которого застали в буфетной. — Он сопротивлялся аресту.

— Не смейте лгать мне! — Голос и точно был женский. — Я видела в окно, что тут происходит.

Такое я пропустить не собирался, пусть бы даже меня и убили. Я очень осторожно поднял голову. Все вены, артерии и нервы в ней вопили: «Убивают!», пульсировали, расширялись и вообще ударялись в истерику, но я сумел сесть на полу. Свет пулял стрелы мне в глаза, и я на мгновение зажал голову руками и посмотрел сквозь пальцы.

Макгро с Хартселлом стояли у двери, как будто на раскаленной докрасна печи. У Макгро на лице была заискивающая улыбка, будто говорившая: «Ко мне это не имеет ровно никакого отношения». Хартселл стоял с таким видом, будто в брючине у него бегает по ноге мышь.

Держа голову неподвижно, я повернулся и глянул на стеклянную дверь.

Между полураздвинутыми занавесками стояла девушка — в белом, без бретелек, вечернем платье, оттенявшем сильно загорелые плечи и красивую выемку между грудями. На плечи спадали черные волосы цвета воронова крыла с загнутыми внутрь концами. Мне трудно было взять ее в фокус, и ее красота дошла до меня медленно, как кинокадр, поданный на экран киномехаником-любителем. Смазанные черты лица постепенно обрели четкость. Едва различимые впадинки, бывшие ее глазами, наполнились и ожили. Славное личико, овальное, с чеканным носиком, красными чувственными губами и большими, широко поставленными глазами, столь же черными и жесткими, как куски угля.

Хотя кровь стучала у меня в голове, горло страшно болело, а во всем теле было такое ощущение, будто его пропустили через выжималку, я испытал прикосновение соблазнительности этой девушки так же, как чуть раньше ощутил прикосновение кулака Макгро. У нее не только была внешность, в ней еще была и неповторимая изюминка: она проглядывала в ее глазах, в осанке, в

изгибах тела, в ее загорелой шейке, она заявляла о себе, как заявляют о себе двадцатифутовые буквы на рекламном щите.

— Как вы смеете избивать этого человека! — сказала она голосом, который донесся через комнату с жаром и силой огнемета. — Это все Брэндон придумал?

— Послушайте, мисс Кросби, — с мольбой в голосе проговорил Макгро. — Этот фраер сует свое рыло в ваши дела. Начальник решил, что его следует урезонить. Честное слово, это и все.

Впервые, насколько я понял, она повернула голову и уставилась на меня. Вряд ли ее взору предстало особенно приятное зрелище. Я осознавал, что порядком нахватал синяков и шишек, а из пореза на правой щеке, по которой мне вмазал «макаронник», снова потекла кровь. Не знаю уж, как, но я сумел ей улыбнуться: улыбка вышла кривая, без особого чувства, но все же улыбка.

Она посмотрела на меня, как смотрят на лягушку, которая прыгнула вам в утреннюю чашку с кофе.

— Встаньте! — резко скомандовала она. — Не так уж вас и побили.

Конечно, это ведь не ее три или четыре раза погладили по голове шлангом, не ее пинали в горло и под ребра, не ей заехали по челюсти.

Может, потому, что она была такая славная, я и сделал над собой усилие и каким-то образом встал на ноги. У нас, у Мэллоев, собственная гордость: мы не любим, чтобы наши женщины считали, будто мы слишком размякаем. Как только я оказался на ногах, мне пришлось ухватиться за спинку стула, и я чуть было снова не распластался на полу, но, вцепившись в стул и сублимируя боль, которая заходила ходуном от головы к пяткам и обратно, как спятившая русская горка, я стал постепенно преодолевать ее и обретать, что называется, второе дыхание.

Макгро и Хартселл смотрели на меня, как смотрят тигры на кусок мяса, который вытащили у них из клетки.

Она снова заговорила этим своим презрительным голосом, обращаясь к ним:

— Нет, вы мне не нравитесь. Если Брэндон так поставил дела в полиции, тогда чем раньше его из нее вышибут, тем лучше!

Пока Макгро бормотал извинения, я настроил свой компас и зигзагообразным курсом направился к перевернутой бутылке с виски. Пробка была плотно закрыта, так что из бутылки ничего не вылилось. Наклониться и поднять ее оказалось равносильно подвигу, но мне это удалось. Я приладился к горлышку и выпил.

— Прежде чем уйдете, вы вкусите собственного средства, — говорила она, а когда я опустил бутылку, протянула мне резиновый шланг, который подняла с пола. — Ну же, избейте их! — со злобой сказала она. — Возьмите свое!

Я взял шланг, потому как иначе она бы, вероятно, засунула мне его в глотку, и посмотрел на Хартселла и Макгро, которые в ответ посмотрели на меня, как две свиньи, ожидающих, когда им перережут глотки.

— Избейте их! — повторила она голосом погромче. — Пора уже, чтобы кто-то это сделал. Они покорно стерпят избиение. Уж я об этом позабочусь.

Ситуация была необычная, но я нисколько не сомневался, что они бы стояли там и позволили мне исколотить их до полусмерти.

Я швырнул шланг на кушетку.

— Только не я, леди, я развлекаюсь по-другому, — проговорил я, и голос у меня зазвучал, как пластинка, которую проигрывают тупой граммофонной иглой.

— Избейте их! — в ярости скомандовала она. — Чего вы боитесь? Они больше не посмеют вас тронуть. Поколотите их как следует!

— Простите, — сказал я. — Веселее мне бы от этого не стало. Давайте их выгоним. Они загадили всю комнату.

Она повернулась, схватила шланг и подошла к Макгро. Белое его лицо пожелтело, но он не пошевельнулся. Рука ее взлетела вверх, и она ударила его по лицу. На его дряблой щеке появился уродливый красный рубец. Он хрюкнул от боли, но попрежнему не пошевельнулся.

Когда ее рука взлетела снова, я схватил ее за запястье и отобрал у нее шланг. Это усилие стоило мне страшной боли в голове и жгучей пощечины от мисс «Порох». Она попыталась отнять у меня шланг, но я, держа ее за руки, завопил:

— Мотайте отсюда, ублюдки! Мотайте отсюда, пока она вам не высадила мозги!

Держать ее было все равно, что держать разгневанную тигрицу. Она оказалась удивительно сильной. Пока я боролся с ней, Макгро с Хартселлом опрометью выскочили из комнаты, как будто за ними гнался сам дьявол. Торопясь убраться, они свалились со ступенек. Когда я услышал шум мотора их машины, я отпустил запястья женщины и сделал шаг назад.

— Успокойтесь, — сказал я, переводя дыхание. — Они уехали.

Какое-то мгновение она стояла, ловя ртом воздух, лицо напряжено, глаза сверкают — славная фурия; затем гнев прошел, глаза лишились своего взрывного качества, и она вдруг запрокинула голову и засмеялась.

— Ну, мы их наверняка до полусмерти напугали, этих двух крыс, правда? — сказала она и плюхнулась на кушетку. — Дайте мне выпить и сами выпейте. Судя по вашему виду, выпить вам явно не помешает.

Потянувшись за бутылкой, я сказал, не отводя от нее взгляда:

— Зовут вас, разумеется, Морин Кросби?

— Угадали. — Она потерла запястье, скорчив смешную гримасу. — Вы сделали мне больно, мужлан.

— Весьма сожалею, — сказал я, действительно сожалея об этом.

— Хорошо, что я сюда заглянула. Если бы не заглянула, они бы уже сняли с вас шкуру.

— Да уж это точно. — Рука у меня дрожала, и виски расплескался на ковер. Я протянул стакан ей, и стал наливать себе. — «Уайтрок» или вода?

— В натуральном виде, — ответила она, подняв стакан на свет. — Я считаю, ни к чему соединять дело с удовольствием, а виски с водой.

— Это смотря, какое дело и какой виски. — В ногах у меня было такое ощущение, как будто мне удалили голени. — Стало быть, вы Морин Кросби. Кого-кого, а вас никак не ожидал увидеть у себя дома.

— Я так и думала, что вы удивитесь. — В темных глазах стояло насмешливое выражение, улыбка была рассчитана на эффект.

— Как идет излечение от наркотиков? — спросил я, наблюдая за ней. — Мне всегда говорили, что наркоманам следует воздерживаться от спиртного.

Она продолжала улыбаться, хотя глаза погрустнели.

— Не следует верить всему, что говорят.

Я отпил из стакана. Виски показался мне очень крепким. Я содрогнулся и поставил стакан на стол.

— А я и не верю. Надеюсь, и вы не верите.

Мы долго сидели, глядя друг на друга. Она умела делать лицо невыразительным, не лишая его привлекательности, что было, я бы сказал, большим достижением.

— Не будем усложнять. Я здесь для того, чтобы поговорить с вами. Вы причиняете мне много беспокойства. Не пора ли взять свою лопаточку и поковырять на чьем-нибудь еще кладбище?

Я притворился, будто раздумываю над этим.

— Вы просто спрашиваете или это предложение? — сказал я наконец.

Рот у нее сжался, улыбка ушла.

— Вас можно купить? Мне говорили, что вы один из этих чистеньких и простых бессребренников. Особенно мне советовали не предлагать вам денег.

Я потянулся за сигаретой.

— По-моему, мы согласились, что не верим всему, что слышим, — сказал я, наклоняясь вперед и предлагая ей сигарету. Она взяла ее, и мне пришлось потянуться за другой. Дать ей прикурить стоило мне еще одного укола боли в голову, отчего мое настроение нисколько не улучшилось.

— Это могло бы быть и предложение, — сказала она, откидываясь назад и выпуская дым к потолку. — Сколько?

— А что вы хотите купить?

Она разглядывала сигарету, как будто никогда прежде сигарет не видела, потом сказала.

— Вы доставляете мне много беспокойства. Я могла бы заплатить за избавление от беспокойства.

— И сколько же оно стоит?

— Вы знаете, вы страшно меня разочаровали. Вы ничуть не лучше этих мерзких шантажистов.

— Кому ж и знать о них, как не вам.

— Да. О них я знаю все. А когда скажу, чего, я считаю, это стоит, вы, наверное, посмеетесь надо мной, как всегда смеются они, и поднимете стартовую цену. Так что лучше уж вы мне скажите, сколько это стоит для вас, и предоставьте мне возможность посмеяться.

Мне вдруг надоело продолжать эту игру. Может, у меня слишком болела голова, а может, даже я находил ее настолько привлекательной, что мне просто не хотелось, чтобы она принимала меня за подлеца.

— Ну что, опустим это, — сказал я. — Я пошутил. Купить меня нельзя. Зато меня, вероятно, можно убедить. С чего это вы взяли, будто я затеваю какую-то бучу? Расскажите мне о своем деле. Если в нем нет ничего плохого, я могу взять свою лопату и пойти покопать в другом месте.

Она смотрела на меня секунд, наверное, десять — задумчиво, молчаливо, с некоторым сомнением.

— Такими вещами не следует шутить, — серьезно сказала она. — Вы можете добиться того, что перестанете нравиться. Мне бы не хотелось беспричинно недолюбливать вас.

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Прекрасно. Вы говорите, просто чтобы выиграть время, или действительно так считаете?

— Мне сказали, что у вас манеры борова, но что вы умеете находить подход к женщинам. Что касается борова, все верно.

Я открыл глаза и осклабился.

— Что касается женщин, я тоже на уровне, только не надо меня торопить.

Тут, напугав нас обоих, зазвонил телефон. Он стоял рядом со мной, и, когда я потянулся к трубке, она быстро сунула руку в сумочку и вытащила автоматический пистолет 25-го калибра. Она приставила его мне к виску, маленький барабан коснулся кожи.

— Ни с места! — сказала она, а в ее глазах появилось выражение, от которого я прирос к месту. — Не трогайте телефон!

Так мы и сидели, а телефон все звонил и звонил. Резкий его звук действовал мне на нервы, отскакивал от тихих стен комнаты, выползал через прикрытую стеклянную дверь и терялся в море.

— В чем дело? — спросил я, медленно отодвигаясь назад, — холодок пистолета на лице оставлял неприятное чувство.

— Заткнитесь! — Голос у нее стал «как терка». — Не двигаться!

Наконец звонок устал звонить и замолчал. Она встала.

— Пошли, мы уходим отсюда. — И снова пистолет угрожал мне.

— Куда мы идем? — спросил я, не двигаясь.

— Подальше от телефонов. Идемте, если не хотите, чтобы вам прострелили ногу.

Но пойти с ней меня заставил не страх, что мне могут прострелить ногу; меня заставило любопытство. То, что она вдруг ни с того ни с сего испугалась, было очень и очень странно. Я видел этот испуг столь же ясно, как видел небольшую ложбину меж ее грудей.

Когда мы спускались по ступенькам к машине, стоявшей сразу же за воротами, телефон зазвонил снова.

V

Машина оказалась черным «роллсом». Ощущение скорости в салоне ничем не передавалось: ни покачиванием, ни шумом двигателя. Лишь завывание ветра, струившегося по обтекаемой крыше, подсказывало мне, что стрелка спидометра, дрожавшая на девяноста, не обманывает.

Я сидел рядом с Морин Кросби в низко опущенном, как мне казалось, кресле, уставившись во все глаза на ослепительную лужицу света, ложившуюся перед нами на дорогу и убегавшую от нас, как перепуганное привидение.

Она гнала машину по бульвару Орчид, прокладывая себе дорогу среди других машин настойчивым гудением рожка. Она обгоняла машины перед самым носом идущего навстречу транспорта, проскальзывая в сужающиеся проходы и избегая верного лобового столкновения. Она взяла, что называется, штурмом широкую, темную Монте-Верде-авеню и покатила по шоссе на Сан-Диего. И, только уже оказавшись на шестирядной трассе, она погнала машину по-настоящему, стремительно и опережая все двигавшиеся по дороге автомобили, отчего их водители, наверное, подскакивали как ужаленные.

Я не имел представления, куда мы едем, а когда хотел что-то сказать, она оборвала меня кратким: «Молчите! Мне надо подумать», и я, откинувшись на роскошное сиденье, восхищаясь ее мастерством вождения и надеясь, что мы ни во что не врежемся, предался сумасшедшему бегу во тьму.

Шоссе на Сан-Диего идет по плоской пустыне песчаных дюн и кустарников, затем вдруг выходит к самому океану, после чего снова врезается в пустыню. Однако, когда мы добрались до моря, Морин не поехала дальше по трассе, а сбавила скорость до жалких шестидесяти и свернула на узкий проселок, который шел вдоль берега. Дорога стала круто взбираться, и море сразу оказалось внизу, пока мы не одолели какой-то холм и не выехали на вершину утеса. Теперь мы ползли на жалких тридцати.

У начала еще одной узкой дороги, по обоим сторонам которой рос высокий кустарник, ослепительный свет фар выхватил из темноты надпись: «Частная собственность. Въезд запрещен». Морин свернула на эту дорогу, и машина вошла туда, как рука входит в перчатку. Мы брали повороты и срезали углы, ничто, насколько я видел, не задевая. Через несколько минут Морин сбавила скорость и остановилась перед двенадцатифутовыми воротами, утопающими в колючей проволоке. Она трижды нажала на кнопку рожка: короткие резкие гудки разорвали тишину, и ворота, словно по волшебству, сами распахнулись.

— Здорово, очень здорово, — сказал я.

Она ничего не сказала, даже не взглянула на меня, а проехала дальше, и, оглянувшись, я увидел, что ворота закрылись. Я вдруг подумал, а не похитили ли меня, как похитили сиделку Гэрни. Часы на щитке показывали без двух двенадцать — мое время для отхода ко сну.

Дорога вдруг расширилась в подъездную аллею, и мы проскользнули еще в одни двенадцатифутовые ворота, стоявшие открытыми, и снова, оглянувшись, я увидел, как они закрылись за нами, будто по мановению руки.

В ослепительном свете фар появился деревянный, стилизованный под шале дом, сокрытый кустами и тунговыми деревьями в цвету. В окнах первого этажа виднелся свет. Электрический фонарь ярко освещал ступеньки, ведущие к парадной. Она подъехала, распахнула дверцу и выскользнула из машины. Я выбрался не столь быстро. Передо мной в лунном сиянии спускался по склону утеса террасный сад. У его основания, а это, казалось, далеко внизу, я увидел большой бассейн. Море поставляло мягкий звуковой фон и поблескивало где-то вдали. Жаркий ночной воздух был перенасыщен запахом цветов.

— И это все ваше? — спросил я.

Она стояла рядом со мной, верх ее гладких темных волос был вровень с моим плечом.

— Да, — ответила она и, помолчав, добавила: — Приношу извинения за пистолет, но мне нужно было быстро доставить вас сюда.

— Я бы приехал и без пистолета.

— Но прежде бы ответили на телефонный звонок. Было очень важно, чтобы вы на него не о - вечали.

— Послушайте, у меня голова раскалывается, я устал, и прошу об одном: не надо загадочности Вы скажете мне, зачем привезли меня сюда? Почему было важно, чтобы я не ответил на телефонный звонок и чего вы от меня хотите?

— Само собой. Войдем? Я угощу вас виски.

Мы поднялись по ступенькам. Парадная дверь стояла открытой, и мы прошли в прихожую, а оттуда через арочный проход в гостиную во всю ширину дома. Там было все, что можно увидеть в доме миллионерши. Денег не жалели. Цветовая гамма сочетала кремовые и серебристые тона, и комната была довольно броской, но не вульгарной. Лично у меня не такое представление о гостиной, но ведь у меня простой вкус.

— Давайте посидим на веранде, — предложила она. — Проходите, пожалуйста. Я принесу напитки.

— Вы здесь одна?

— Не считая служанки. Она вас не побеспокоит.

Я прошел на веранду и увидел большую качалку, футов десять длиной, поставленную так, чтобы можно было сидеть и восхищаться видом, а вид был вполне достоин восхищения. Я опустился на мягкую кожаную подушку и уставился на далекое море. Пока мы ехали, я все время гадал, чего же она от меня хочет. Гадал и сейчас.

Она появилась через несколько минут, толкая перед собой столик на колесиках, на котором стояли бутылки, стаканы и ведерко со льдом, села с другого конца. Нас разделяло примерно восемь футов покрытой кожей качалки.

— Виски?

— Спасибо.

Я смотрел, как она наливает виски. Темные синие огоньки в крыше веранды давали достаточно света, чтобы я мог ее видеть, но недостаточно, чтобы разглядеть глаза. Я подумал, что, пожалуй, такой красивой девушки я еще сроду не видел.

Удовольствием было даже наблюдать за ее движениями.

Пока она наливала в стаканы, мы оба старались ничего не говорить. Она предложила мне сигарету, и я ее принял, дал ей прикурить, потом прикурил сам.

Мы оба были готовы начать, но, казалось, ей по-прежнему, не хочется ничего говорить, а я боялся, как бы у меня не вырвалось какое-нибудь случайное замечание, которое могло ее оттолкнуть. Мы смотрели на сад, на море и на луну, а стрелки моих наручных часов знай себе двигались.

Потом она вдруг сказала:

— Приношу извинения за то, как я... как я себя вела. Я имею в виду, что предлагала вам деньги, лишь бы вы оставили меня в покое. Я знаю, это был неверный подход, но я не хотела ничего выдавать, пока не узнаю, что вы за человек. Дело в том, что мне нужна ваша помощь. Я влипла, и не знаю, как выпутаться. Я вела себя как последняя дурочка, и я боюсь. Я до смерти боюсь.

Испуганной она не казалась, но я ей этого не сказал.

— Хотела бы я знать наверняка, известно ли ему это место, — продолжала она, будто разговаривая с самой собой. — Если знает, он наверняка приедет сюда.

— А что если мы начнем по порядку и не спеша? — мягко сказал я. — У нас уйма времени. Почему было важно, чтобы я не отвечал на телефонный звонок? Начнем с этого.

— Потому что он бы узнал, где вы, а он вас ищет, — сказала она, будто разговаривая с несообразительным ребенком.

— Вы не сказали мне, кто это — он. Шеррилл?

— Разумеется, — коротко ответила она.

— А зачем он меня ищет?

— Ему не нужны неприятности, а вы их для него создаете. Он намерен разделаться с вами. Я слышала, как он велел Франсини сделать это.

— Франсини — это маленький «макаронник» с оспинами на лице?

— Да.

— И он работает на Шеррилла?

— Да.

— Значит, похищение Стивенса организовал Шеррилл?

— Да. Для меня это был критический момент. Как только я узнала, что бедный старик умер, то сразу же приехала к вам.

— Шерриллу известно, что у вас есть этот дом?

— Не думаю. Я никогда о нем не упоминала, и он никогда здесь не был. Но он мог и узнать. Он знает почти все.

— Ну что ж, теперь, когда мы это выяснили, может, начнем с самого начала?

— Сперва я хочу вас кое о чем спросить, — ответила она. — Почему вы приехали в Крестуэйз и спрашивали меня? Почему вы поехали и потолковали с доктором Бьюли? Вас кто-нибудь нанял, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь?

— Да, — ответил я.

— Кто?

— Ваша сестра, Джэнет.

Ударь я ее по лицу, и то бы она не среагировала так сильно. Она вздыбилась на сиденье, будто наступила на змею, отчего качалка так и заходила.

— Джэнет? — это слово вырвалось из нее наводящим ужас шепотом. — Но ведь Джэнет мертва. Что вы имеете в виду? Как вы можете говорить такое?

Я вытащил бумажник, нашел письмо Джэнет и протянул его ей.

— Прочтите.

— А что это? — спросила она — казалось, она боится смотреть на письмо.

— Прочтите и взгляните на дату. Оно пролежало четырнадцать месяцев. Я сам впервые прочел его всего два дня назад.

Она взяла письмо. При виде знакомого почерка лицо у нее окаменело, а зрачки глаз сузились. Прочитав письмо, она несколько минут сидела неподвижно, вытаращившись на него. Я ее не торопил. Страх, самый неподдельный, который невозможно было скрыть, отражался у нее на лице.

— И из-за этого... из-за этого вы принялись наводить справки? — спросила она наконец.

— Ваша сестра прислала мне пятьсот долларов. Я считал себя обязанным заработать их. Я приехал в Крестуэйз, чтобы повидать вас и обсудить все с вами. Будь вы там и объясни мне, что означает сие письмо, я бы вернул деньги и прекратил расследование. Но вас там не оказалось. А потом стали твориться всевозможные вещи, и прекратить расследование я просто не мог.

— Понятно.

Я ждал, что Морин скажет что-нибудь еще, но она молчала. Сидела неподвижно, уставившись на письмо, — лицо белое, глаза — жесткие.

— Вас шантажировали? — спросил я.

— Нет. Не знаю, почему она написала вам. Наверное, хотела скандала. Она ненавидела меня и всегда пыталась мне нагадить.

— Почему она ненавидела вас?

Она долго смотрела вниз, на сад, ничего не говоря. Я отпил виски и покурил. Если хочет сказать, так в свое время скажет. Морин была не из тех, кого надо торопить.

— Я не знаю, что делать, — произнесла она наконец. — Если я скажу вам, почему она меня ненавидела, то полностью доверюсь вам, вы можете погубить меня.

На это мне нечего было ответить.

— Но если я не скажу, — продолжала она, сжимая кулаки, — тогда я вообще не знаю, как выберусь из этой переделки. У меня должен быть человек, которому я могла бы доверять.

— Разве у вас нет адвоката? — спросил я, лишь бы что-нибудь сказать.

— Он может только навредить. Он мой опекун. По условиям завещания отца, если я окажусь замешанной в скандале, я теряю все. Я уже по уши в таком дерьме, которое обернется ужасным скандалом, если только всплывет на свет божий.

— Вы имеете в виду с Шериллом? — сказал я. — Вы финансировали «Шхуну-Мечту»?

Она, вздрогнув, уставилась на меня.

— Вы это знаете?

— Знать я не знаю, но догадываюсь. Если бы стало известно, что за «Шхуной-Мечтой» стоите вы, это был бы скандал.

— Да. — Она вдруг скользнула по сиденью и оказалась рядом со мной. — Джэнет была влюблена в Дагласа. Я тоже сходила по нему с ума. Я отбила его у нее. Она пыталась застрелить меня, но меня спас отец. Вместо меня Джэнет застрелила его, — выболтнула она и закрыла лицо руками.

Я никак не рассчитывал услышать такое, а потому сидел, будто каменный, и ждал.

— Дело замяли, — после долгой паузы продолжала она. — Как — это пусть вас не волнует. Но оно не давало Джэнет покоя. Она... она отравилась. Это тоже замяли. Мы боялись, что станет известно, почему именно она покончила с собой. Доктор был старый, и никаких проблем не возникло. Он решил, что это сердечная недостаточность. Затем, когда я стала наследницей и у меня оказалась уйма денег, Даглас показал себя в своем истинном свете. Он заявил, что, если только я не дам ему денег на покупку «Шхуны-Мечты», он растреплет, что я отбила его у Джэнет, а та пыталась убить меня, но случайно убила отца, а сама отравилась: и все из-за меня. Можете себе представить, как бы все это подали газеты, и я бы всего лишилась. Ну, я дала ему деньги на его поганую шхуну, а ему, естественно, этого оказалось мало. Он продолжал приходить ко мне и требовать все новых денег, следил за каждым моим шагом. Теперь узнал, что вы наводите справки. Даглас боится, что вы обнародуете эту историю, и тогда, разумеется, он лишится своей власти надо мной. Даглас сделал все, что мог, чтобы остановить вас. Когда он прослышал, что Стивенс встречается с вами, то похитил его. А теперь он собирается уничтожить вас. Я не знаю, что делать! Мне бы уехать куда-то и спрятаться! Я хочу, чтобы вы помогли мне. Вы мне поможете? Поможете! — Она уже сжимала мне руки. — Обещайте, что не выдадите меня? В ответ я готова сделать, что угодно. Я не шучу! Вы мне поможете?

У нас за спиной послышался легкий шум, и мы оба повернулись. Позади нас стоял высокий, мощного сложения мужчина с темными курчавыми волосами, одетый в алый бумажный спортивный свитер без рукавов и темно-синие брюки. В руке он сжимал автоматический пистолет 38-го калибра, направленный прямо на меня. На загорелом лице играла веселая покровительственная улыбка, как будто он наслаждался какой-то одному ему понятной шуткой, слишком тонкой для рядового интеллекта.

— Красивая сказочка, правда? — заговорил он грубым голосом. — Значит, ей хочется убежать и спрятаться? Ну что ж, она и спрячется. Она так спрячется, что никто и никогда ее не найдет, и тебя это тоже касается, мой любознательный друг.

Я прикидывал расстояние между нами, гадая, успею ли встать и добраться до него, прежде чем он выстрелит, когда вдруг услышал слишком хорошо знакомый свист опускающегося шланга, и моя голова, казалось, прямо взорвалась изнутри.

Последнее, что я слышал, был дикий, душераздирающий крик Морин.

Глава четвертая

I

Я лежал в большой, просторной комнате, стены и потолок которой были тускло-белого цвета. На окнах висели белые пластиковые занавески, а лампа с абажуром отбрасывала лужицу света на стоявшую напротив кровать.

На кровати сидел человек. Он читал. Выражение его лица и высокий, широкий лоб наводили на мысль о студенте, готовящемся к экзамену.

Несколько минут я наблюдал за ним сквозь полуприкрытые глаза, без особого интереса гадая, кто он такой и что делает в этой комнате вместе со мной. В руках у него была огромная книга. Когда он перевернул страницу и я увидел название главы, до меня дошло, что он держит книгу вверх тормашками.

Я нисколько не удивился, что лежу в этой комнате. Я подспудно ощущал, что нахожусь в ней уже несколько дней, а то и недель.

Инстинкт подсказывал мне — я был уверен, никто мне об этом не говорил, — что я нахожусь в больнице, и я попытался вспомнить, не сбила ли меня машина, но голова у меня почему-то совсем не соображала. Меня занимал лишь человек с книгой.

Человек был молод — лет двадцати пяти, с копной светлых и длинных шелковистых волос. Лампа отбрасывала тень на его глубоко посаженные глаза, и они казались двумя темными отверстиями у него на лице.

Я вдруг осознал, что он тоже наблюдает за мной, хоть и притворялся, что читает: наблюдает украдкой из-под ресниц, наблюдает, даже когда переворачивает страницу, изображая хмурую сосредоточенность на лице.

— Вам будет легче, если вы перевернете книгу, — сказал я и поразился, каким далеким прозвучал мой голос, как будто я находился в соседней комнате.

Он поднял глаза и улыбнулся: типичный представитель колледжа, который больше знаком с бейсбольной битой, нежели с книгой.

— Я всегда так читаю книги, — сказал он неожиданно высоким голосом. — Это гораздо интереснее, стоит только привыкнуть. — Он положил книгу. — Ну-с, как вы себя чувствуете, мистер Сибрайт? Боюсь, вам пришлось нелегко. Как голова?

Странное дело, но теперь, когда он об этом упомянул, я обнаружил, что у меня болит голова.

— Болит, — ответил я. — Это больница?

— Ну, не то чтобы больница. По-моему, ее называют санитарием.

— Вы хотите сказать — санаторием, так ведь? Санитарий — это же «психушка».

Он улыбнулся и кивнул светловолосой головой.

— Вот именно: психушка.

Я закрыл глаза. Мне понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить свист опускающегося мне на голову шланга, человека в алом спортивном свитере и дикий, душераздирающий крик Морин. Санитарий. Я почувствовал, как у меня мурашки побежали по спине. Санитарий!

Я резко сел. Что-то удерживало мое левое запястье. Я повернулся посмотреть, что же это такое. Запястье опоясывал яркий никелевый наручник, резиновый изнутри. Другой наручник был прикреплен к спинке кровати.

Молодой человек с легким интересом наблюдал за мной.

— Они считают, что для нас же безопаснее сидеть вот так на привязи, — заметил он. — Смешно, право, но я не сомневаюсь, что они желают нам добра.

— Да, — сказал я и лег. И снова по спине у меня побежали мурашки. — Кто заправляет этим заведением?

— Господи, доктор Сэлзер, разумеется. Разве вы с ним не встречались? Он само очарование. Он вам понравится. Он всем нравится.

Тут я вспомнил, как мужчина в алом свитере сказал, что упрячет меня туда, где меня никто и никогда не найдет. Сумасшедший дом, разумеется, весьма надежный тайник. Но, по словам сиделки Гэрни, заведение Сэлзера предназначалось для лечения тучных людей.

— А я считал, что у Сэлзера заведение, где, вроде как, занимаются обычным лечением, — осторожно заметил я. — Но никак не психушка.

— Совершенно верно, но тут есть крыло, отведенное для душевнобольных, — объяснил блондин. Он прошелся двумя пальцами, как будто ногами, по краю тумбочки. — О нем обычно не говорят. — Пальцы прошагали обратно. — Для родственников гораздо приятнее говорить, что вы просто поправляете здоровье, нежели заперты в клетке с мягкими стенами.

— В такой мы и находимся? — спросил я.

— О да. Стены обиты. На вид-то вроде нет, но попробуйте стукнуть по ним. Прямо смешно. Он наклонился с кровати и стукнул по стене. — Помоему, это резина. Между прочим, меня зовут Дайкен Хоппер. Вы, возможно, слышали о моем отце, Дуайте Хоппере.

Насколько я помнил, Дуайт Хоппер был крупной фигурой в торговле красками.

— Меня зовут Мэллой, — представился я. — Виктор Мэллой.

Он склонил голову набок и пристально на меня посмотрел.

— Как?

— Мэллой.

— Вы уверены? — Он лукаво улыбнулся. — Мне сказали, что вас зовут Эдмунд Сибрайт.

— Нет. Мэллой, — возразил я и в который уже раз почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Понятно. — Он снова прошагал пальцами по краю тумбочки. Похоже, ему это нравилось. — Интересно, а вы не станете возражать, если я буду называть вас Сибрайтом? Блэнд называет вас Сибрайтом. Доктор Сэлзер называет вас Сибрайтом. Сибрайт значится и в ваших документах. Я знаю, потому как упросил Блэнда дать мне взглянуть на них. У вас маниакально-депрессивный синдром. Вы знали об этом?

Во рту у меня вдруг пересохло.

— Что-что?

— Маниакально-депрессивный синдром. Смею сказать, это чистейший вздор.

— Да, вздор. — Я обнаружил, что говорить и думать спокойно мне все труднее.

— Я так рад. Депрессивники бывают такие скучные. Я не думал, что вы такой, так и заявил Блэнду. Но Блэнд ужасно глуп, совершенно необразованный человек. Он никогда не слушает, что я ему говорю. Боюсь, он вам не понравится. Он говорит, что я параноик, но это чистейший вздор. Сегодня утром у нас из-за этого вышел ужасный спор, и он дал мне вот эту книгу. В ней говорится о паранойе. Право, довольно забавно. Но у меня — ни одного-единственного симптома. Тут есть весьма интересная статья о депрессивных маньяках. — Он прошагал пальцами по краю тумбочки, прежде чем спросить: — У вас бывают галлюцинации?

Я сказал, что галлюцинаций у меня не бывает.

— Я так рад. — Он и впрямь, казалось, от души радуется. — Но ведь странно, что вы считаете, будто ваша фамилия Мэллой, правда? Или, может, вы так не думаете?

Я сказал с расстановкой:

— Ничего странного, поскольку Мэллой действительно моя фамилия.

— Понятно. — Он потянулся за книгой и принялся листать страницы. — В таком случае, если вы не Эдмунд Сибрайт, почему же вы здесь?

— Это долгая история, — ответил я, и вдруг подумал, что исключительно важно заставить этого блондина поверить мне. Если он мне не поверит, тогда кто же еще поверит? — Я частный детектив. Расследуя одно дело, обнаружил, что доктор Сэлзер повинен в смерти Юдоры Дрю. Все слишком запутано, чтобы сейчас вдаваться в подробности, но именно из-за этого меня и похитили. Я увидел выражение вежливого недоверия на лице Хоппера.

— Доктор Сэлзер? — сказал он и одарил меня очаровательной улыбкой. — Убийство?! Это интересно. А вы вроде как детектив? Так?

— Послушайте, — сказал я, не находя себе места. — Вы думаете, я сумасшедший, правда?

— Разумеется, нет, мистер Сибрайт, — ласково ответил он. — Ничего подобного я не думаю. Я знаю, что вы не очень здоровы, но только не сумасшедший, это вполне определенно.

Я облизал пересохшие губы.

— Вы в этом уверены?

— Что за вопрос.

Но по хитрому выражению его глубоко посаженных глаз я понял, что он лжет.

II

Хоппер сообщил мне, что в девять часов придет Блэнд выключать свет.

— Минут через пять, — уточнил он, бросив взгляд на наручные часы. — Блэнд разрешает мне носить эти часы, потому что я даю ему по сотне сигарет в неделю. Отец присылает их мне, а курить мне, разумеется, не разрешают. Они, похоже, считают, что я могу поджечь постель. — Он засмеялся, показывая мелкие и ровные белые зубы.

Смешно, право, но, я полагаю, плохого они мне не желают.

Я попытался под простынью вытащить руку из наручника. Стоит мне только освободиться, сказал я себе, как я убегу из этого дома, и меня даже пулеметом не остановишь.

— Какое сегодня число?

Хоппер открыл ящик в тумбочке и сверился по дневнику.

— Двадцать девятое июля. А вы разве не ведете дневник? Я веду. Завтра годовщина. Я здесь уже три года.

Но я уже не слушал. Мне пришлось долго и мучительно размышлять, прежде чем я вспомнил, что Морин повезла меня в место своего затворничества 24-го июля. Пять дней! Пола и Керман наверняка меня ищут. Придет ли им в голову заглянуть сюда? Даже если они и догадаются, что я здесь, как они до меня доберутся? Сэлзер под защитой Брэндона, и все, что скажет ему Керман, Брэндон пропустит мимо ушей. Если бы Шеррилл — а я не сомневался, что мужчина в алом спортивном свитере — это Шеррилл, — не был абсолютно уверен, что тут меня никто не найдет, разве бы он не продырявил мне голову пулей и не бросил бы меня в море? И вообще — почему он этого не сделал? Возможно, он не решается идти на убийство. Не убили же Стивенса. Зато Сэлзер, если только Дуэн не превысил свои полномочия, запросто идет на мокрое дело. Вероятно, подумал я, лучше быть убитым, чем до конца своих дней заживо гнить в камере с мягкими стенами.

Возьми себя в руки, Мэллой, сказал я себе. Перестань ныть! Да, тебя стукнули по башке и, судя по ощущению в глазах и во рту, изрядно накачали всякими препаратами, но это еще не повод, чтобы удариться в панику. Пола с Керманом вытащат тебя отсюда. А ты пока держись и не унывай.

Дверь беззвучно отворилась, вошел приземистый темноволосый мужчина. Его плечам позавидовала бы и горилла, а на его веснушчатом красном лице будто застыла безрадостная ухмылка. На нем был короткий белый халат, белые брюки и белые туфли на резиновой подметке. Двигался он так же бесшумно и легко, как перышко, опускающееся на пол.

— Привет, Хоппи, — бросил он, ставя поднос на стол у двери. — Пора баиньки. Как ты себя чувствуешь? Вычитал чего-нибудь в этой книжке?

Хоппер сделал жест в мою сторону.

— Теперь с нами мистер Сибрайт, — сказал он.

Блэнд — а это наверняка был он — подошел к изножью моей койки и уставился на меня. Улыбка по-прежнему не сходила с его лица, разве что стала чуть шире. Зеленоватые глаза были такими же жесткими и холодными, как кусочки наколотого льда.

— Привет, детка, — сказал он. У него оказался странный шепчущий голос, хриплый и тихий, как будто у него было что-то с гортанью. — Меня зовут Блэнд. Я буду ухаживать за тобой.

Я обнаружил, что уже хватаюсь за простыню, но тут же сдержался. Спокойно, сказал я себе. Расслабься. Не надо торопить события.

— Привет, — ответил я натянутым как фортепианная струна голосом. — Тебе не надо за мной ухаживать. Где Сэлзер? Я хочу поговорить с ним.

— Доктор Сэлзер, детка, — с упреком и расстановкой сказал Блэнд. — Зачем ты так неуважительно? — Он неторопливо подмигнул Хопперу. — Ты увидишь его завтра.

— Я хочу видеть его немедленно, — твердо заявил я.

— Завтра, детка. Доку тоже надо немного отдохнуть. Если тебе что-нибудь нужно, скажи мне. На этом этаже босс — я. Мое слово — закон.

— Мне нужен Сэлзер, — настаивал я, стараясь держать голос под контролем.

— Завтра, детка. А сейчас ложись. Я сделаю тебе укольчик, и ты заснешь.

— Он думает, что он детектив, — сказал Хоппер, вдруг помрачнев. — Говорит, что доктор Сэлзер кого-то убил.

— Весьма неуважительно, но какое это имеет значение? — сказал Блэнд, вытаскивая шприц из коробочки.

— А вот и имеет. Это уже галлюцинации, — сердито возразил Хоппер. — Так говорится в этой книге. Не понимаю, с какой стати я должен мириться с его присутствием в моей палате. Мне это не нравится. Он может оказаться опасным.

Блэнд засмеялся коротким лающим смехом.

— Смешно слышать это от тебя. Заткнись, детка, у меня уйма дел. — Он прикрутил иглу и набрал в шприц какой-то бесцветной жидкости.

— Я пожалуюсь доктору Сэлзеру, — заявил Хоппер. — Моему отцу это не понравится.

— Хрен с ним, с твоим отцом, и двойной хрен — с тобой, — в нетерпении сказал Блэнд и подошел ко мне. — Ну-ка, дай сюда руку — правую.

— Ничего у тебя не получится, — сказал я и резко сел.

— Не будь таким, детка. Это ничего тебе не даст, — сказал Блэнд, и его застывшая улыбка стала еще шире. — Ложись и не трепыхайся.

— Как бы не так, — ответил я.

Он схватил мое запястье правой рукой. Короткие толстые пальцы сжали его словно тисками.

— Хочешь по-плохому, — сказал он, приблизив свое красное веснушчатое лицо к моему, — ну что ж, я не против.

Сделав резкий поворот, я напрягся, надеясь, что освобожусь от его захвата, но лишь едва не сломал себе руку. Я изо всех сил подался вперед, пытаясь ударить его в грудь плечом, но и это не сработало.

Пальцев он не разжал и, улыбаясь мне, ждал, что я еще сделаю. Я не заставил его долго ждать и попытался высвободить ноги из-под одеяла, но это оказалось невозможно. Простыня была жесткая как брезент.

— Все, детка? — чуть ли не с радостью спросил он. — Сейчас я воткну иглу, и, если ты будешь сопротивляться, она отломится прямо в тебе, так что смотри поосторожней.

Я стиснул зубы и оттолкнулся от него, он потерял равновесие и зашатался, однако тут же овладел собой, и ухмылка исчезла с его лица.

— Ах, значит, ты думаешь, что сильный да? — прошипел он. — Ну что ж, детка, давай поглядим, насколько ты силен.

Он стал гнуть мою руку. Я сопротивлялся, но это было все равно, что бороться с паровым катком. Он был гораздо сильнее — просто невероятно сильный, и моя рука стала медленно уходить мне за спину. Пока я с ним боролся, холодный пот струился по моей спине, а дыхание со свистом вырывалось из груди.

Мне удалось отыграть пару дюймов. Блэнд и сам уже задыхался. Если бы я мог использовать свой вес, то возможно пересилил бы его. Но, поскольку я сидел в постели, и одна рука была обездвижена, противостоять его массе и силе я был не в состоянии.

Он дюйм за дюймом гнул меня вперед, а я, дюйм за дюймом, противился ему. Вскоре моя рука поднялась у меня за спиной и легла меж лопаток. И в этот момент я почувствовал резкий укол, мой мучитель отступил назад, отпустив мою руку.

У него на лице тоже выступил пот, он тяжело дышал. Не все вышло, как он хотел.

— Вот так-то, детка, — выдохнул он. — Сам напросился, вот и получил. Не будь я таким добрым, я бы сломал тебе руку.

Я попытался врезать ему сбоку, но моя рука не слушалась. Не знаю уж, что за препарат он мне ввел, но подействовало средство незамедлительно. Красное веснушчатое лицо быстро отдалилось. Стены комнаты распались и за стенами проступил длинный, темный туннель.

III

Я открыл глаза.

Сквозь зарешеченные окна лился солнечный свет, отбрасывая тень от брусьев решетки на противоположную белую стену: шесть резко очерченных линий, которые напомнили мне, что я пленник.

Блэнд с тряпкой для вытирания пыли в широкой толстой руке тихо двигался по комнате, на веснушчатом лице — сосредоточенное выражение. Работал он на совесть — от его внимания ничего не ускользало.

Хоппер сидел в постели, читая свою книгу. Он явно дулся и совершенно игнорировал Блэнда, даже когда тот протирал его тумбочку.

Блэнд подошел ко мне и протер мою тумбочку. Наши взгляды встретились, и ухмылка на его лице стала пошире.

— Привет, детка, — сказал он. — Как самочувствие?

— Нормально, — ответил я и сел в постели повыше. Правая рука и плечо у меня болели, на запястье все еще просматривался отпечаток его толстых пальцев.

— Это хорошо. Через несколько минут я принесу бритвенный прибор. Затем ты сможешь принять ванну.

Значит, с меня снимут наручник, подумал я. Блэнд, казалось, угадал мои мысли.

— И, послушай, детка, давай без фокусов. Забудь о том, что ты будто можешь удрать. Тут есть еще пара ребят вроде меня. Дверь на лестничной площадке заперта, на окнах решетки. Спроси Хоппи, он тебе скажет. Когда Хоппи впервые попал сюда, то-то были страсти. Он пытался убежать, но из этого ничего не вышло.

Я уставился на него оловянными глазами, но ничего не сказал.

— Ты спроси у Хоппи, что мы делаем с деткой, который устраивает скандал. Он тебе скажет. — Блэнд посмотрел на Хоппи, улыбаясь. — Ты ведь расскажешь ему, Хоппи, правда же?

Хоппи поднял глаза и мрачно на него посмотрел.

— Не обращайся ко мне, низкородная крыса. Мне противен сам твой вид.

Блэнд хихикнул.

— Ничего, детка. Я не против. Я к этому привык.

Хоппер обозвал его неприличным словом.

— Полегче, детка, — по-прежнему улыбаясь, сказал Блэнд. — Особенно не зарывайся. — Он направился к двери. — Бритье, ванна, затем завтрак. Я посмотрю, может, раздобуду тебе добавочное яйцо.

Хоппер сказал ему, что тот может сделать с этим яйцом.

Блэнд ушел, хихикая.

— Даже и не пытайся, Сибрайт, — сказал Хоппер. — Оно того не стоит. Тебя посадят в смирительную рубашку и несколько дней будут держать в холодной ванне. Насчет двери он не врет. Без ключа не выбраться.

Я решил подождать и осмотреться.

Немного погодя Блэнд вернулся с двумя электробритвами. Он воткнул их в розетки и дал одну Хопперу, а другую — мне.

— Поживей, детки, — сказал он. — У меня сегодня уйма работы.

— Вечно ты ворчишь, — сердито сказал Хоппер. — Я бы просил тебя уйти. Меня воротит от твоей мерзкой хари.

— Взаимно, детка, — весело ответил Блэнд. — Поживей и получше. Доктору Сэлзеру нравится видеть своих пациентов красивыми.

Значит, я увижу доктора Сэлзера. Не то чтобы я надеялся чего-то там от него добиться, но, может, удастся нагнать на него страху. Если меня сюда засунул Шеррилл, может, мне удастся убедить Сэлзера, что опасная это игра — похищать людей. Особой надежды нет, но попробовать стоит.

Когда я закончил бриться, вошел Блэнд с белым хлопковым халатом.

— Без фокусов, детка, — сказал он своим шепчущим голосом и подошел к койке, чтобы отомкнуть наручник. — Отнесись к этому спокойно.

Пока он снимал наручник, я лежал совершенно спокойно, Хоппер наблюдал за мной с сосредоточенным вниманием. Блэнд отступил на несколько футов и тоже наблюдал за мной.

— Вставай-ка, детка.

Я высвободил ноги из-под простыни, опустил их на пол и встал. Как только ноги ощутили мой вес, я тут же понял, что затевать что-нибудь было бы бесполезно, уж слишком они оказа-

лись слабыми. Вряд ли бы я убежал от нападавшего быка.

Я сделал нетвердый шаг и тут же сел на пол. На пол я мог и не садиться, но мне пришло в голову, что будет неплохо, если Блэнд подумает, будто я гораздо слабее в ногах, чем на самом деле.

Я поднялся на четвереньки, потом встал на ноги. Блэнд не шевельнулся. Он относился ко мне с подозрением, и ему не хотелось попасться в ловушку.

— Дай мне руку, не можешь, что ли? — окрысился я на него. — Или позволь лечь обратно в постель.

— Слушай, детка, я тебя предупреждаю, — мягко сказал он. — Если ты чего-нибудь учудишь, это будет последнее, что ты учудишь за долгое-долгое время.

— Перестань тявкать. Что это с тобой? Боишься меня, что ли?

Похоже, это оказался как раз тот язык, который он понимал, ибо он тут же схватил меня под руку.

— Ни тебя, детка, не боюсь, ни кого-либо другого.

Он помог мне надеть халат, открыл дверь, и мы вместе ступили в широкий длинный коридор. Сделав пару шагов, я остановился, как будто еще нетвердо держался на ногах. Эта пауза дала мне возможность посмотреть направо и налево. Один конец коридора заканчивался массивной с виду дверью, другой был запечатан высоким окном с мелкосетчатой решеткой.

— О'кей, детка, — сказал Блэнд, ухмыляясь. — Теперь, когда ты посмотрел, давай двигаться. Я же говорил тебе, как тут. Ну, а теперь ты и сам увидел.

Да, я сам увидел... Я пошел по коридору с Блэндом, в голове роились мысли. Мне необходимо было раздобыть ключ от той двери и ключ от наручника. Либо оставаться там, пока они не устанут держать меня или пока я не сгнию.

Неожиданная суматоха заставила нас остановиться: испуганный крик и тяжелый глухой удар, как будто упало что-то тяжелое. Блэнд схватил меня за руку.

Ближняя к нам дверь неожиданно распахнулась, и в коридор выскочила девушка. Сразу же бросилась в глаза ее абсолютная нагота. Она, похоже, выскочила прямо из ванны, ибо на ее белой коже блестела вода, а на худеньких руках остались тонкие кружева мыльной пены. На голове — ореол светлых кудрявых волос. На вид ей лет двадцать пять, не красивая, но интересная, и у меня даже мелькнула мысль, что в одежде она наверняка не так интересна, как без нее: фигуристая, длинноногая, высокогрудая, с кожей цвета взбитых сливок.

Я услышал, как Блэнд резко втянул в себя воздух.

— Черт побери! — еле слышно выдохнул он и прыгнул вперед, протянув к девушке толстые пальцы, в его глазах загорелось скотское вожделение. Он схватил девушку за руку. Ее крик ударился о потолок и заметался между стенами. Пальцы Блэнда соскользнули с ее намыленной руки, девушка крутанулась на месте и дунула по коридору. Бежала она с неожиданной грациозностью и со скоростью ветра.

Блэнд сделал было шаг вперед, намереваясь кинуться за ней, но передумал — деваться ей все равно было некуда. Она уже достигла массивной двери и колотила по ней кулаками.

Все это произошло в считанные секунды, и тут же из ванной вышла сестра: высокая, мощного сложения женщина, худое вытянутое лицо побелело от ярости. Она посмотрела на Блэнда и бросила:

— Уведи своего пациента. И сам убирайся, обезьяна!

— Спокойно, — сказал Блэнд, по-прежнему, не отрывая взгляда от девушки. — Ты же сама ее выпустила, старая кобыла.

— Уведи своего пациента, иначе я пожалуюсь на тебя, — в бешенстве сказала сестра.

— И пожалуешься, ты такая, — парировал Блэнд.

Он схватил меня за руку.

— Идем, детка, потеха окончена. Ты не можешь пожаловаться на жизнь в этом доме. Уход — лучше не надо, да к тому же «Фоли Бержер» за бесплатник. Чего ж тебе еще-то надо?

Он втолкнул меня в ванную комнату напротив той, из которой выбежала девушка, а сестра направилась к ней по коридору. Девушка увидела ее, и душераздирающий крик заметался по коридору. Я даже обрадовался, когда дверь ванной закрылась, приглушив звуки.

Блэнд был возбужден, глазки его светились, он то и дело облизывался.

— Вот это телка! — произнес он, ни к кому, можно сказать, не обращаясь. — За такое зрелище отдал бы недельное жалованье. Эй, ты, раздевайся и залазь в ванну. Вот повезло — сидеть тут и глазеть на тебя, когда там на выставке такая картинка.

— Перестань вести себя как ребенок, — сказал я, сбрасывая халат и пижаму. — А кто она?

— Телка-то? Да ты ее все равно не знаешь. Работала здесь одно время сиделкой. Чокнулась, когда парень бросил ее. Во всяком случае, так я слышал. Это случилось еще до того, как я начал тут работать. То, что она чокнулась из-за парня — выше моего понимания. Я бы ее обслужил в любое время, стоило бы ей только захотеть...

С совершенно бесстрастным лицом я спокойно лежал в воде. Сиделка! Не та ли пропавшая, о которой рассказывал мне Миффлин?

— Ее зовут Анона Фридлендер, так? — выпалил я.

— Откуда ты узнал? — высказал удивление Блэнд.

— Я детектив, — напыщенно сказал я.

Блэнд улыбнулся — если это можно было назвать улыбкой, — закурил сигарету и сел на табурет рядом с ванной.

— Давай, детка, работай. Забудь сейчас о детективах. Мне еще надо переделать уйму дел. — Он рассеянно уронил спичку в воду.

— А что с Хоппером? — спросил я, меняя тему разговора. — Почему он здесь?

— Хоппер еще тот больной, — сказал Блэнд и покачал головой. — На него временами такое находит, что даже я близко к нему не подхожу. А ведь и не подумаешь, глядя на него, правда? Кабы не деньги его старика, он был бы в сумасшедшем доме для преступников. Хоппер убил девушку, вырвал ей глотку зубами. Он будет здесь до конца своих дней. С ним никогда не знаешь наверняка. Когда он не в том настроении, он убийца. Сегодня в порядке, а завтра — опасен, как тигр после голодовки.

Я принялся гадать насчет Блэнда, задаваясь вопросом, нельзя ли его купить.

— Как насчет сигаретки? — спросил я. — Я бы непрочь.

— Что за вопрос, детка. Пока ты будешь вести себя, как следует, я буду относиться к тебе, как к брату. — Он вытащил пачку «Лаки Страйк», дал мне сигарету и поднес спичку. — Появившись здесь впервые, вы, ребята, начинаете выкаблучиваться. Послушайся моего совета и ничего не затевай. У нас почти на все готов ответ. Не забывай об этом.

Я затянулся. Вкус у сигареты оказался не такой хороший, как я ожидал.

— Как по-твоему, сколько вы собираетесь продержать меня здесь?

Он вытащил старый конверт, стряхнул в него пепел и положил на край ванны, чтобы и я мог воспользоваться конвертом.

— Судя по твоей истории болезни, детка, ты здесь навсегда.

Я решил, что попробую.

— А ты не хотел бы заработать сотню долларов?

— А что я должен сделать? — в маленьких глазках появилась настороженность.

— Ничего особенного. Позвонить одному моему дружку.

— И что же я скажу? — ответил он чересчур бойко и быстро. Я присмотрелся к нему. Не сработает. Его выдавала улыбка. Он играл со мной.

— Ладно, ничего, — сказал я, утопил сигарету и сунул окурок в конверт. — Забудь об этом. Давай полотенце.

Он протянул мне полотенце.

— Не становись таким, детка. Может, я и сыграю. Сотня баксов мне пригодится. Какой номер?

— Забудь об этом, — ответил я.

Он сидел, наблюдая за мной, сигарета прилипла к нижней губе.

— Может, ты бы поднял стартовую цену, — предложил он. — Ну, за пять сотен...

— Просто выкинь это из той штуки, которую ты называешь своей головой, — сказал я и надел пижаму. — На днях мы встретимся с тобой на более равных условиях. Я с нетерпением этого жду.

— Ничего, детка. Мечтай себе, мне не больно, — сказал он, открывая дверь и выглядывая. — Пошли. Мне еще надо поднимать Хоппи.

Когда я шел по коридору, из ванной напротив не доносилось ничего. Ванна пошла мне на пользу. Будь у меня возможность прорваться через ту дверь, я бы рискнул. Но я уже решил, что нужно набраться терпения. Шел я нарочито медленно, опираясь на руку Блэнда. Пусть считает меня слабаком. Я устрою ему сюрприз, когда дойдет до дела.

Я лег в постель и покорно позволил ему защелкнуть наручник.

Хоппер заявил, что ему ванна не нужна.

— Ну, детка, так себя не ведут, — с упреком сказал Блэнд. — Сегодня утром тебе полагается выглядеть красивым. В одиннадцать у нас официальный визит. Поговорить с тобой придет коронер Лессуэйз. — Он бросил взгляд на меня и улыбнулся. — Он и с тобой поговорит. Члены муниципалитета каждый месяц приходят поглядеть на чокнутых. И не то чтобы они особенно прислушивались к тому, что говорят им чокнутые, а вот приходят и иногда даже слушают. Только не вздумай попотчевать их своей историей об убийстве, детка. Все это они уже не раз слышали. Ты для них всего лишь еще один чокнутый, наряду с множеством других, и проку от этого тебе не будет.

Он убедил Хоппера встать, и они вместе ушли в ванную. Меня оставили одного. Я лежал, уставившись на стену, и пытался пошевелить мозгами. Значит, придет коронер Лессуэйз. Ну, это уже коечто. По словам Блэнда, особого толку в том, что я обвиню доктора Сэлзера в убийстве Юдоры Дрю, не будет. Мое заявление покажется слишком притянутым за уши, зато я подброшу ему информацию для размышлений. Впервые с тех пор, как я оказался в этой ловушке, я ощутил некоторую надежду.

Я вдруг поднял глаза и увидел, что дверь медленно отворилась, однако в поле зрения никто не показался. Дверь отворилась и осталась открытой. Я подался вперед, чтобы выглянуть в пустой коридор, решив было, что дверь открыл ветер, но вспомнил, что, когда Блэнд и Хоппер вышли из комнаты, защелка щелкнула.

Я ждал, уставившись на открытую дверь и прислушиваясь. Ничего не последовало. Я ничего не слышал, а поскольку знал, что дверь кто-то открыл, меня вдруг охватил какой-то подспудный страх.

Прошла, как мне показалось, целая вечность, прежде чем я вдруг услышал шуршание бумаги. В абсолютной тишине оно прозвучало как удар грома. Затем увидел движение, и в комнату вошла женщина.

Она остановилась в дверях, в одной руке бумажный мешок, в глазах отсутствующее выражение. Женщина смотрела на меня, как на пустое место, а ее рука шарила в мешке. Да, это была она, как пить дать: та самая пожирающая сливы женщина, более того, она их и сейчас ела!

Мы долго смотрели друг на друга. Челюсть у нее медленно и ритмично двигалась, пока во рту обрабатывалась слива. Женщина казалась такой же бодрой и счастливой, как корова, жующая жвачку.

— Привет, — сказал я и пришел в раздражение от того, что мой голос прозвучал хрипло.

Ее толстые пальцы бросились в погоню за новой сливой, отыскали одну и извлекли ее на свет.

— Вы мистер Мэллой, нет? — сказала она столь же вежливо, как жена священника, встречающая нового члена конгрегации.

— Совершенно верно, — ответил я. — В прошлый раз мы не успели перейти на дружескую ногу. А кто вы?

Она пожевала, выплюнула косточку в ладошку, а затем переправила ее в бумажный мешочек.

— Миссис Сэлзер, кто же еще, — сказала она. Я бы и сам мог об этом догадаться. Она просто не могла быть кем-то еще.

— Не хочу касаться личных вопросов, — сказал я, — но вам нравится ваш муж, миссис Сэлзер?

Отсутствующий взгляд сменился выражением удивления, которое, в свою очередь, уступило место уязвленной гордости.

— Доктор Сэлзер весьма тонкий человек. Другого такого во всем мире нет, — заявила она, выпятив мягкий круглый подбородок.

— Жаль. Вы будете скучать по нему. Даже в наших просвещенных тюрьмах по-прежнему отделяют жен от мужей.

Туманное выражение снова вернулось.

— Не понимаю, что вы такое говорите.

— А следовало бы. Если вашего мужа не посадят в газовую камеру, ему дадут двадцать лет. Такая уж мера за похищение и убийство.

— Какое еще убийство?

— По указанию вашего мужа была убита некая Юдора Дрю. Меня похитили, а напротив, через коридор, находится одна девушка, которую, я полагаю, тоже похитили, — Анона Фридлендер. Да еще сиделка Гэрни.

На толстом лице женщины заиграла лукавая усмешка.

— Он к этому не имеет никакого отношения. Он считает, что мисс Фридлендер — одна моя подруга, которая потеряла память.

— И, я полагаю, он считает, что и я ваш друг? — съязвил я.

— Ну, не то чтобы друг, но друг одного моего друга.

— А как же Юдора Дрю?

Миссис Сэлзер пожала плечами.

— Тут вышла незадача. Она требовала денег. Я послала Бенни урезонить ее, ну, а он слишком погорячился.

Я почесал подбородок ногтем большого пальца и уставился на нее. Я скорее почувствовал, нежели поверил, что она говорит правду.

— А где сиделка Гэрни? — спросил я.

— О, с ней произошел несчастный случай, — сказала миссис Сэлзер и снова заглянула в мешок. Она вытащила сливу и предложила ее мне. — Попробуете? Очень полезны, когда лежишь в постели.

— Нет. Забудем о сливах. Что с ней случилось?

— О, она поскользнулась, когда спускалась по пожарной лестнице. Я засунула ее в машину, но она, по-моему, сломала шею. Не знаю, почему, но она, похоже, очень боялась меня.

Я сказал с огромным напряжением в голосе:

— Что вы с ней сделали?

— Оставила в каких-то кустах на песке. — Она отправила в рот очередную сливу, сделала неопределенный жест в сторону окна. — Где-то там, в пустыне. А что я еще могла сделать?

Я пробежал пальцами по волосам. Либо она сумасшедшая, либо я.

— Это вы позаботились о том, чтобы я попал сюда?

— О да, — сказала она, прислоняясь к притолоке. — Видите ли, доктор Сэлзер не разбирается в медицине и в душевных болезнях, зато я разбираюсь. У меня когда-то была большая практика, потом что-то произошло. Не помню уж, что именно. Доктор Сэлзер купил это заведение для меня. Он делает вид, будто всем тут заправляет, но фактически вся работа лежит на мне. Он всего лишь номинальная фигура.

— Да нет, — не согласился я. — Он подписал свидетельство о смерти Макдоналда Кросби. Он не имел на это право. У него нет диплома.

— Вы ошибаетесь, — спокойно сказала она. — Свидетельство подписала я — так уж вышло, что у нас одинаковые инициалы.

— Но он лечил Джэнет Кросби от злокачественного эндокардита, — сказал я. — Так мне заявил доктор Бьюли.

— Доктор Бьюли ошибся. Когда девушка умерла, доктор Сэлзер случайно оказался в доме Кросби, выполняя одно мое поручение. Он сказал доктору Бьюли, что лечила ее я. Доктор Бьюли старый человек, да и глуховат. Он не так понял.

— Зачем же его вообще позвали? — спросил я. — Коли вы ее пользовали, то почему же сами не подписали свидетельство?

— Я в это время была в отъезде. Мой муж правильно поступил, что позвал доктора Бьюли. Он всегда делает то, что надо.

— Прекрасно, — сказал я. — Тогда ему лучше выпустить меня отсюда.

— Он считает, что вы опасны, — произнесла миссис Сэлзер и снова заглянула в мешок. — И это так, мистер Мэллой. Вы слишком много знаете. Мне жаль вас, но, право же, вам не следовало встревать в это дело. Она подняла глаза и как-то глупо улыбнулась. — Боюсь, вам придется остаться здесь, и очень скоро вы тронетесь рассудком. Видите ли, люди, которых постоянно накачивают лекарствами, зачастую становятся слабоумными. Вы это заметили?

— И это произойдет со мной?

Она кивнула.

— Боюсь, что да. Но я не хотела, чтобы вы плохо думали о докторе Сэлзере. Он такой тонкий человек. Вот почему я вам столько нарассказывала. Право, даже больше, чем следовало бы, но это неважно. Все равно вы отсюда не выберетесь.

Она начала уже тихо отчаливать, но я, подавшись вперед, воскликнул:

— Эй!.. Не уходите! Сколько Морин Кросби платит вам, чтобы держать меня здесь?

Ее пустые глаза слегка расширились.

— Но она об этом даже не знает, — сказала она. — К ней это не имеет никакого отношения. А я-то думала, вам все известно. — И она ушла, как привидение, уставшее после долгого и утомительного сеанса.

IV

После ванной настроение у Хоппера улучшилось, и за завтраком я спросил его, пытался ли он когда-нибудь убежать.

— А мне некуда бежать, — сказал он, пожимая плечами. — Кроме того, у меня на лодыжке наручник, который прикреплен к койке. Не будь койка привинчена к полу, я бы, может, и попытался.

— При чем тут койка? — спросил я, намазывая мармелад на тонкий тост. Сделать это одной рукой было нелегко.

— Запасной ключ от наручника хранится вон в том ящике, — объяснил он, указывая на комод, стоявший у противоположной стены. — Его держат там на случай пожара. Если бы мне удалось подвинуть койку, то мог бы до него добраться.

Я чуть на стену не полез.

— Что?! Вон в том ящике?

— Совершенно верно. Знать об этом никому не полагается, но я видел, как Блэнд однажды вытаскивал его оттуда, когда потерял свой ключ.

Я прикинул расстояние между изножьем моей кровати и комодом. От меня до него было ближе, чем от Хоппера. Мне казалось, будь я прицеплен за лодыжку, я бы смог до него дотянуться. Но в данном положении об этом не может быть и речи.

— А почему тебя прихватили за ногу, а меня — за руку? — спросил я.

— Сначала меня тоже прицепили за запястье, — безразлично сказал Хоппер и оттолкнул свой поднос. — Но я обнаружил, что мне неудобно читать, и Блэнд пошел мне навстречу. Если ты попросишь, он и тебе поменяет. Ты не возражаешь, если мы больше не будем говорить, а? Очень хочется еще почитать эту книгу.

Нет, я не возражал. Я совершенно не возражал. Я был в возбуждении. Если бы мне удалось убедить Блэнда высвободить мне запястье, я мог бы дотянуться до ключа. Эта мысль не давала мне покоя весь следующий час.

Около одиннадцати пришел Блэнд с огромной вазой гладиолусов. Он поставил ее на комод и отступил назад, чтобы полюбоваться цветами.

— Красиво, а? — произнес он, так весь и сияя. — Это для членов муниципалитета. Прямо смешно, как эти ребята тают при виде цветов. Те, что приходили в прошлый раз, даже и на пациентов ни разу не взглянули. Они только и делали, что стояли кружком и трепались о цветах.

Он унес подносы из-под завтрака и почти тут же вернулся. Критически нас осмотрел, поправил простыню Хоппера, потом подошел ко мне и поправил подушку.

— Теперь замрите, — сказал он. — Ради Христа, не испортите вид. Разве у тебя нет книги? — спросил он меня.

— А ты мне ее не давал.

— Непременно должна быть книга. Это еще один пунктик у этих подонков. Им нравится, когда пациент читает.

Он выскочил из комнаты и вернулся с тяжеленным томом, который бросил мне на колени.

— Читай, детка. Когда они уйдут, я подыщу тебе что-нибудь поинтересней.

— Как же переворачивать страницы, когда у меня свободна только одна рука? — спросил я, глянув на книгу. Она называлась «Гинекология для преуспевших студентов».

— Рад, что ты напомнил мне, детка. — Он вытащил свой ключ. — Наручники мы спрячем. Эти ублюдки слишком нежные.

Я смотрел, как он переставляет наручник на лодыжку, едва веря в свою удачу. Весьма знаменательное событие в моей жизни.

— О'кей, детка, смотри только, веди себя как следует, — продолжал он, снова поправляя постельное белье. — Если тебя спросят, как тебе тут, скажи, что уход за тобой хороший. И давай не будем огрызаться. Все равно они не поверят ни одному твоему слову, а после того, как уйдут, тебе придется иметь дело со мной.

Я открыл книгу. При виде первой же картинки, я невольно заморгал.

— Не знаю, право, достаточно ли я взрослый, чтобы смотреть на такое, — сказал я и показал Блэнду картинку.

Он вытаращился на нее, резко втянул в себя воздух, выхватил у меня книгу и с открытым ртом уставился на заглавие.

— Это же надо! Вон, значит, что это такое! — Он опрометью выскочил из комнаты и, запыхавшись, вернулся с экземпляром «Ада» Данте с параллельным переводным текстом. Я пожалел, что не придержал язык.

— Это произведет на них впечатление, — с удовольствием сказал Блэнд.

В самом начале двенадцатого из коридора через полуоткрытую дверь донесся гул голосов.

Блэнд, стоявший у окна, поправил свой халат и пригладил волосы.

Хоппер нахмурился и закрыл книгу.

— Идут.

В комнату вошли четыре человека. Первый, конечно, был доктор Сэлзер, самый видный из четырех: высокий мужчина с копной волос, как у Падеревского*, и белых, как снег. Холодные суровые черты загорелого лица, задумчивые, глубоко посаженные глаза. Ему было под шестьдесят, корпус он держал прямо, как кадет на параде. В визитке и полосатых брюках, безупречен, как манекен у портного. Руки его, очень красивые, узкие, с длинными и тонкими пальцами: руки хирурга или руки убийцы — они были хороши в обоих случаях.

Следом за ним вошел коронер Лессуэйз. Я узнал его по фотографиям, которые видел в газетах: низкого роста, крепко сбитый мужчина с мячеподобной головой, маленькими глазками и мерзким ртом. Его внешность полностью соответствовала его натуре, стряпчего по темным делам, который всю жизнь только тем и занимался, что жульничал.

Его спутник был из той же породы, дородный пройдоха.

Четвертый задержался за дверью, будто в нерешительности, входить или нет. Я даже не удо-

---

* И.Я. Падеревский (1860—1941) — польский пианист, композитор и государственный деятель.

сужился взглянуть в его сторону. Моим вниманием завладел Сэлзер.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал Сэлзер глубоким сочным голосом. — Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо. Проведать вас пришли коронер Лессуэйз, член муниципалитета Линкхаймер и мистер Стрэнг, автор известных книг. Они пришли задать вам несколько вопросов. — Он взглянул на Лессуэйза. — Вы не хотите перемолвиться словечком с мистером Хоппером?

Пока Лессуэйз по-совиному смотрел на Хоппера, я повернулся, чтобы взглянуть на четвертого мужчину, которого Сэлзер назвал Стрэнгом.

На мгновение мне показалось, что я и впрямь спятил, ибо в дверях с равнодушным выражением скуки на лице стоял Джек Керман. На нем был тропический белый костюм, очки в роговой оправе, а из нагрудного кармана, в лучших традициях денди, торчал красно-желтый носовой платок.

Я вздрогнул и чуть не перевернул койку. К счастью, Сэлзер был занят моей медицинской картой и ничего не заметил. Керман посмотрел на меня оловянными глазами, поднял бровь и спросил Сэлзера:

— Кто этот человек, доктор? Он выглядит довольно здоровым.

— Это Эдмунд Сибрайт, — ответил ему Сэлзер. Его холодное лицо осветилось улыбкой, он очень напомнил мне Санта Клауса, который сейчас одарит хорошего мальчика игрушкой. — Он у нас совсем недавно. — Сэлзер протянул медицинскую карту Керману. — Хотите взглянуть? Она говорит сама за себя.

Керман поправил очки в роговой оправе и прищурился на карту. У меня создалось впечатление, что он не очень хорошо в них видит, — зная его, я догадался, что он просто у кого-то их позаимствовал.

— О да, — сказал он, складывая губы трубочкой. — Интересно. Я полагаю, мне можно поговорить с ним?

— Да, разумеется, — сказал Сэлзер и подошел к моей койке.

Керман присоединился к нему, и они оба уставились на меня. Я в ответ уставился на них, сосредоточив взгляд на Сэлзере, так как знал, что, если посмотрю на Кермана, то, возможно, его выдам.

— Это мистер Стрэнг, — представил его мне Сэлзер. — Пишет книги о нервных болезнях. — Он улыбнулся Керману. — Мистер Сибрайт воображает себя знаменитым детективом. Так ведь, мистер Сибрайт?

— Конечно, — сказал я. — Я и есть детектив. Я обнаружил, что Анона Фридлендер находится здесь, на этом самом этаже, и что сиделка Гэрни мертва, а ее тело ваша жена спрятала где-то в пустыне. Ну как, нравится?

Добрая грустная улыбка Сэлзера так и обволокла Кермана.

— Как видите, полностью соответствует типу, — пробормотал он. — Обе женщины, о которых он упоминает, исчезли: одна около двух лет назад, другая — совсем недавно. Об этом сообщалось в газетах. По какой-то непонятной причине эти два дела не дают покоя его рассудку.

— Совершенно верно, — серьезно сказал Керман. Он рассматривал меня, и его глаза за толстыми стеклами, казалось, прищурились.

— Есть и еще одно, что вам, вероятно, следует знать. На ноге у меня браслет.

Лессуэйз с Линкхаймером присоединились к Сэлзеру и вытаращились на меня.

Керман лениво поднял брови.

— Это правда? — спросил он Сэлзера.

Сэлзер склонил голову набок. Его улыбка была адресована всему страждущему человечеству.

— Иногда он немного шумит, — с сожалением сказал он. — Вы понимаете?

— Совершенно верно, — ответил Керман и напустил на себя страдальческий вид. Он так хорошо играл, что мне прямо захотелось пнуть его от зависти свободной ногой.

Блэнд отошел от окна и стал у моего изголовья.

— Спокойно, детка, не волнуйся, — мягко сказал он.

— Мне здесь не нравится, — произнес я, обращаясь к Лессуэйзу. — Я протестую против того, чтобы меня каждый вечер накачивали лекарствами. Мне не нравится запертая дверь в конце коридора, как не нравится и зарешеченное окно в другом конце коридора. Это не санаторий. Это тюрьма.

— Дорогой мой, — плавно заговорил Сэлзер, прежде чем Лессуэйз успел подумать, что бы такое сказать, — вот выздоровеете и поедете домой. Разве бы мы вас здесь держали, если бы в этом не было нужды?

Уголком глаза я заметил, что Блэнд медленно сжал кулак, как бы предупреждал меня, чтобы я был поосторожней с тем, что скажу. Сказать я мог много чего, но теперь, когда Керман знал, что я здесь, я решил не рисковать.

— Ну, пойдемте дальше, — сказал Лессуэйз. — Здесь довольно хорошо. — Он одарил Кермана ослепительной улыбкой. — Вы увидели все, что хотели, мистер Стрэнг? Только не позволяйте нам торопить вас.

— О да, — лениво ответил Керман. — Если доктор Сэлзер не возражает, я, возможно, загляну сюда снова.

— Боюсь, это было бы против правил, — сказал Сэлзер. — От частых визитов наши друзья могут возбудиться. Я уверен, вы меня поймете.

Керман задумчиво посмотрел на меня.

— Вы совершенно правы. Я об этом как-то не подумал, — сказал он и направился к двери.

Последовал торжественный уход, последним следовал Сэлзер.

Я услышал, как Керман сказал:

— На этом этаже никого больше нет?

— В данный момент — никого, — ответил Сэлзер. — У нас в последнее время исцелилось несколько человек. Может, хотите взглянуть на их карты?

Голоса удалились, и Блэнд закрыл дверь. Он улыбнулся мне.

— Не сработало, а, детка? Я ж тебе говорил: всего лишь еще один чокнутый среди множества других таких же.

Нелегко было казаться разочарованным, но мие каким-то образом это удалось.

V

Сэлзер говорил правду, когда заявил, будто посетители возбуждают его пациеитов. Воздействие на Хоппера было явным, хотя признаки взрыва проявились в нем только после того, как Блэнд принес подносы с ланчем.

После ухода Сэлзера с визитерами Хоппер лежал иеподвижно, мрачно нахмурившись и вперив взор в потолок. Ои оставался таким до ланча и совершенно не обращал внимания на все мои замечания, поэтому я решил к иему не приставать. Все равио мне надо было миогое обдумать, н я мог обойтись и без его общества. Но когда Блэнд поставил поднос на тумбочку, Хоппер вдруг сделал резкий выпад, от которого поднос пролетел через всю комнату и с треском упал на пол.

Он сел в постели, и при виде его все мое тело покрылось гусиной кожей. Он так изменился в лице, что я едва его узнал. В его глазах появился свирепый затравленный взгляд, какой мы видим в глазах диких зверей в зоопарке. Блэнд проворно увериулся от него — его прыжок напомнил мне прыжок лягушки.

— Спокойно, детка, — сказал Блэнд больше в силу привычки, нежели желая что-то этим выразить.

Хоппер скорчился в постели и уставился на него, будто желая, чтобы тот подошел поближе, но Блэнда было не искусить.

— Уж такой я невезучий, — с яростью сказал он. — Ему иепременио надо все изгадить, как раз когда я сменяюсь.

Он терпеливо убирал разбитую посуду и остатки еды, складывая кусочки на поднос. К тому времени, как Блэнд закончил, он, похоже, решил не обращать на Хоппера внимания, а тот, с блеском в глазах, продолжал наблюдать за иим.

— Я ухожу, поимаешь? — сказал ои мне. — У меия свидаиие, и я не собираюсь его пропустить. С тобой иичего не случится. Дотянуться до тебя он не в состоянии, да и потом, возможно, это у него пройдет. Иногда проходит. Если он начнет лезть на стену, позвони. Дежурит Куэлл, только без надобности не звони, о'кей?

— Ну, не знаю, — с сомнеинем сказал я. Вид Хоппера мне очень ие нравился. — Как долго я буду один?

— Куэлл будет часто заглядывать. Меия ты не увидишь до завтра, — нетерпеливо сказал Блэнд. — Если я не умотаю сейчас, Сэлзер заставит меня остаться и следить за ублюдком. Я единственный, кто может что-то с ним сделать.

Мне пришла в голову одна идея. Мне, конечно, не нравилось оставаться с Хоппером один на один. Меня трусило от одного его вида, зато в отсутствие Блэнда я мог добраться до ключа от браслета и начать действовать.

— Ну, разве что так, — сказал я, откидываясь на подушку. — Но я бы уж лучше пошел с тобой. Что ты на это скажешь?

Он ухмыльиулся.

— Моя кобылка и так заводится с пол-оборота, так что обойдемся как-нибудь без тебя.

Ои унес пропавшую еду Хоппера, а я попробовал было поесть, ио от тяжелого дыхания Хоппера, от его свирепого взгляда, направленного на противоположную стену, и от неспокойного лица меня выворачивало наизнанку. После двух-трех попыток запихать в себя пищу, я оттолкнул поднос. Больше всего на свете мне хотелось закурить.

Блэнд вернулся немного погодя. Он переоделся и теперь выглядел таким щеголеватым, что я едва его узнал. При виде его разрисованного от руки галстука я чуть не стал дальтоником.

— Что случилось? — сказал ои, глядя на мой поднос. — Думаешь, там отрава?

— Просто ие голодеи.

Он бросил взгляд иа Хоппера, который опять весь подобрался в постели и вызверился на Блэнда.

— Ну, все равно не испортит мне удовольствие, — сказал Блэнд с улыбкой. — Ты только спокойно, детка. Не расстраивайся.

— Мие нужно покурить, — сказал я, — н если у меня ие будет сигарет, я подиму тревогу, еще ие успеешь ты выйти из дома.

— Сигарет тебе не положено, — сказал Блэнд. — Вам, чокнутым, нельзя оставлять спички.

— Мие ие нужны спички, мне иужны сигареты. Прикури одну для меня н оставь еще парочку. Я буду курить их одну за другой. Если я ие покурю, я тоже обезумею. Ты же ие хочешь, чтобы мы оба висели на тебе, правда?

Он неохотно расстался с сигаретами, прикурил одну для меня и бочком иаправился к двери.

— Передай Куэллу, чтоб держался от него подальше, сказал он уже от двери. — Может, когда я уйду, он утихомирится. Что бы ои ни делал, ие звони в звонок пять минут. Дай мне время смотать удочки.

Хоппер вдруг рваиулся к нему, ио лишь слегка потревожил воздух вокруг Блэнда. Однако уже то, как Блэнд выскочил в коридор, подсказало мне, что ои боится Хоппера. Боялся его и я.

Вероятно, этот день оказался самым долгим в моей жизни. Попытаться добраться до ключа от браслета в ящике комода я не смел — ведь я не знал, когда Куэллу вздумается заявиться, да и Хоппер представлял для меня проблему. Я не зиал, как он себя поведет, если я встану с кроватн. Я лишь понимал, что это у меня единственная возможность добраться до ключа, и, если я ее испорчу, другой у меня ие будет. Я решил предпринять попытку иочью, когда Хоппер уснет, а Куэлл тоже будет в постели. Это означало, что мне каким-то образом надо было избежать укола, а я н понятия не имел, как это сделать.

Сразу же после ухода Блэнда Хоппер успокоился. На меня он ие обращал внимания и лежал, уставившись на противоположную стену, что-то бормоча себе под иос и расчесывая пятерней густые светлые волосы.

Я старался не сделать неосторожного движения, чтобы не привлечь его внимания, лежал и курил, а когда мне удалось-таки забыть о нем, я подумал, чем сейчас занимается Керман.

Как ему удалось убедить Лессуэйза, что он автор книг по душевным болезням, было выше моего понимания, и я подозревал, что тут не обошлось без Полы. По крайней мере, теперь они знают обстановку. Они знают, что Анона Фрндлендер в здании. Знают о дверн в конце корндора, о решетке на окне. Прежде чем выручить меня, им придется преодолеть одно нз этих препятствий; а в том, что они прндут мне на помощь, я не сомневался. Проблема заключалась лишь в том, как они это сделают.

Примерно в половине пятого дверь толкнули, н вошел, неся подносы для чая, молодой парень в такой же белой уннформе, как и у Блэнда. Он был хилого телосложения, тощий н долговязый. Его худое продолговатое лицо нмело серьезное сосредоточенное выражение: нн дать нн взять лошадь, участвующая в забеге. Да н во всем его облике было много лошадиного, напрнмер, отвисшая нижняя губа и огромные зубы. Я бы нисколько не удивился, еслн бы он вдруг заржал на меня. Но он этого не сделал, а улыбнулся мне.

— Меня зовут Куэлл, — сказал он, ставя поднос на тумбочку. — Вы мнстер Снбрайт, так ведь?

— Нет, — ответил я. — Я — Шерлок Холмс. И на вашем месте я бы не подходил к Уотсону. Настроенне у него препаршивейшее.

Он окинул меня долгим, встревоженным взглядом. По выраженню его лица я догадался, что прн сумасшедших он недавно.

— Но это же мистер Хоппер, — терпеливо, будто обращаясь к младенцу, сказал он.

Хоппер уже сидел в постелн, сжимая н разжимая кулаки н сердито глядя на Куэлла.

У Куэлла хватило ума понять, что Хоппер не в настроенин играть в ладушки. Он разглядывал Хоппера, как, вероятно, человек мог бы разглядывать тигра, который неожнданно появился у него в гостиной.

— По-моему, мнстер Хоппер не хочет, чтобы к нему приставали с чаем, — сказал я. — И на вашем месте я бы до возвращения Блэнда держался от него подальше.

— Вряд ли это получится, — с сомнением сказал Куэлл. — Доктора Сэлзера нет, а Блэнд не вернется раньше полуночн. Ему, право, не следовало бы уходить.

— Теперь уже слишком поздно из-за этого переживать, — заметил я. — Растворись, браток. Отряхни прах со своих ног. А если бы ты принес мне на ужин немного виски, я был бы тебе очень прнзнателен.

— Боюсь, пациентам не положено спнртного, — серьезно сказал он, не отрывая глаз от Хоппера.

— Тогда выпей немного сам н прнди н подыши на меня, — сказал я. — Даже это лучше, чем ничего.

Он ответил, что к спнртному не прнкасается, н ушел озадаченный, с выражением страха на лице.

Хоппер уставился на меня, и под неотрывным взглядом этих вызвернвшихся глаз мне стало не по себе. Я надеялся, что наручннк у него на ноге достаточно крепок н выдержнт его напор, если ему вдруг придет в голову попытаться вырваться.

— Я все думал, Хоппи, — заговорил я, пронзнося слова медленно н четко. — Что надо сделать, так это перерезать глотку этому ублюдку Блэнду и выпить его кровь.

— Да, — ответил Хоппер, н звериный блеск в его глазах стал слабеть. — Мы это сделаем.

Я подумал, безопасно ли попытаться достать ключ прямо сейчас, но решил воздержаться. Я не был уверен в брате Куэлле. Застань он меня за этим делом, его н без того мрачная молодая жизнь омрачилась бы еще больше.

— Я составлю план, — пообещал я Хопперу. — Блэнд очень хитрый. Заманнть его будет нелегко.

Хоппер, казалось, успокоился, лнцо у него перестало дергаться.

— Я тоже разработаю план, — сказал он.

Остаток вечера он разрабатывал свой план, а я думал о том, что буду делать, если избавлюсь от браслета. Казалось невероятным, что я смогу выбраться нз дома, но даже еслн бы я смог отыскать Анону Фрндлендер н предупредить ее, что скоро ее спасут, мое время не пропало бы напрасно. К тому же, когда появнтся Керман, — а я был уверен, что он появнтся, — нам не пришлось бы терять время на ее поискн.

Иногда заглядывал Куэлл. Он всего лишь просовывал голову в дверь, но Хоппер был слишком занят своимн планамн и не замечал его. Каждый раз прн появленин Куэлла я делал ему знак не шуметь, указывая на Хоппера. Куэлл кнвал в ответ, еще больше, чем когда-лнбо, смахивая на лошадь, н молча уходил.

Часов в восемь он принес мне поднос с ужином, затем прошел к койке Хоппера н улыбнулся ему.

— Не хотнте ли чего-нибудь поесть, мнстер Хоппер? — подлещнваясь, спросил он.

От реакции Хоппера я вздрогнул, а Куэлла чуть удар не хватил. Хоппер стрелой метнулся к нзножью кровати, его руки, казалось, растянулнсь, как будто они из эластика, а скрюченные пальцы зацепилн за белый пнджак Куэлла. Куэлл отскочил назад, споткнулся н чуть не упал. Лицо у него стало цвета замазки.

— Не думаю, что мнстер Хоппер хочет есть, — заметил я. Кусок цыпленка, который я жевал, стал вдруг безвкусным. — Да н мне, пожалуй, не хочется.

Но мон чувства Куэлла не интересовали. Он выскочил нз палаты, хлопнула дверь.

Хоппер отбросил простыню н метнулся за ннм, но тут же прнземлился на пол н закрнчал. Он посумасшедшему задергал цепь, прнчиняя страшную боль ноге. Затем, когда до него дошло, что ему не освободиться, он вскочил на койку н начал тянуть за цепочку наручннка, а я так н замер, наблюдая за ним. Цепочка казалась мне уж очень слабой. При мысли, что этот сумасшедший может вырваться на свободу, у меня мороз побежал по спине. Моя рука потянулась к звонку и замерла над ним.

Он уже держал цепочку обеимн рукамн н, упершись ногамн в поперечину койки, нзо всех сил тащил на себя. Его лицо побагровело от напряжения. Перекладина согнулась, но выдержала.

Наконец, он тяжело дыша упал на спину, и я понял, что опасность миновала. Я был мокрый как мышь. Таких страшных минут я еще сроду не испытывал.

Хоппер лежал неподвижно, а я ждал, наблюдая за ним. Немного погодя, он, к моему удивлению, захрапел.

Тут в комнату вошел Куэлл, неся смирительную рубашку. Лицо у него было бледное, но решительное.

— Не волнуйся, — сказал я дрожащим голосом. — Он уснул. Ты лучше взгляни-ка на его браслет. Я думал, он вырвется.

— Это бы ему не удалось, — произнес Куэлл, бросая смирительную рубашку. — Цепочка изготовлена на заказ. — Он подошел поближе и посмотрел на Хоппера. — Пожалуй, я сделаю ему укол.

— Не будь дураком, — резко сказал я. — Блэйд не велел тебе и близко к нему подходить.

— Да, но ему нужен укол, — ответил Куэлл. — Если у него будет еще один приступ, это может плохо для него кончиться. Мой долг помочь ему.

— К чертям твой долг, — в нетерпении сказал я. — С этим парнем нужно обращаться не менее осторожно, чем с бомбой. Не трогай его.

Куэлл подкрался к койке и стоял, глядя на Хоппера. Потом принялся поправлять простыни. Я наблюдал за ним, затаив дыхание, не зная, притворяется Хоппер или спит. Не знал я также, дурак Куэлл или просто очень смелый. Ведь, чтобы подойти так близко к этому сумасшедшему, как подошел он, нужно было либо быть круглым идиотом, либо иметь стальные нервы.

Подоткнув простыню, Куэлл отошел от койки. Я заметил бисеринки пота у него на лбу. Нет, он не дурак, решил я. Значит, смелый. Будь у меня медаль, я бы тут же его наградил ею.

— Похоже, он в норме, — сказал Куэлл уже бодрее. — Сделаю ему укол. Если он хорошо поспит, завтра утром будет в полном порядке.

Это меня устраивало, и, тем не менее, я тревожился. Сколько бы медалей или денег мне ни посулили, я бы не осмелился близко подойти к спящему Хопперу.

— Ты рискуешь, — сказал я. — Игла его разбудит. Если он вцепится в тебя, считай, что ты жмурик.

Куэлл повернулся и озадаченно посмотрел на меня.

— Я вас совершенно не понимаю, — сказал он. — Вы ведете себя не как больной.

— А я и не больной, — возвышенно заявил я. — Я Шерлок Холмс — помнишь?

Он снова погрустнел и вышел из палаты. Я бросил взгляд на Хоппера — тот по-прежнему храпел.

Куэлл вернулся минут через десять, хотя мне они показались часами. Он нес поднос, накрытый полотенцем.

— Послушай, — сказал я, садясь в постели. — Может, снимешь с меня браслет? Тогда, если будет беда, я смогу помочь тебе. Ты мне кажешься благоразумным парнем. Если он проснется и вцепится в тебя, я могу стукнуть его по голове.

Он серьезно, как лошадь, проверяющая сомнительную суму с овсом, посмотрел на меня.

— Я не могу этого сделать, — сказал он. — Это было бы нарушением инструкции.

Ну, я сделал все, что мог. Шар сейчас был в его углу, решать ему.

— О'кей, — сказал я, пожимая плечами. — Во всяком случае, я буду за тебя молиться.

Он наполнил шприц и приблизился к Хопперу. Я смотрел, чувствуя, как у меня волосы встают дыбом, а сердце бешено колотится.

Куэлл немного потрухивал, но его серьезное лошадиное лицо было спокойным. Он осторожно поднял повыше рукав пижамы Хоппера и вскинул шприц. Наблюдать за ним было все равно, что наблюдать за человеком, ковыряющемся во взрывателе бомбы замедленного действия. Мне оставалось только переживать за него. Я весь покрылся потом: мне хотелось сказать ему, чтобы он поторопился заради Христа, не стоял там, как манекен, а поскорее кончал с этим делом.

Куэлл был несколько близорук и никак не мог отыскать нужную вену. Пока вглядывался через стекла очков в белую жилистую руку, его голова все ближе и ближе наклонялась к Хопперу. Казалось, он озабочен только тем, как бы получше провести эту операцию. Его лицо было всего в футе от лица Хоппера, когда он кивнул — словно подтверждая, что нашел вену.

Я уже не дышал. Мои руки сжимали простыню. Когда Куэлл уже собирался воткнуть иглу, он вдруг с восклицанием отступил назад и прошел к подносу, который оставил на комоде.

Дыхание вырвалось из моих пересохших губ, когда я нервно сказал:

— Что там, черт побери, еще такое?

— Я забыл об эфире, — произнес он. — Как глупо с моей стороны. Прежде чем сделать укол, нужно протереть кожу.

Когда Куэлл помазал эфиром руку Хоппера, тот слегка пошевелился. В нервном предвкушении я приподнялся с постели. Куэлл снова начал эти ужасные поиски вены, рука у него дрожала.

Его склоненная голова находилась в футе от головы Хоппера, взгляд сосредоточился на коже руки.

Хоппер вдруг открыл глаза. Куэлл был слишком занят и не заметил этого.

— Осторожно! — прокаркал я.

Когда Куэлл со сдавленным криком поднял глаза, Хоппер с проворством змеи схватил его за горло.

VI

В одном неистовом движении я сбросил с ног тяжелую простыню и выбросился из постели. Мне пришла в голову сумасшедшая идея, что сила моего рывка оторвет койку от пола, и я протащу ее по полу и доберусь до Хоппера. Но койка устояла, а я лишь вышиб из себя дух.

Дикий крик Куэлла ударился о потолок, отскочил от него и шрапнелью посыпался на меня. Он закричал снова, после чего уже его крик перешел

в булькающий хрип, от которого кровь стыла в жилах — это руки Хоппера перекрыли ему воздух.

Я не смотрел на них — я просто боялся этого. С меня хватало уже и звуков борьбы. Я вскочил на кровати, скользнул к изножью, перекинул свободную ногу через спинку и стал ею на пол. Я пребывал в такой панике, что едва дышал, меня всего трясло, как старика, бьющегося в припадке. Я потянулся к комоду, но кончики пальцев лишь коснулись ручек верхнего ящика. У меня за спиной раздалось какое-то дикое рычание — звук, не похожий ни на какой другой, который мне когда-либо доводилось слышать и который я бы ни за что не хотел услышать снова. Я изо всех сил тянулся к ручке ящика, кожа вокруг лодыжки горела, будто в огне.

Ногти зацепили за ручку, и ящик на дюйм приоткрылся. Это дало мне возможность вытащить ящик наружу, и он с треском грохнулся на пол. Ящик был забит полотенцами и хирургическими повязками. Вися над кроватью, я неистово начал рыться в этом барахле, ища ключ.

Наконец я его нашел, и, всхлипывая от нехватки дыхания, перемахнул обратно на койку и принялся отыскивать крошечное отверстие замка на наручнике. Из лодыжки у меня текла кровь, но я не обращал на это внимания. Я сунул ключ в замок, повернул его, и наручник соскочил с моей ноги.

Спрыгнув с койки, я бросился через комнату, потом резко остановился, сделал два шага назад и сглотнул неожиданно потекшую слюну.

Хоппер, над телом Куэлла, пристально смотрел на меня. Он показал зубы, и я увидел, что у него во рту кровь. Кровь была везде: на стене у него за спиной, на простыне, на нем самом и на Куэлле.

Куэлл лежал поперек кровати — манекен в заляпанной кровью одежде. Его полураскрытые глаза смотрели на меня в застывшем ужасе.

— Дай мне ключ, — вымученным шепотом сказал Хоппер. — Другие тоже умрут сегодня.

Я отодвинулся. Я думал, что я крепкий парень, а вот на тебе. Размяк, по лицу у меня струился холодный пот, в животе — как будто кусок свинца застрял. В своей жизни я видывал многие ужасные зрелища, но «Оскар», безусловно, достался этой маленькой картине.

— Дай мне ключ, иначе я тебя убью, — сказал Хоппер и сбросил тело Куэлла на пол. Кровь на губах Хоппера блестела в мягком свете лампы.

Это был кошмар в стиле гиньоль*. Сон, который можно рассказывать друзьям; сон, которому они не поверят.

Я медленно, задом, обходя его по кругу, направился к двери.

— Не уходи, Сибрайт, — сказал Хоппер, скорчившись на койке и с ненавистью глядя на меня. — Дай мне ключ!

Я добрался до двери, и, когда мои пальцы сомкнулись на ручке, он издал нечеловеческий яростный крик потерпевшего поражение и бросился с постели ко мне. Койка закачалась, но устояла, а его когтистые пальцы вцепились в ковер примерно в шести футах от меня.

Меня всего трясло. Я сумел открыть дверь и едва не вывалился в коридор. Когда я ухватился за ручку, чтобы закрыть дверь, этот ужасный животный крик снова вырвался из его глотки.

Несколько мгновений я стоял в длинном тихом коридоре, сердце у меня стучало, колени подкашивались, затем постепенно овладел собой. Опершись одной рукой о стену, я неторопливо двинулся к массивной двери в конце коридора. Приблизившись к ней, ощупал руками ее поверхность, ощутив разгоряченной кожей мягкую прохладу резины. Я повернул ручку, но ничего не произошло.

Этого я и ожидал. Теперь меня трясло при одной мысли о том, что придется вернуться в эту покойницкую. Я ухватился за ручку и нажал на нее изо всех сил. Снова ничего не произошло. С таким же успехом, вероятно, можно было пытаться свалить Великую Китайскую Стену.

Это был не выход.

Я вернулся в другой конец коридора и осмотрел забранное мелкой сеткой окно. Разделаться с ним можно было только с помощью лома, но даже и с ломом понадобилось бы полдня.

Теперь предстояло раздобыть оружие, которое можно было бы использовать в качестве дубинки, спрятаться у главной двери и ждать, когда кто-нибудь появится.

Я пошел вдоль коридора. Первая же дверь, которую я попробовал, оказалась незапертой. Я вгляделся в темноту, прислушался, но, кроме собственного дыхания, ничего не услышал; тогда я нащупал выключатель и включил свет. Вероятно, комната Куэлла: чистая и аккуратная, никакого оружия и ничего такого, что я мог бы использовать в качестве оружия, не видно. Белый халат, висевший на плечиках, навел меня на мысль. Я проскользнул в комнату и примерил халат. На мне он сидел ничуть не лучше, чем шкурка крота сидела бы на белом медведе, поэтому я оставил эту затею.

В следующей комнате над грязной с виду постелью висела большая цветная гравюра девушки в набедренной повязке и с ниткой жемчуга. Она улыбалась мне, как бы приглашая, но я не улыбнулся ей в ответ. Значит, это комната Блэнда.

Я скользнул в нее и прикрыл дверь. После недолгих поисков в комоде нашел кожаную плеть со свинчаткой и с ремешком, чтобы надевать на руку: хорошо сбалансированное, смертоносное оружие, как раз то, что мне было надо.

Я прошел через комнату к шкафу, нашел запасную униформу и примерил пиджак. Он оказался немного великоват. Я переоделся, оставив пижаму на полу. Оставшись снова в брюках и туфлях, почувствовал себя гораздо лучше. Я сунул плеть в набедренный карман и пожалел, что у меня нет пистолета.

В нижнем ящике комода я нашел пинтовую бутылку ирландского виски, сломал печать, открутил колпачок и сделал глоток. Спиртное шелком

* Гиньоль — пьесы, спектакли, сценические приемы, основанные на изображении злодейств, избиений пыток, и др.

скользнуло вниз и разорвалось у меня в желудке, как ручная граната Милса.

Я приложился к бутылке еще разок, затем сунул пинту в боковой карман и снова направился к двери. Надо было продолжать рекогносцировку.

Открывая дверь, я услышал шаги. Я стоял тише, чем мышь, увидевшая кошку, и ждал. По коридору, напевая себе под нос, шла сиделка с продолговатым лицом. Она прошла совсем рядом со мной и увидела бы меня, посмотри в мою сторону. Сиделка открыла дверь на другой стороне коридора и вошла в тускло освещенную комнату. Дверь закрылась.

Я подождал. Благодаря виски, дышалось мне теперь гораздо легче. Минута проходила за минутой.

Сестра появилась снова, прошла по всему коридору, вытащила ключ и, прежде чем до меня дошло, что она делает, отперла главный вход. Я увидел, как дверь открылась. Увидел лестничный пролет, который вел туда, где был свет. Я рванулся вперед, но она уже переступила порог и закрыла за собой дверь.

Я решил обследовать комнату, из которой только что вышла сестра. Может, именно там и находится Анона.

Я вытащил плеть, воспротивился искушению отпить из бутылки и пошел по коридору. У дверей я остановился, приложил ухо к филенке и прислушался. Кроме шума ветра и дождя, барабанившего по зарешеченному окну, ничего не услышал. Я бросил взгляд через плечо — из других дверей за мной никто не подсматривал. Коридор казался таким же пустым, как церковь в понедельник пополудни. Я медленно повернул ручку, дверь отворилась, и я увидел комнату, спланированную и обставленную точно так же, как и комната, в которой держали в заключении меня.

Там стояло две койки, одна из них — пустая. На койке напротив меня лежала женщина. Синяя ночная лампа отбрасывала причудливый свет на белую простыню и на белое лицо женщины, светлые волосы разметались по подушке, глаза с озадаченным выражением заблудившегося ребенка изучали потолок.

Я толкнул дверь пошире и мягко прошел в комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной, гадая, не закричит ли женщина. Обитая резиной дверь успокоила меня, что, если даже и закричит, никто ее не услышит; но она не закричала. Глаза ее продолжали смотреть в потолок, но на щеке задергался какой-то нерв. Я ждал. Спешить особенно было некуда, а мне не хотелось пугать ее.

Очень медленно она перевела взгляд с потолка на стену, потом вниз по стене и задержала его на мне. Мы посмотрели друг на друга. Я сознавал, что едва дышу, а плеть, которую держал в руке, была столь же неуместна, как пулемет на репетиции хора. Я сунул ее обратно в набедренный карман.

Она разглядывала меня — нерв дергался, глаза расширились.

— Привет, — бодро и спокойно сказал я. Мне даже удалось улыбнуться.

Мэллой и его подход к больным: талант, который, затаив дыхание, будут обсуждать его внуки, если у него когда-либо появятся внуки, что весьма сомнительно.

— Кто вы? — Она не закричала и не попыталась полезть на стену, но нерв продолжал дергаться.

— Я вроде как детектив, — ответил я, надеясь успокоить ее. — Пришел сюда, чтобы вас забрать домой.

Теперь, когда я оказался поближе к ней, я увидел, что зрачки ее голубых глаз крошечные, как головка булавки.

— У меня нет никакой одежды, — сказала она. — У меня ее отобрали.

— Одежду для вас я найду. Как вы себя чувствуете?

— Нормально. — Светлая головка повернулась направо, потом налево. — Но я не могу вспомнить, кто я. Мужчина с белыми волосами сказал мне, что я потеряла память. Он славный, правда?

— Так говорят, — осторожно ответил я. — Но вы ведь хотите поехать домой, правда?

— У меня нет дома. — Она выпростала длинную обнаженную руку и пробежала красивыми пальцами по копне светлых волос. Ее рука скользнула вниз и задержалась на пульсирующем нерве. — Он потерялся, но сестра говорит, что его ищут. Вы его нашли?

— Да. Потому-то я здесь.

Она, нахмурившись, подумала о чем-то.

— Значит, вы знаете, кто я? — спросила она наконец.

— Вас зовут Анона Фридлендер, — сказал я. — И вы живете в Сан-Франциско.

— Правда? Я что-то этого не помню. Вы уверены?

Я разглядывал ее руку. Она была испещрена крошечными шрамами. Они долгое время держали ее на наркотиках. Она и сейчас была под дурманом.

— Да, уверен. Вы можете встать с постели?

— Пожалуй, я не хочу, — ответила она. — Я бы скорее поспала...

— Ну что ж, — сказал я ей. — Засыпай. Все равно мы еще не готовы уйти. Немного погодя, когда ты поспишь, мы уйдем.

— У меня нет никакой одежды, или я вам об этом уже говорила? В данный момент на мне ничего нет. Свою ночнушку я бросила в ванну. Сестра была очень злая.

— Вам не надо ни о чем беспокоиться. Все хлопоты я беру на себя. Когда мы будем готовы уйти, я найду вам какую-нибудь одежду.

Тяжелые веки вдруг закрылись и с усилием открылись снова. Палец соскользнул с нерва, который уже не дергался.

— Вы мне нравитесь, — сонно сказала она. — Кто, вы сказали, вы такой?

— Мэллой. Вик Мэллой — вроде как детектив.

— Мэллой. Постараюсь запомнить. У меня очень плохая память. Я, похоже, все забываю. — И снова ее веки стали закрываться. Я стоял над ней, наблюдая. — По-моему, я не в состоянии бодрствовать. — Затем, уже после паузы, когда

я подумал, что оиа уснула, она, каким-то далеким голосом, сказала: — Оиа застрелила его, вы зиаете. Я была там. Она схватила дробовик и застрелила его. Это было ужасно.

В комнате воцарилась тишина. Оиа уже спала. То, чем напичкала ее сестра, даровало ей забвение. Возможно, до утра оиа уже ие пробудится. Значит, если я выберусь отсюда, ее придется выносить. Впрочем, еще было время подумать, как это сделать.

Если бы мне пришлось выносить ее, я мог завернуть ее в простыию, ио если бы она стала настаивать на том, что пойдет сама, мне пришлось бы подыскать для нее какую-нибудь одежду.

Я оглядел комиату. Комод стоял напротив изножья кровати. Я принялся выдвигать ящики. Многие из них оказались пустыми, в некоторых лежали полотенца и запасиое постельное белье. Никакой одежды.

Тогда я прошел к шкафу, открыл его и заглянул внутрь. Там были халат, шлепанцы и два мягких чемодаиа, лежавших на верхней полке. Я стащил один из них вниз. На крышке были вытисиены инициалы «А.Ф.» Я снял ремни с чемодана, открыл его. Порывшись в ием, извлек униформу медсестры.

Я сунул руку в боковые карманы чемодана. В одном из них нашел маленький синий ежедневник за 1948 год.

Быстро его пролистал. Записи были короткие и весьма иерегуляриые. Несколько раз упоминался «Джек», и я догадался, что это Джек Бретт, дезертировавший с флота, о котором рассказывал мне Миффлии.

24. I. Кино с Джеком. 7.45.
28. I. Обед в «Л'Этуаль». Встреча с Джеком в 6.30.
29. I. Домой на уик-энд.
5. II. Джек возвращается на судно.
Следовал перерыв до 10-го марта.
10. III. По-прежиему никаких писем от Джека.
12. III. Доктор Сэлзер спросил меня, не хотела бы я поработать за пределами больницы. Согласилась.
16. III. Начала работать в Крестуэйз.
18. III. Умер мистер Кросби.

Остальная часть ежедневника была пустой, поскольку начиная с этой даты, в ее жизни произошли измеиения. Оиа пошла в Крестуэйз, очевидно, чтобы за кем-то ухаживать. Оиа видела, как умер Кросби. Поэтому ее продержали в этой палате два года, накачивая лекарствами в надежде, что рано или поздно оиа троиется умом и забудет, что произошло. Ужас той картииы все еще маячил на заднем плане ее сознания. Возможно, она неожиданно вошла в комиату, где две девушки дрались, вырывая друг у друга дробовик. Возможно, когда Кросби бросился их разнимать, она, ие желая его смущать, отступила назад и видела, как ружье иаправили на Кросби и выстрелили.

Я посмотрел иа спокойное белое лицо, некогда, вероятно, волевое и исполненное решимости. Она была не из тех, кого можио уговорить замять что бы то ни было, ие соблазиить ее было и деньгами. Вероятнее всего, она настаивала на том, чтобы позвали полицию. Вот почему они и заточили ее.

Я задумчиво почесал челюсть и стукнул маленьким ежедневником по ладони другой руки. Надо было выбираться отсюда, причем выбираться как можно скорее.

И, будто в ответ на эту мысль, послышался ужасный треск, от которого содрогнулось все здание: казалось, будто часть его рухнула.

Я вздрогнул от неожиданности, быстро подошел к двери и резко ее распахнул. В коридоре было полно известковой и кирпичной пыли, и из этой пыли возиикли две фигуры с пистолетами в руках, они быстро бежали к палате Хоппера — Джек Керман и Майк Финиеган! Я хрипло поприветствовал их. Они резко остановились, направив иа меня свои пушки.

Напряженное лицо Кермана расплылось в широкой улыбке.

— «Универсальные услуги» к вашим услугам, — сказал ои, хватая меня за руку. — Хочешь выпить, дружок?

— Мие нужен транспорт для обнаженной блондинки, — сказал я, обиимая его, а Майк так шлепиул меня по спине, что я зашатался. — Что вы сделали — снесли дом?

— Прицепили к раме окна пару цепей и вырвали ее десятитонным грузовиком, — сказал Керман. — Грубовато, зато эффективио.

Я затащил Кермана в палату Анены, а Финнеган остался на страже в коридоре. Нам поиадобилось секунд десять, чтобы завериуть бесчувственную девушку в простыню и вынести ее из комиаты.

— Прикрывай с тыла, Майк, — сказал я, когда мы прошли мимо иего к дыре в стене. — Если потребуется — стреляй.

— Перекинь ее через мое плечо, — сказал Керман, хихикая от возбуждения. — К стене приставлена лестница.

Я помог ему взобраться на шаткую кирпичную кладку. Рядом с его лицом безвольно висели иагие рука и нога.

— Теперь я понял, почему ребята идут в пожарные, — сказал он и стал осторожно спускаться по лестнице.

Внизу я увидел большой грузовик, стоявший у дома, а у лестницы разглядел Полу. Она помахала мне.

— О'кей, Майк, — позвал я. — Уходим.

Когда Майк присоедииился ко мне, дверь в коице коридора резко отворилась, и в проеме появилась сиделка с продолговатым лицом. Увидев иас и разрушенную стену, она пронзительно закричала.

Мы быстро спустились по лестнице и влезли в грузовик.

Пола уже сидела за баранкой и, как только мы забрались в кузов, выжала сцепление и бесшабашно поехала прямо по цветочиым клумбам.

Керман положил Анону на пол и произнес:
— Зиай я, что оиа так хороша, я бы приехал пораньше.

Глава пятая

I

Загудел зуммер, и платиновая блондинка с гибкой фигуркой вышла из-за стола и направилась ко мне. Она сказала, что мистер Уиллет ждет меня. Говорила она так, будто находилась в церкви, а выглядела так, словно ее место в переднем ряду красоток Ищи Джейкоба в «Орчид Рум Фоли».

Через приемную я проследовал за ее покачивающимися бедрами в святая святых. Она легонько стукнула в дверь изумрудно-зеленым ногтем, открыла ее, поправила локон, как это делают женщины, и сказала:

— Пришел мистер Мэллой.

Я вошел. Уиллет окопался за своим огромным столом, с сомнением разглядывая нечто весьма похожее на завещание, что, скорее всего, так и было. Толстая сигарета с золотым ободком горела между двумя коричневыми пальцами. Не поднимая глаз, он сделал мне знак рукой садиться.

Платиновая блондинка ушла. Я посмотрел ей вслед. У двери она умудрилась так вихлянуть бедром, что оно так и заходило под черным отливом ее шелкового платья. Мне стало жаль, когда дверь за ней закрылась.

Я сел и заглянул внутрь своей шляпы, пытаясь вспомнить, когда же я ее купил. Я пообещал себе, что, если только сумею убедить Уиллета расстаться с какой-то частью денег, куплю себе новую шляпу.

— Курите, — вдруг рассеянно сказал Уиллет. Не отрывая глаз от кипы бумаг, которые держал в руке, он подтолкнул ко мне серебряный портсигар.

В портсигаре оказались эти самые сигареты с золотым ободком, и я взял одну. Оказалось, вкус у нее гораздо хуже, чем вид, что весьма типично для подобных сигарет.

Уиллет швырнул бумаги в ящик для исходящих бумаг, подтащил стул поближе к столу и сказал:

— Ну, мистер Мэллой, я вас слушаю. Через десять минут у меня новая встреча.

— В таком случае, мне лучше зайти к вам в другой раз, — сказал я. — В десять минут мы никак не уложимся. Не знаю, мистер Уиллет, во сколько вы оцениваете отчет о деле Кросби, но он определенно стоит кругленькую сумму. Не хочу кричать об этом на всех перекрестках, но я бы не удивился, если отчет потребовал бы гораздо большего времени.

— Что именно вы хотите сказать?

— Вам нужны подробности или вы хотите всего лишь взглянуть на дело по-быстрому? — спросил я. — Плохо и так и эдак, но в подробностях дело вроде как бы вас захватывает.

— Сколько времени вам нужно?

— Полчаса — может, больше. А потом вам, вероятно, захочется задать несколько вопросов. В общем, примерно с час. Но скучно вам не будет.

Он покусал нижнюю губу, потом, хмурясь, потянулся к телефону и отменил три деловые встречи. Я видел, что ему неприятно это делать, тем не менее он это сделал. Десятиминутная беседа с таким человеком, как Уиллет, обходилась его клиентам примерно в сто долларов.

— Рассказывайте, — сказал он, откидываясь на спинку стула. — Почему вы не связались со мной раньше?

— Это является частью моего отчета, — ответил я и положил шляпу под стул, на котором сидел. У меня было такое чувство, что вскоре я-таки куплю новую. — Последние пять дней я провел в доме для умалишенных.

Он издал какой-то хриплый звук, но выражение его лица не изменилось. Я решил больше его особенно не травмировать.

— Прежде чем я начну, — сказал я, — возможно, вы сообщите мне что-нибудь о банковском счете мисс Кросби. Вы получили к нему доступ?

Он покачал головой.

— Управляющий банка наотрез отказался. Если бы он показал мне ее счет и этот факт каким-то образом стал бы достоянием гласности, он потерял бы счет, а это много денег. Но он сообщил мне, что деньги за страховку были переведены в облигации на предъявителя и сняты со счета.

— Он не сказал, когда?

— Вскоре после утверждения завещания судом.

— А вы написали мисс Кросби о просьбе зайти к вам?

— Да. Она будет здесь завтра пополудни.

— Когда вы ей написали?

— Во вторник — пять дней назад.

— Она ответила обратной почтой?

Он кивнул.

— Тогда я не думаю, что она явится в назначенное время. Впрочем, посмотрим. — Я стряхнул пепел в серебряную пепельницу. — Ну что ж, теперь я, пожалуй, расскажу вам свою историю.

Я рассказал ему, как ко мне заявились Макгро и Хартселл. Он слушал, осев на стуле, глаза такие же холодные, как пара автомобильных фар. Когда я описал, как они меня отделали, он не засмеялся и не заплакал. Это же не с ним случилось, так с какой стати ему переживать? Но когда я сообщил ему, как на месте действия появилась Мори, брови у него нахмурились, и он позволил себе постучать кончиками ногтей по краю стола. Дальше этого в проявлении чувств он, возможно, никогда не зайдет.

— Она отвезла меня в какой-то дом на утесах, к востоку от шоссе на Сан-Диего. Она сказала, что дом принадлежит ей: славное местечко, особенно если вам нравятся дома, которые стоят кучу денег и в которых жить бы кинозвездам. Вы знали, что он у нее есть?

Он покачал головой.

— Мы сидели и говорили, — продолжал я. — Ей хотелось знать, почему я ею заинтересовался, и я показал письмо ее сестры. По какой-то причине она испугалась. Она не играла — она и впрямь испугалась. Я спросил, не шантажировали ли ее в то время, и она ответила, что нет и что Джэнет, скорее всего, пыталась причинить ей неприятности. Она заявила, что Джэнет ненавидела ее. В самом деле?

Уиллет игрался ножом для разрезания бумаги, лицо у него напряженное, в глазах — выражение тревоги.

— Насколько я понимаю, они не ладили, только и всего. Знаете, как это бывает со сводными сестрами.

Я сказал, что знаю, как бывает со сводными сестрами.

Минуты две-три мы оба молчали.

— Продолжайте, — кратко произнес он. — Что еще она вам сказала?

— Как вы знаете, Джэнет и один парень, некто Даглас Шеррилл, были обручены. Чего вы, вероятно, не знаете, так это что Шеррилл — темная лошадка, возможно, даже отсидел, но безусловно мошенник. Согласно утверждению Морин, она отбила Шеррилла у Джэнет.

Уиллет ничего не сказал. Он ждал.

— Девушки поссорились, ссора перешла в драку, — продолжал я. — Джэнет схватила дробовик. Появившийся старик Кросби попытался отобрать у нее ружье. Она выстрелила в него, и он умер.

На мгновение мне показалось, что сейчас Уиллет прыгнет прямо через стол. Но он сдержался.

— Это вам все Морин рассказала? — спросил он голосом, который, казалось, доносился откуда-то из-под пола.

— О да. Ей хотелось сбросить груз с души. А вот еще один момент, который вам понравится. Эту стрельбу надо было как-то замять. Я ошибся, заявив, что свидетельство о смерти Кросби подписал доктор Сэлзер. Он его не подписывал. Его подписала миссис Сэлзер. По ее словам, она дипломированный врач и друг семьи. Одна из девушек позвонила ей, и она приехала и все уладила. Лессуэйз, который не из тех, кто осложняет жизнь богатым, принял версию, будто Кросби чистил ружье и случайно застрелился. Он поверил им на слово. Брэндон тоже.

Уиллет закурил сигарету. У него был вид голодного человека, которого угостили пирожком, а внутри его он ничего не нашел.

— Продолжайте, — сказал он и откинулся на спинку стула.

— По какой-то причине одна сиделка по имени Анона Фридлендер во время стрельбы находилась в доме и все видела. Миссис Сэлзер не собиралась рисковать. Она заточила сестру, чтобы та не проболталась. С тех пор ее держали в палате с мягкими стенами в санатории Сэлзера.

— Вы хотите сказать — против ее воли?

— Естественно. Более того, в течение этих двух лет ее накачивали наркотиками.

— Из этого следует, что Морин Кросби это знает?

— Понятия не имею.

Уиллет уже тяжело дышал. Мысль о том, что столь богатому клиенту, как Морин Кросби, могут предъявить обвинение в похищении людей, казалось, шокировала его, хотя сообщение о страданиях Аноны Фридлендер не произвело на него ровно никакого впечатления.

— Между прочим, — сказал я, — прошлой ночью мы вызволили Анону из санатория.

— О-о?! — Он казался смущенным. — Есть ли вероятность, что из-за нее у нас будут хлопоты?

— Думаю, что более чем вероятно. А вам бы самому не захотелось что-нибудь предпринять, если бы вас продержали в заточении два года только потому, что некоторые богатые люди из-за робости не хотят попадать в газеты?

Он почесал подбородок и снова задумался.

— Пожалуй, мы могли бы выделить ей небольшую компенсацию, — сказал он наконец, хотя вид у него был не очень. — Пожалуй, мне лучше встретиться с ней.

— Пока она сама не будет готова с кем-то встречаться, никто с ней не встретится. В данный момент, похоже, она и сама не знает, что с ней такое. — Я погасил сигарету и закурил свою. — Об похищении следует сообщить в полицию. Если сообщим — то вся эта грязная история попадет на первые страницы газет. Тогда ваша работа будет состоять в том, чтобы передать миллионы Кросби Исследовательскому Центру. Как знать, захотят ли они, чтобы их дела вели вы — скорее всего, нет.

— Значит, именно поэтому я и должен поговорить с ней, — сказал он. — Такие дела обычно можно уладить.

— Не будьте в этом столь уверены. А вот вам еще небольшой инцидент, который произошел со мной, — мягко сказал я. — Меня тоже похитили и продержали в заточении пять дней, и меня тоже накачивали наркотиками. Это еще одна мелочь, о которой следует сообщить в полицию.

— Зачем лишаться хорошей работы? — парировал он и впервые с тех пор, как я появился в комнате, позволил себе слегка улыбнуться. — Я как раз собирался предложить вам дополнительный задаток: скажем, еще пятьсот долларов.

Значит, у меня-таки появится новая шляпа.

— Весьма соблазнительное предложение. Назовем его, пожалуй, страховкой за риск, — сказал я. — Но эта сумма не должна входить в гонорар, который вы уплатите за выполненную нами работу.

— Совершенно верно.

— Ну, пожалуй, мы пока оставим Анону Фридлендер и продолжим нашу историю. Она еще не вся.

Он оттолкнул стул и встал. Я смотрел, как он подошел к небольшой горке у противоположной стены и вернулся с бутылкой «Хейг энд Хейг» и двумя рюмками.

— Вы это употребляете? — спросил он, снова садясь.

Я сказал, что употребляю.

Он налил в обе рюмки, подвинул одну мне, опрокинул другую себе в глотку и тут же наполнил ее снова. Бутылку поставил посреди стола между нами.

— Угощайтесь, — сказал он.

Я выпил немного этого шотландского виски. Он оказался очень хорошим — лучшего я не пил уж много месяцев. Я подумал, до чего ж удивительно, что известнейший адвокат может сло-

маться, когда он видит, что навстречу ему идет беда, а на ней стоит его имя.

— По словам Морин, — продолжал я, — смерть Кросби не давала Джэнет покоя. Возможно, и так, но она, безусловно, выражала это весьма странно. Я бы сказал, что в такое время ей не захочется играть в теннис или носиться кругом, чем именно она занималась. Во всяком случае, тоже по словам Морин, Джэнет через шесть или семь дней после стрельбы покончила жизнь самоубийством. Она приняла мышьяк.

Крошечная капля виски пролилась из рюмки Уиллета на промокашку. Он еле слышно выдохнул:

— Боже мой!

— Это тоже замяли. Так уж вышло, что в это время миссис Сэлзер была в отъезде, поэтому Морин и доктор Сэлзер пригласили доктора Бьюли, безобидного старого козла, и сказали ему, будто Джэнет страдала злокачественным эндокардитом, и он, желая угодить, выдал свидетельство о смерти. У Джэнет была личная служанка, Юдора Дрю, которая, вероятно, подслушала, как Сэлзер и Морин сочиняют эту басню. Она потребовала свою долю, и они ей заплатили. Я получил о ней сведения и пошел поговорить с ней. У нее хватило ума отшить меня и связаться с Сэлзером. Она сказала ему, что я предложил ей пятьсот долларов за информацию, но если он готов повысить ставку, она будет держать рот на замке. На это у миссис Сэлзер был свой ответ. Она послала бывшего головореза, который работал в санатории, урезонить девушку. По словам миссис Сэлзер, он разгорячился и убил ее.

Уиллет сделал долгий вдох. Потом выпил, как человек, которому непременно надо выпить.

— Дворецкий дома, Джон Стивенс, тоже коечто знал и кое-что подозревал, — продолжал я. — Я уговаривал его расколоться, но в этот момент налетели шестеро «макаронников», которые работают на Шеррилла и похитили его. Они обращались с ним довольно грубо, и он умер, но все равно это убийство. Уже два убийства. А сейчас мы подходим к третьему. Вам нравится?

— Продолжайте, — скрипучим голосом сказал он.

— Помните сиделку Гэрни? Миссис Сэлзер признает, что похитила ее, только, по ее словам, сиделка Гэри упала с пожарной лестницы и сломала себе шею. Миссис Сэлзер спрятала тело Гэрни гдето в пустыне. Это тоже убийство.

— Фантастично, — сказал Уиллет. — Невероятно.

— Невероятно всего лишь из-за мотива. Два человека, миссис Сэлзер и Шеррилл, совершают три убийства, не говоря уже о похищении Анопы Фридлендер и меня, ради того только, чтобы какая-то девушка не попала в газеты. Вот что невероятно. По-моему, многого в этом деле мы еще попросту не знаем. Мне представляется, эти двое пытаются утаить в мешке очень юркое шило, и мне хочется узнать, что же это за шило.

— Они переживают не из-за газетной шумихи, — заметил Уиллет. — Вы посмотрите, сколько тут замешано денег.

— Да, но я по-прежнему считаю, что есть какоето шило, которого мы до сих пор не нашли. И я намерен поискать его. Во всяком случае, я продолжаю расследование. Кульминация приближается. Морин сказала мне, что, когда она стала наследницей, Шеррилл предстал перед ней в своем истинном свете. Он оказался шантажистом. Он заявил, что пустит слух, будто из-за того, что она отбила его у Джэнет, Джэнет застрелила отца и покончила с собой. Но если она купит ему «Шхуну-Мечту», он будет молчать. Она купила ему «Шхуну-Мечту» — вот почему она обратила деньги за страховку в облигации на предъявителя. Она отдала эти облигации Шерриллу. Вы только представьте себе, какую шумиху подняли бы газеты, если бы стало известно, что Морин Кросби финансирует игорное судно? После этого все деньги Кросби наверняка бы отошли Исследовательскому Центру, правда?

— Она купила «Шхуну-Мечту»? — произнес Уиллет сдавленным голосом.

— Так она мне сказала. Она также заявила, что боится Шеррилла, — и в этот-то исполненный драматизма момент мистер Шеррилл предстал собственной персоной. Он заявил, что упрячет Морин туда, где ее никто не найдет, и подобным же образом избавится от меня. Я уже хотел было поспорить с ним, когда кто-то сзади оглушил меня, а в себя я пришел уже в санатории Сэлзера. Не будем тратить время на то, что произошло там. Достаточно сказать, что мой помощник, выдав себя за известного автора, добился того, что Лессуэйз пригласил его нанести визит в этот санаторий совместно с членами муниципалитета. Такие посещения бывают ежемесячно. Он увидел меня и вызволил оттуда, и мы прихватили с собой Анону Фридлендер. Что нам надо узнать, так это исполнил ли Шеррилл свою угрозу относительно Морин. Если она завтра не появится, ставлю на то, что она упрятана возможно на судне Шеррилла. Если же она-таки появится, тогда я буду склонен думать, что она вместе с остальными замешана в этом деле, а к себе домой меня повезла только затем, чтобы Шеррилл мог добраться до меня.

Не слишком твердой рукой Уиллет налил себе еще рюмку.

— Не думаю, что это так, — сказал он.

— Посмотрим. Если Шеррилл держит ее, у вас есть какая-то возможность приостановить выплату денег с ее счета?

— Над ее деньгами я вообще не властен. Я лишь могу довести до сведения других опекунов, что она нарушила условия завещания.

— Кто эти другие опекуны?

— Мистер Глинн и мистер Коппли, мои шефы, которые, разумеется, в Нью-Йорке.

— С ними следует советоваться?

— На данной стадии — нет, — сказал он и потер подбородок. — Буду откровенен с вами, Мэллой. Они бы исполнили условия завещания безо всяких колебаний, даже не принимая в расчет, что девушка, возможно, ни в чем не виновата. На мой взгляд, завещание чересчур жесткое. Кросби поставил условие, что, если Морин попадет в газеты,

деньги достанутся Исследовательскому Центру. Я полагаю, он несколько устал от ее выходок, но не понимал, что дает безжалостному шантажисту оружие против нее. Вероятно, именно это и имело место.

— Вам не приходило в голову, что мы скрываем три убийства? — сказал я, наливая себе еще одну рюмку. От всех этих разговоров у меня пересохло во рту. — Пока что Брэндон не копает слишком глубоко, потому что его пугают деньги семейства Кросби, но если факты о том, что Морин замешана в этих убийствах подтвердятся, ему придется забыть о ее деньгах и что-то предпринять. Нам с вами придется тогда изворачиваться.

— Одних подозрений мало, чтобы выносить ей приговор, — сказал Уиллет. — Я бы никогда себе не простил, если бы, предприняв поспешные действия, мы вынудили ее совершение несправедливо потерять деньги. Как насчет этой Фридлендер? Сколько времени пройдет, прежде чем она сможет говорить?

— Не знаю. Судя по всему, через несколько дней. Она даже не помнит, кто она.

— Она в больнице?

Я покачал головой.

— За ней присматривает мой секретарь, мисс Бенсниджер. Я пригласил доктора, но он пока ничего не может сделать. Он говорит, что тут просто дело времени. Сегодня я еду в Сан-Франциско повидать ее отца. Он может помочь вернуть ей память.

— Мы оплатим любые расходы, — заверил меня Уиллет. Он закурил еще одну сигарету. — Каков наш следующий шаг?

— Придется подождать, не появится ли Морин. Если нет, я съезжу на «Шхуну-Мечту» и посмотрю, нет ли ее на борту. Есть и другие подходы, которые я прорабатываю. В данный момент у меня слишком много болтающихся веревочек, которые надо куда-то привязать.

В дверь постучали, вошла платиновая блондинка и, играя бедрами, направилась к столу Уиллета.

— Миссис Поллард уже теряет терпение, — пробормотала она. — А это послание только что поступило. Я решила, вам следует ознакомиться с ним немедленно.

Она протянула ему какую-то бумажку. Он прочитал ее, и брови у него подпрыгнули.

— Хорошо. Скажите миссис Поллард, что я приму ее через пять минут, — сказал он и посмотрел на меня. — Мисс Кросби завтра не придет. Очевидно, она отправляется в Мексику.

— Кто звонил? — спросил я, подаваясь вперед.

— Он не назвался, — ответила платиновая блондинка Уиллету. — Он лишь сказал, что говорит от имени мисс Кросби, и попросил передать послание немедленно.

Уиллет вопрошающе поднял на меня брови. Я покачал головой.

— Хорошо, мисс Палметтер, — сказал он. — Можете идти.

Я выудил свою шляпу из-под стола и встал.

— Похоже, придется нанести визит на «Шхуну-Мечту», — сказал я.

Уиллет убрал виски и рюмки.

— Лучше не говорите мне об этом, — произнес он. — Обещайте, что будете осторожны.

— Вы удивитесь, до чего я буду осторожен.

— А может, она уехала в Мексику, — с сомнением продолжал он.

Я слегка ему улыбнулся, но он на мою улыбку не ответил.

— Пока, — бросил я и вышел в приемную.

В одном из кресел сидела, тяжело дыша, полная разодетая женщина с жемчужинами с луковицу на шее. Когда я проходил мимо нее, направляясь к двери, она взглянула на меня тяжелым взглядом.

Я посмотрел на платиновую блондинку и опробовал свою улыбку на ней.

Она очень широко раскрыла глаза, посмотрела на меня пустым взглядом и отвернулась.

II

Когда я ввалился, Джек Керман показывал Трикси, нашей телефонистке, как Грегори Пек целует своих партнерш по фильмам. Увидев меня, они отпрянули друг от друга. Трикси мгновенно уселась на место и с неубедительной демонстрацией эффективности принялась вытаскивать и втыкать переключатели в гнезда.

Керман грустно улыбнулся, покачал головой и прошел следом за мной в кабинет.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я, открывая ящик своего стола, — не слишком ли она молода?

Керман презрительно усмехнулся.

Я вытащил револьвер 38-го калибра, изготовляемый специально для полиции, сунул его в набедренный карман и взял пару журналов.

— У меня новость, — сказал Керман, наблюдая за мной и слегка выпучив глаза. — Сказать сейчас?

— Расскажешь в машине. Мы с тобой едем во Фриско.

— С оружием?

— Да. Отныне я не рискую. Пушка при тебе?

— Сейчас возьму.

Пока он ее брал, я позвонил Поле.

— Как она? — спросил я, когда Пола взяла трубку.

— Да почти так же. Доктор Мэнселл только что ушел. Сделал ей легкий укол. Он говорит, пройдет много времени, прежде чем она отвыкнет.

— Я еду к ее отцу. Если он ее заберет, мы вроде как освободимся. Ты в порядке?

Она сказала, что да.

— На обратном пути я заеду, — добавил я и положил трубку.

Мы с Керманом спустились в лифте на первый этаж и вышли к «бьюику».

— Вечером поедем на «Шхуну-Мечту», — сказал я, заводя двигатель.

— Официально или неофициально?

— Неофициально — точь-в-точь как в кино. Может, даже придется добираться туда вплавь.

— Акулы и все такое — да? — сказал Керман. — Может, они попытаются застрелить нас, когда мы будем взбираться на борт.

— Наверняка, если только увидят.

Резко прибавив газу, я обогнал грузовик и поехал по Центральной авеню.

— Ничего себе перспектива, — мрачно сказал Керман. Он опустился на сиденье пониже. — Я просто не могу ждать. Может, мне лучше составить завещание?

— А у тебя разве есть что оставить? — в удивлении спросил я и резко тормознул на загоревшийся красный свет.

— Несколько грязных открыток и чучело крысы, — ответил Керман. — Их я оставлю тебе.

Когда загорелся зеленый, я спросил:

— Так что там за новости? Узнал что-нибудь о миссис Сэлзер?

— Ну еще бы. Веди машину поосторожней — от этой новости ты можешь заехать в кювет. Я копал все утро. И знаешь, кто она?

Я свернул на бульвар Фэйрвью.

— Расскажи.

— Вторая жена Макдоналда Кросби — мать Морин.

«Бьюик» шарахнулся в сторону и чуть не столкнулся с проносившимся мимо грузовиком, водитель которого обложил меня. Мне удалось выровнять машину и вернуть ее к обочине.

— Я же предупреждал, чтобы ты поосторожней, — сказал Керман и улыбнулся. — Здорово, правда?

— Продолжай — что еще?

— Примерно двадцать три года назад она была специалистом по ухо-горло-носу в Сан-Франциско. Кросби познакомился с ней, когда она лечила Джэнет от какого-то пустяка. Он женился на ней. Практику она не оставила, перенапряглась, у нее был нервный припадок, и работу ей все же пришлось бросить. Жизнь у них с Кросби не получалась. Он узнал о ее связи с Сэлзером и развелся с нею. Когда он переехал в Орчид-сити, она тоже переехала, чтобы быть поближе к Морин. Ну как, нравится?

— Да, информация очень важная, — сказал я. Мы уже выехали на трассу Лос-Анджелес — Сан-Франциско, и я нажимал на педаль газа. — Она многое объясняет, но не все. Теперь понятно, почему она приняла участие в этой игре. Естественно, ей страстно хотелось, чтобы все эти деньги достались ее дочери. Но боже мой! Ты только представь себе, на что она пошла! Готов спорить, она сумасшедшая!

— Вполне возможно, — самодовольно сказал Керман. — В Медицинской ассоциации о ней говорили весьма уклончиво. Сказали, что у нее был нервный припадок, но в подробности не вдавались. Она чокнулась прямо во время операции. Одна сестра, с которой я беседовал, заявила, что, если бы не анестезиолог, она бы перерезала пациенту горло.

— У Сэлзера есть какие-нибудь деньги?

— Ни гроша.

— Интересно, кто дал деньги на покупку санатория? Скорей всего, Кросби. Но за смерть сиделки Гэрни ей придется отвечать. Когда полиция найдет тело, я все расскажу Миффлину.

— Они, возможно, никогда его не найдут, — сказал Керман — он был весьма низкого мнения о полиции Орчид-сити.

— Я помогу им — после того как повидаю Морин.

Мы ехали минут десять молча, размышляя. Затем Керман сказал:

— А мы не тратим понапрасну время, направляясь к старику Фридлендеру? Не лучше ли было позвонить?

— Не поздновато ли тебя осеняет, а? Скорее всего, он бы не горел желанием забрать ее. Телефонный разговор очень легко прервать. У меня такое чувство, что его придется уговаривать.

В начале четвертого мы проехали по мосту Окленд-Бей, свернули на Монтгомери-стрит, затем налево на Калифорния-стрит.

Дом Фридлендера стоял где-то посередине по правой стороне. Это был один из тех неподдающихся описанию многоквартирных домов: шестиэтажный «муравейник», где орали радио и дети.

Навстречу нам по каменным ступенькам с шумом высыпали ребятишки. Они облепили нашу машину и делали с ней все, только что не прокалывали покрышек и не бросали зажженных спичек в бензобак.

Керман выбрал самого большого и крепкого из них и дал ему полдоллара.

— Не разрешай своим дружкам подходить к машине, и ты получишь другую половину, — сказал он.

Мы поднялись по ступенькам и увидели два длинных ряда почтовых ящиков. Квартира Фридлендера находилась на пятом этаже — № 25, лифта не было, мы пошли пешком.

— Для меня будет счастливый день, если его не окажется дома, — сказал Керман, когда остановился на четвертом этаже передохнуть.

— Ты слишком много пьешь, — сказал я и стал подниматься по лестнице на следующий этаж.

Мы оказались в длинном мрачном коридоре. У кого-то в квартире радио разрывалось от джаза. От его горячего дыхания, казалось, весь коридор ходит ходуном.

Из ближней к нам комнаты вышла неряшливо одетая женщина. На ней была черная соломенная шляпа, далеко не новая, в одной руке она сжимала сетку для покупок. Женщина окинула нас взглядом, полным праздного любопытства, и пошла по коридору к лестнице. Там повернулась, чтобы еще раз поглазеть на нас, и Керман помахал ей рукой. Задрав нос, она стала спускаться.

Мы прошли по коридору к квартире № 25. Ни молотка, ни звонка на двери не было. Я уже поднял руку, чтобы постучать, когда из-за двери раздался приглушенный хлопок: такой звук получается, когда надуваешь бумажный мешочек, а потом хлопаешь по нему рукой, и он лопается.

Я вытащил револьвер, положил руку на ручку двери, повернул ее и толкнул дверь. К моему удивлению, она открылась. Я увидел довольно просторную комнату, судя по всему, гостиную.

Керман тяжело дышал у меня за спиной. Я быстро оглядел комнату, но никого не увидел. Из нее вели две двери, и обе были заперты.

— Думаешь, это был выстрел? — пробормотал Керман.

Я кивнул и тихонько прошел в комнату, сделав ему знак оставаться на месте. Он повиновался. Я пересек комнату и прислушался у правой двери, но шум ревущего радио заглушал все другие звуки.

Махнув Керману, чтобы он спрятался, я повернул ручку и легонько толкнул дверь, а сам отступил в сторону и прижался к стене. Ничего не произошло. В открытую дверь доносился сильный, едкий запах кордита. Я пододвинулся поближе и заглянул в комнату.

Прямо посреди пола лежал человек. Ноги он подобрал под себя, а руки прижал к груди. Кровь просачивалась меж пальцев и сбегала по запястьям на пол. Ему было лет шестьдесят, и я догадался, что это Фриндлендер. Пока я смотрел на него, он издал удушливый вздох, и его руки стукнулись об пол.

Я не двигался. Я знал, что убийца должен быть где-то в комнате. Выбраться он не мог.

Керман проскользнул в комнату у меня за спиной и прижался к стене с другой стороны двери. Тяжелый револьвер 45-го калибра у него в кулаке казался самой настоящей пушкой.

— Выходи! — вдруг рявкнул я. Голос мой прозвучал, как пила, врезающаяся в сучок. — И руки вверх!

Щелкнул выстрел, пуля просвистела рядом с моей головой.

Керман завел руку за дверь и дважды выстрелил. От звуков его револьвера задребезжали стекла.

— Тебе не уйти! — сказал я, стараясь походить на крутого фараона. — Ты окружен!

Однако на этот раз убийца не ответил. Мы ждали, но ничего не происходило. Я уже представлял себе, как прикатывают фараоны, а мне не хотелось связываться с фараонами во Фриско — уж больно они деятельные.

Я сделал знак Керману оставаться на месте и прошмыгнул к окну. Когда я поднял раму, Керман снова выстрелил в комнату, а я в этот момент открыл окно и высунулся. Окно внутренней комнаты находилось в нескольких футах от меня. Это означало, что мне надо взобраться на оконный карниз и перебраться на другой на высоте около ста футов. Уже перекинув ногу, я оглянулся. Глаза у Кермана полезли на лоб, он покачал головой. Я указал большим пальцем на соседнее окно и взобрался на карниз.

Кто-то выстрелил снизу, и пуля обдала мое лицо цементом. Я до того перепугался, что чуть не отпустил руки, потом глянул вниз и увидел повернутые вверх лица довольно большой толпы. Прямо в центре ее стоял толстый фараон и целился в меня.

Я издал сдавленный крик, бросил свое тело вперед и в сторону, ударился об окно соседней комнаты, пролетел со звоном через стекло и приземлился на четвереньках на полу. Выстрелил чей-то револьвер, и тут же громыхнула пушка Кермана, от пули которой отвалился кусок гипса с потолка.

Я распластался на полу и, извиваясь ужом, пополз за кровать, а комнату сотрясли новые выстрелы.

Я вдруг увидел темное лицо, над кроватью, и злобное, с синевой дуло автоматического пистолета, направленное мне в голову, затем рука, державшая пистолет, исчезла вместе с грохотом выстрела и появилась вновь в виде губчатой кровавой массы.

Это оказался мой дружок «макаронник» в грязной рубашке. Он взвыл и, спотыкаясь, прошел к окну, а Керман бросился за ним. Он ударил Кермана наотмашь, прошмыгнул мимо него, вбежал в другую комнату, а оттуда — в коридор. Раздались выстрелы, закричала какая-то женщина, глухо грохнулось на пол чье-то тело.

— Осторожно! — выдохнул я.— Там один кровожадный фараон. Он выстрелит, как только увидит тебя.

Мы молча стояли и ждали.

Но фараон не собирался рисковать.

— Всем выходить! — гаркнул он из-за двери. Даже с такого расстояния я слышал, как он дышит. — Если выйдете с пушкой, от вас мокрое место останется!

— Мы идем, — сказал я. — Успокойтесь и не стреляйте.

Подняв руки, мы вышли из комнаты в коридор.

В коридоре лежал «макаронник». Во лбу у него зияла дырка от пули.

Фараон оказался массивным мужчиной с толстыми ногами и крупной головой. Он оскалился, грозя нам своим револьвером.

— Спокойно, брат, — произнес я — уж больно мне не понравился его вид. — У тебя уже и так на руках два жмурика. Зачем тебе еще два?

— А мне плевать, — сказал он, показывая зубы. — Два или четыре — без разницы. Становитесь вон к той стенке, пока не приедет «ворон».

Мы стали к стене и вскоре услышали вой сирены. По лестнице, запыхавшись, поднялись две фигуры в белых халатах с представительной группой из отдела по расследованию убийств. Я обрадовался, увидев, что с ними Даннинген, начальник районного отделения детективов. Нам с ним не раз приходилось работать вместе.

— Привет, — сказал он и уставился на нас. — Твоя работа?

— Чуть не стала моей, — ответил я. — Там внутри еще один. Ты не мог бы сказать этому сотруднику, что мы не опасны? Я все боюсь, как бы он нас не прикончил.

Даннинген сделал знак фараону отойти в сторону.

— Сейчас я выйду и побеседую с вами.

Он зашел посмотреть на Фриндлендера.

— Он наш дружок, — сказал я фараону, который вызверился на нас. — Надо смотреть, в кого стреляешь.

Полицейский сплюнул.

— Дурак я, что не убрал и вас, ублюдков, — с отвращением сказал он. — Прибыли бы они, а у меня четыре жмурика, глядишь, и сделали бы меня сержантом.

— Какой у тебя очаровательный умишко, — сказал Керман и попятился.

III

Обратно в Орчид-сити мы отправились около пяти, после того как попотели пару часов в кабинете Даннигена. Он сделал все, что в его силах, чтобы заставить нас расколоться, но успеха так и не добился.

Моя версия была более или менее правдивой. Я заявил, что дочь Фридлендера уже два года числилась в пропавших. Это он смог проверить, позвонив в бюро по розыску пропавших без вести в Орчид-сити. Я сказал ему, что нашел ее, когда она бродила по улицам, страдая потерей памяти, и, отвезя ее на квартиру своей секретарши, тут же сел в машину, чтобы приехать во Фриско и привезти к ней Фридлендера.

Даннигену захотелось знать, как я догадался, что она дочь Фридлендера, и я ответил, что читал бюллетень разыскиваемых лиц, который рассылается полицией, и узнал ее по описанию.

Он окинул меня долгим хмурым взглядом, гадая, верить мне или нет, а я в ответ вытаращился на него.

— Мне представляется, у вас есть дела и поинтереснее, — сказал он наконец.

Затем я рассказал ему, как прибыл на квартиру Фридлендера, услышал выстрел, вломился в дверь, нашел мертвого Фридлендера и «макаронника», который пытался удрать. Я сказал, что он выстрелил в нас, а мы стреляли в него, и показал Даннигену наши разрешения на ношение оружия. Я сказал, что, возможно, этот «макаронник» — домушник. Нет, я не думал, что видел его раньше, хотя и не исключено. Просто для меня все «макаронники» одинаковы.

Данниген заявил, что я о чем-то умалчиваю. Я ответил, что он, должно быть, читает слишком много детективов, и попросил его отпустить меня, так как у меня уйма дел. Но он начал снова прощупывать меня, задавать вопросы, но все бесполезно. Когда он сидел и с ненавистью смотрел на меня, он был похож на сбитого с толку быка.

Хорошо, что «макаронник» прихватил деньги и золотые часы Фридлендера: единственные вещи в квартире, представляющие ценность, так что получился идеальный расклад для обычного вооруженного ограбления. Наконец, Данниген решил отпустить нас.

— Может, это и ограбление, — тяжело сказал он. — Кабы не вы, двое залетных пташек, я бы и думать не стал, но ваше появление заставляет меня сомневаться.

Керман заметил, что если он будет волноваться из-за таких пустяков, то ему до пенсии не добраться до крупных дел.

— За меня не переживай, — кисло ответил Данниген. — Не знаю, что в вас такое, ребята, но, стоит только вам появиться в нашем городе, как начинаются неприятности, причем в основном для меня. Не лезли бы вы сюда, а? У меня и так работы по горло, а тут еще вы все время подбрасываете что-нибудь новое.

Мы оба вежливо засмеялись, пожали руки, пообещали, что будем на дознании у коронера, и ушли.

Когда мы проезжали по мосту Окленд-Бей, направляясь домой, Керман мягко сказал:

— Если этот парень когда-нибудь узнает, что именно этот «макаронник» похитил Стивенса, мне представляется, что жизнь может оказаться трудноватой для нас.

— Она и без того трудная. Теперь еще на нас висит Анона. — Я проехал с милю, прежде чем сказать: — Ты знаешь, это чертовски трудное дело. У меня все время такое чувство, что кто-то пытается утаить в мешке огромное шило. Мы что-то упускаем. Мы смотрим на мешок, но не на шило, а в нем-то и все дело. Иначе просто быть не может. Всех, кто его увидел, заставили замолчать: Юдору Дрю, Джона Стивенса, сиделку Гэрни, а теперь вот и Фридлендера. Мне представляется, что и Анона знает об этом шиле. Нам надо что-то сделать, чтобы у нее заработала память, да побыстрее.

— Если она что-то знает, почему же они ее не угрохали? — спросил Керман.

— Это-то меня и тревожит. До сих пор всех их убивали более или менее случайно, но убийство Фридлендера было умышленным. Это означает, что кто-то ударился в панику, и что и Аноне угрожает опасность.

Керман выпрямился на сиденье.

— Ты думаешь, они попытаются до нее добраться?

— Да. Нам надо спрятать Анону в безопасном месте. Возможно, мы уговорим доктора Манселла положить ее в свою клинику в Лос-Анджелесе, и я попрошу Кругера одолжить мне парочку его мордобойцев, чтобы они сидели у двери.

— Может, ты и сам слишком начитался детективов, — произнес Керман и покосился на меня.

Я вел «бьюик» на большой скорости, а сам все размышлял об убийстве Фридлендера, и чем больше думал, тем неспокойнее становилось у меня на душе.

Мы доехали до Сан-Лукаса, и я затормозил у драгстора.

— В чем дело? — спросил удивленный Керман.

— Хочу позвонить Поле, — сказал я. — Надо было сделать это еще во Фриско. Мне страшно.

— Спокойно, — сказал Керман — но вид у него был испуганный. — Уж больно у тебя разыгралось воображение.

— Надеюсь, что так, — ответил я и направился к телефонной будке.

Керман схватил меня за руку и потащил назад.

— Ты только посмотри!

Он указывал на стопку вечерних газет на полке киоска. На первой полосе аршинными буквами стояло:

САМОУБИЙСТВО ЖЕНЫ
ХОРОШО ИЗВЕСТНОГО НАТУРОПАТАЛОГА

— Купи газету, — сказал я, выдернул руку и вошел в будку. Я попросил соединить меня с квартирой Полы. Я слышал продолжительные гудки вызова, но никто не отвечал. Сердце у меня бешено колотилось.

Она должна быть дома. Мы же договорились, что Анону нельзя оставлять одну.

Подошел Керман и смотрел на мое напряженное лицо через стеклянную дверь. Я покачал головой, прервал связь и попросил оператора попробовать еще раз.

Пока она соединяла, я открыл дверь.

— Не отвечают. — Она пробует снова.

Лицо у Кермана помрачнело.

— Поехали. Нам еще целый час езды.

Как раз, когда я уже собирался повесить трубку, я услышал оператора, которая сообщила, что линия исправна, но никто не отвечает.

Я бросил трубку на рычаг, и мы вместе выбежали из магазина.

Я принялся настегивать «бьюик» по главной улице, а как только мы вырвались за город, тут и вовсе наддал жару.

Керман попытался читать газету, но на такой скорости ему трудно было удержать ее в руках.

— Ее нашли сегодня пополудни, — проорал он мне в ухо. — Она приняла яд, после того как Сэлзер сообщил в полицию о смерти Куэлла. Об Аноне — ни слова. О сиделке Гэрии — тоже.

— Она первая из них, кто струсил, — сказал я. — Если только ее не отравили. Впрочем, черт с ней. Я боюсь за Полу.

Впоследствии Керман говорил, что никогда еще в жизни его так быстро не катали в машине, и он ни в коем случае не хотел бы испытать еще раз. Одно время стрелка спидометра замерла на отметке 92 и оставалась там, пока мы с ревом неслись по широкой прибрежной дороге, причем я все время нажимал на клаксон.

За нами погнался патрульный фараон, но у него ничего не получилось. Он торчал сзади две или три мили, затем исчез из виду. Я догадался, что он сообщит о нас в следующий городок, поэтому свернул с основной трассы и поехал по проселку который был не шире двадцати футов. Керман просто сидел, закрыв глаза, и молился.

Мы добрались до Орчид-сити за 45 минут, проехав за это время шестьдесят с лишним миль.

Пола жила на Парковом бульваре, ярдах в ста от парковой больницы. Мы с ревом пронеслись по широкому бульвару и затормозили у многоквартирного дома, шины завизжали, как поросенок на бойне.

Лифт поднял нас на третий этаж, и мы рванулись к квартире Полы. Я нажал на кнопку звонка и не отпускал. Дверь никто не открывал. Пот выступил у меня на лице, как будто я только что вышел из-под душа.

Я отступил в сторону.

— Вместе, — сказал я Керману.

Дверь была добротная, но и мы не лыком шиты. После третьего удара замок сломался, и мы оказались в небольшой аккуратной прихожей.

Сжимая револьверы в руках, прошли через гостиную в спальню Полы.

Постель была в беспорядке. Простыня и одеяло валялись на полу.

Мы заглянули в ванную и в запасную спальню: квартира была пуста, и Пола, и Анона исчезли.

Я бросился к телефону, набрал номер конторы. Трикси сказала, что Пола не звонила, зато дважды звонил какой-то мужчина, отказавшийся назвать свое имя. Я велел ей дать ему номер Полы, если он позвонит снова, и положил трубку.

Керман слегка трясущейся рукой протянул мне сигарету. Я прикурил, не осознавая, что делаю, и сел на кровать.

— Нам, пожалуй, надо попасть на «Шхуну-Мечту», — сказал Керман напряженным голосом. — И попасть туда как можно скорее.

Я покачал головой.

— Какого черта! — взорвался Керман и направился к двери. — Они захватили Полу. Мы поедем туда и потолкуем с ними. Пошли!

— Спокойно, — сказал я. — Сядь, не будь дураком.

Керман подошел ко мне.

— Ты что, чокнулся?

— Ты думаешь, ты приблизишься к этому судну белым днем? — произнес я, глядя на него. — Пошевели мозгами. Мы поедем туда, когда стемнеет.

Керман сделал сердитый жест.

— Я еду сейчас. Если будем ждать, может оказаться слишком поздно.

— А, заткнись! — сказал я. — Найди чего-нибудь выпить. Ты останешься здесь.

Он заколебался, потом прошел в кухню. Немного погодя вернулся с бутылкой шотландского виски, двумя стаканами и кувшином ледяной воды, приготовил два напитка, дал мне один и сел.

— Вряд ли мы можем помешать, если они решили стукнуть ее по голове, — сказал я. — Даже если они еще этого не сделали, они тут же сделают, как только увидят, что мы приближаемся. Поедем туда, когда стемнеет, но не раньше.

Керман ничего не сказал. Он сидел, стиснув руки.

У нас было еще четыре часа, возможно, чуть больше, прежде чем мы начнем действовать.

В половине седьмого мы все еще сидели там. Бутылка с виски была наполовину пустая. Мы готовы были полезть на стену.

И тут зазвонил телефон: пронзительный звук, показавшийся зловещим в этой тихой квартире.

— Я сам, — сказал я, прошагал на онемевших ногах через комнату и взял трубку.

— Мэллой? — говорил мужчина.

— Да.

— Это Шеррилл.

Я ничего не сказал, а просто ждал, глядя на Кермана.

— Твоя девушка у меня на борту, Мэллой, — голос у него был нежный, он прямо шептал мне на ухо.

— Я знаю, — сказал я.

— Лучше приезжай и забери ее. Скажем часов в девять. Раньше не приезжай. Моя лодка будет поджидать тебя на пирсе. Приезжай один и запомни: если приведешь с собой полицию или кого-нибудь еще, то ее стукнут по голове и сбросят за борт. Понял?

Я сказал, что понял.

— Тогда до девяти, — произнес он и повесил трубку.

IV

Лейтенант Брэдли из бюро по розыску пропавших, крепко сбитый разочарованный офицер средних лет, часами сидел за обшарпанным столом в небольшом кабинете на четвертом этаже полицейского управления, пытаясь ответить на вопросы, ответа на которые не было. Сутки напролет к нему приходили или звонили по телефону люди, чтобы сообщить о пропавших родственниках, и ожидали, что он найдет их. Нелегкая работа, ведь в большинстве случаев мужчины или женщины, которые исчезли, уезжали куда-нибудь подальше, поскольку им осточертели их дома, их мужья или жены, и они делали все, чтобы их ни в коем случае не отыскали. Работа, от которой я бы отказался, даже если бы жалованье мне положили в 20 раз больше того, какое получал Брэдли; впрочем, с этой работой я бы все равно не справился.

Когда я постучал, за матовым стеклом двери его кабинета все еще горел свет. Его мягкий голос пригласил меня войти.

Он сидел за столом с трубкой в зубах, в его глубоко посаженных проницательных карих глазах застыло выражение усталости. Не человек — громадина: лысеющая голова, брюшко, мешки под глазами. Человек, который делал доброе дело и ничего от этого не имел: ни выгоды, ни почестей.

Лоб его сморщился, когда Брэдли увидел меня.

— Уходи, — без всякой надежды сказал он. — Я занят. У меня нет времени выслушивать твои неприятности — своих хватает.

Я закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Я был не в том настроении, чтобы обмениваться любезностями с лейтенантом полиции, к тому же спешил.

— Мне нужна одна услуга, Брэдли, — сказал я, — причем срочно. Ты сам окажешь ее мне или идти к Брэндону?

В светло-карих глазах появился испуг.

— Тебе необязательно говорить со мной таким тоном, Мэллой, — сказал он. — Что тебя гложет?

— Много чего, но у меня нет времени вдаваться в подробности. — Я пересек небольшое пространство между дверью и его столом и уставился на него. Мне нужно все, что у тебя есть об Аноне Фридлендер. Помнишь ее? Сиделка доктора Сэлзера в санатории на бульваре Футхилл. Она исчезла 15 мая 1948 года.

— Я знаю, — сказал Брэдли, и его кустистые брови слегка подпрыгнули. — Ты второй, кто попросил посмотреть ее досье за последние четыре часа.

— Кто это был?

Брэдли нажал на кнопку на столе.

— А вот это уже не твое дело, — сказал он. Садись и не дави на меня.

Когда я подтащил стул к столу, вошел полицейский клерк и стал в ожидании.

— Принеси-ка досье Фридлендер еще разок, — сказал ему Брэдли. — Да побыстрей. Этот гражданин спешит.

Клерк окинул меня ледяным взглядом и ушел. Брэдли закурил трубку и легонько вздохнул.

— По-прежнему суешь нос в дела семейства Кросби? — спросил он, не глядя на меня.

— По-прежнему, — кратко ответил я.

Он покачал головой.

— Вы, молодые и честолюбивые ребята, никогда ничему не научитесь, правда? Я слышал, на днях к тебе заглядывали Макгро и Хартселл.

— Заглядывали. Появилась Морин Кросби и спасла меня. Как тебе это нравится?

Он слегка ухмыльнулся.

— Жаль, что меня там не было. Это она ударила Макгро?

— Да.

— Молодчина.

— Говорят, в заведении Сэлзера вечеринка с танцами, — сказал я, наблюдая за ним. — Похоже, ваш спортивный фонд здорово пострадает.

— Ой, как страшно! Мне ли беспокоиться о спорте, в моем-то возрасте...

Мы размышляли друг о друге примерно с минуту, потом я сказал:

— Кто-нибудь сообщал об исчезновении одной девушки по фамилии Гэрин? Она тоже была сиделкой у Сэлзера.

Он почесал свой мясистый нос и покачал головой.

— Не-а. Еще одна сиделка Сэлзера, говоришь?

— Да. Славная девушка — такое тело... но, может, ты уже староват, и тела тебя не волнуют.

Брэдли подтвердил, что для таких дел он несколько староват.

— Впрочем, от нее тебе было бы мало проку, — сказал я. — Она мертва.

— Ты хочешь навести меня на какую-то мысль или просто умничаешь? — спросил он с ехидцей.

— Я слышал, миссис Сэлзер пыталась похитить ее из квартиры. Девушка упала с пожарной лестницы и сломала шею. Миссис Сэлзер положила ее где-то в пустыне, вероятно, неподалеку от санатория.

— Кто тебе сказал?

— Одна старушка, балующаяся с хрустальным шаром.

Он уставился на меня пустым взглядом.

— Об этом лучше скажи Брэндону — работа для отдела по расследованию убийств.

— Это лишь подсказка, браток, а не доказательство. Брэндон любит факты, а я, вероятно, еще не готов представить их ему. Я говорю тебе, потому что ты, при желании, можешь направить эту информацию по соответствующим каналам, а меня впутывать не будешь.

Брэдли вздохнул, увидел, что трубка погасла, и потянулся за спичками.

— Вы молодые ребята, слишком хитрые, — сказал он. — Ну что ж, я передам ее моему почтовому голубю. Насколько она правдива?

— На все сто процентов. Как ты думаешь, почему миссис Сэлзер приняла яд?

Вошел клерк и положил папку на стол и медленно удалился. Вероятно, мозг у него работал так же быстро, как и ноги.

Брэдли развязал ленточки и открыл папку. Мы оба несколько секунд отупело смотрели на десяток сложенных листков чистой бумаги.

— Какого черта... — заговорил Брэдли, и его лицо налилось кровью.

— Спокойно, — сказал я, протянул руку и потыкал в эти листки пальцем — всего лишь пустые листки, ничего больше.

Брэдли нажал на кнопку звонка большим пальцем и не отпускал ее.

Вероятно, клерк почуял беду, потому как появился довольно быстро.

— Что это такое? — спросил Брэдли. — Что это еще за игрушки?

Клерк вытаращился на пустые листки.

— Не знаю, сэр, — сказал он, изменившись в лице. — Папка была завязана, когда я взял ее из вашей корзины для исходящих бумаг.

Брэдли тяжело вздохнул, хотел было что-то сказать, но передумал и махнул рукой на дверь.

— Убирайся, — сказал он.

Клерк ушел.

После небольшой паузы Брэдли сказал:

— За это я могу поплатиться местом. Этот подонок, должно быть, подменил бумаги.

— Ты хочешь сказать, он забрал содержимое папки, а это подложил для видимости?

Брэдли кивнул.

— Вероятно. Когда я ее ему дал, там была фотография, описание и наш доклад о проделанной работе.

— Никаких копий?

Он покачал головой.

Я немного подумал.

— Тот парень, что попросил папку, — сказал я, — он был высокий, темноволосый, мощного телосложения — вроде кинозвезды?

Брэдли уставился на меня.

— Да. Ты его знаешь?

— Я его видел.

— Где?

— Ты намерен вернуть эти бумаги?

— Разумеется. Что ты хочешь этим сказать?

Я встал.

— Дай мне срок до девяти утра, — попросил я. — Я либо их доставлю тебе, либо человека, который их взял. Я работаю над одним делом, Брэдли, и не хочу, чтобы в него вмешивался Брэндон. Тебе ведь необязательно докладывать о пропаже до утра, правда?

— Да о чем ты хоть говоришь? — спросил Брэдли.

— Завтра к утру, если ты будешь сидеть тихо и держать рот на замке, я доставлю тебе либо бумаги, либо этого мужчину, — сказал я и направился к двери.

— Эй! Вернись! — закричал Брэдли, вскакивая на ноги.

Но я не вернулся. Я сбежал по лестнице к входу, где в «бьюнке» меня ждал Керман.

V

Нас было четверо: Майк Финнеган, Керман, я и маленький нервный парень в черной грязной фетровой шляпе с широкими опущенными полями, в грязной рубашке без пиджака и засаленных плотных белых хлопчатобумажных брюках. Мы сидели в задней комнате бара Дельмонико, на столе стояла бутылка шотландского виски и четыре стакана, в воздухе — хоть топор вешай от табачного дыма.

Малыша в грязной шляпе звали Джо Декстер. Он занимался перевозками и снабжением судов, стоявших на якоре в гавани. Финнеган утверждал, что он его друг, но, судя по тому, как он себя вел, вы бы ни за что об этом не догадались.

Я изложил ему свое предложение, и сейчас он сидел, вытаращившись на меня, словно на сумасшедшего.

— Простите, мистер, — сказал он наконец. — Этого я не сделаю. Это может погубить мое дело.

Керман раскачивался на стуле, в губах сигарета, глаза закрыты. Он открыл один глаз и сказал:

— Кого волнует какое-то там дело? Тебе надо расслабиться, браток. В жизни столько интересного, не одним же бизнесом заниматься.

Декстер с мольбой повернулся к Майку.

— Не могу я этого сделать, — сказал он — «Шхуна-Мечта» один из моих лучших клиентов.

— Ей уже недолго осталось, — сказал я. — Не отказывайся от денег, пока тебе их дают. На этой сделке ты заработаешь сто долларов.

— Сто долларов! — лицо Декстера исказилось в усмешке. — Шеррилл каждый месяц платит мне гораздо больше: постоянный доход. Нет, ребята, я пас.

Я сделал знак Майку относиться к этому спокойно. Он напряженно подался вперед, уже готовый разругаться.

— Слушай, — сказал я Декстеру, — тебе только и нужно, что доставить сегодня вечером на борт ящик с припасами. Сделай — и ты получаешь сотню. Что тебя пугает?

— А в этом ящике будете вы, — сказал Декстер. — Нет уж, спасибочки. Без разрешения на судно никого не пускают. Если вас поймают — а вас поймают, — они поймут, что тут не обошлось без меня. Самое меньшее, что сделает Шеррилл, это прикроет мой счет. Скорее же всего, он пошлет кого-нибудь, кто проломит мне череп. Нет, ребята, я пас.

Вновь наполнив стаканы, я взглянул на часы. Была уже половина восьмого. Время шло.

— Послушай, Джо, — сказал Майк, — этот парень — мой друг, понимаешь? Он хочет попасть на борт судна. И если он хочет попасть на борт, он на него попадет, понимаешь? Шеррилл не единственный, кто может кому-то там проломить череп. Ты сделаешь эту работу или мне придется тебя заставлять?

Керман вытащил кольт 45-го калибра и положил на стол.

— А когда он с тобой разделается, начну я, — заявил он.

Декстер посмотрел на кольт и съежился под сосредоточенным взглядом Майка.

— Вы что, ребята, грозите мне, что ли? — тихо просил он.

— Даю тебе десять секунд, — спокойно ответил Керман, — прежде чем мы что-нибудь начнем по-настоящему.

— Не дави на парня, — сказал я и вытащил из бумажника десять десятидолларовых банкнотов. — Ну, бери свои деньги и давай пошевеливайся. Шерриллу конец. К утру им займутся фараоны. Не отказывайся от денег, пока их тебе дают.

Декстер поколебался, затем все-таки взял банкноты.

— Ни для кого другого я бы этого не сделал, — сказал он Майку.

Мы допили виски, отодвинули стулья от стола и вышли к причалу. Стояла тихая душная ночь, небо грозило дождем. Далеко на горизонте я видел огни «Шхуны-Мечты». Мы прошлепали по переулку к пакгаузу Декстера. Он был погружен во тьму. Когда Декстер отпер и толкнул дверь, в нос нам ударил запах смолы, нефти, сырой одежды и резины.

Склад был большой, заваленный ящиками, мотками веревки и узлами, завернутыми в толь и ожидающими отправки на судна, которые стояли на якоре за гаванью. Посреди пола стоял пятифутовый квадратный упаковочный ящик.

— Вот он, — мрачно сказал Декстер.

Мы занялись распаковкой ящика.

— Мне нужен молоток и долото, — обратился я к Декстеру.

Пока он ходил за инструментами, Керман сказал:

— Ты уверен, что это надо сделать?

Я кивнул.

— Если хоть немного повезет, у меня будет почти полчаса в запасе, до того, как они прибудут меня встречать. За это время можно много сделать. Когда вы с Майком подъедете к девяти, я что-нибудь устрою, чтобы дать вам возможность взобраться на борт. После этого каждый действует самостоятельно.

Подошел Декстер с инструментами.

— Заколачивайте поосторожней, — сказал я Керману. — Я хочу выбраться быстро.

Майк махнул Декстеру, чтобы тот ушел.

— Тут мы сами управимся, корешок. Иди посиди вон там, да, смотри, хорошо себя веди.

Ему не хотелось, чтобы Декстер видел, как Керман вытаскивает пулемет системы «Стена» из чемодана. Под прикрытием плотной фигуры Майка Керман положил пулемет на дно ящика.

— Места тут достаточно, — сказал он мне. — Ты уверен, что не хочешь, чтобы вместо тебя поехал я?

Я влез в ящик.

— Ты приедешь с Майком в девять. Если на лодке Шеррилла будет больше одного человека, а ты решишь, что не сможешь с ним справиться, тогда тебе придется приехать одному. Во всяком случае, они подумают, что ты — это я. Если услышишь пальбу на борту, возьми Миффлина и кучу фараонов и приезжай драться. О'кей?

Керман кивнул. Он казался очень встревоженным.

— Майк, ты поедешь с Декстером, — продолжал я. — Если он забудет свою роль, стукни его по башке и выкинь за борт.

Злобно нахмурившись, Майк сказал, что именно это он и сделает.

Когда Керман поставил крышку, в ящике оказалось достаточно места, чтобы я мог сидеть, подтянув колени к подбородку. Воздух проникал через щели в соединениях досок. Я полагал, что сумею выбраться примерно за минуту.

Керман прибил крышку гвоздями, и втроем они подняли ящик на тележку для мешков. Дорога до причала была довольно неровная, я нахватал синяков, прежде чем они погрузили ящик в лодку Декстера.

Заработал подвесной мотор и, пыхтя, повез нас в море. В щель ящика прорывался крепкий ветер. Лодка, прокладывая путь, ныряла и подпрыгивала на волнах, что было не очень приятно.

Прошло несколько минут, затем Майк прошептал, что мы плывем вдоль корпуса «Шхуны-Мечты».

Откуда-то раздался голос, последовала перебранка между лодкой и судном. Кому-то, похоже, очень не хотелось выгружать ящик в такой поздний час. Декстер сыграл хорошо. Он заявил, что назавтра ему надо проведать больного брата и что, мол, если ящик не возьмут на борт сейчас, то им придется ждать еще сутки с лишним.

Человек на судне крепко обложил Декстера и велел оставаться на месте, пока он опустит деррик.

Майк, шепча в одно из отверстий в ящике, информировал меня о происходящем.

Вскоре ящик резко дернулся и пошел вверх. Я подготовился к жесткой посадке. И она была жесткой, можете не сомневаться. Ящик с грохотом опустился куда-то в недра судна, отчего у меня затрещали все кости.

Человек, обругавший Декстера, обругал его снова. Его голос прозвучал совсем рядом, затем хлопнула какая-то дверь, и я остался один.

Я ждал, прислушиваясь, но ничего не услышал. Немного погодя решил, что могу спокойно выбраться. Я взял долото и принялся за дело. Мне понадобилось меньше минуты, чтобы выбраться из ящика. Я оказался в кромешной тьме. Там стоял такой же запах, как и в пакгаузе Декстера, и я догадался, что нахожусь в трюме судна.

Я вытащил фонарик и посветил. Огромный подвал оказался забит припасами, спиртным и бочками с пивом. Кругом царила тишина. В дальнем конце подвала была дверь. Я прошел к ней, отодвинул в сторону на пару дюймов и увидел перед собой узкий, хорошо освещенный коридор.

Пулемет я прижимал к боку. Я не хотел его брать, но Керман настоял на этом. Он заявил, что с пулеметом мне не страшны и полкоманды. Я лично в этом сомневался, но взял его не столько ради того, чтобы успокоиться самому, а чтобы успокоить Кермана.

Я бочком направился по коридору к стальной лестнице, которая находилась в дальнем конце и которая, как я догадывался, ведет на палубу.

Добравшись до половины коридора, я резко остановился. На лестнице появилась пара ног в белых тренировочных брюках. Секундой позже передо мной предстал матрос с раскрытым от удивления ртом.

Он был здоровый пареиь, почтн такой же здоровый, как и я, и крепкий с виду. Я направил на него пулемет и оскалился. Руки у него так быстро подскочили вверх, что он содрал кожу на суставах, ударившись о низкий потолок.

— Только вякни, и я сделаю из тебя решето, — прошипел я.

Он стоял иеподвижно, уставившнсь на пулемет, челюсть у него отвисла.

— Повернись, — приказал я.

Он повернулся, и я стукнул его прикладом по затылку.

Когда он падал, я схватил его за рубашку и тнхонько опустил иа пол.

Теперь следовало убрать его с глаз долой, пока не появился кто-ннбудь еще.

Рядом со мной оказалась какая-то дверь. Рискуя, я повернул ручку и заглянул в пустую каюту. Вероятно, это была его каюта, и он направлялся туда.

Я схватил его подмышки и затащил в каюту, потом закрыл и запер дверь иа задвижку. Быстро сняв с него одежду, сбросил свою н облачился в его форму. Яхтсменская кепка оказалась мне великовата, зато скрывала лицо.

Я засунул ему в рот кляп, закатал в простыню и связал простыию ремием и куском провода, который иашел в каюте. Затем взвалил его на койку, оставил пулемет рядом с ним, сунул свой револьвер за пояс брюк и пошел к двери.

Прислушавшись и ничего не услышав, я приоткрыл дверь и выглянул. Коридор был пуст, как разум мертвеца, и столь же тих. Я выключил свет, выскользнул из каюты и запер за собой дверь.

Часы показывали двадцать пять мииут девятого. До появлеиия Кермана оставалось всего тридцать пять минут.

Глава шестая

I

Я стоял в тени и смотрел вдоль лодочной палубы. Крепкий бриз трепал над головой кремово-красный навес. Вся палуба была покрыта тяжелым красиым ворсистым ковром, а от зелеио-красиых огней на леерах образовывалась нитка блестящих бнсеринок.

За мостиком я видел двух безупречно одетых моряков, стоявших под дуговыми лампами у сходен. На борт только что поднялись девушка в вечернем платье и двое мужчин в смокингах. Они пересекли палубу и скрылись в ярко освещенном ресторане, размещавшемся между мостиком и полубаком. В большие продолговатые окна я видел парочкн, танцующие под звуки саксофонов с сурдинкой и дробь барабанов.

Надо миой, иа мостиковой палубе, трое одетые в белое, висели над перилами, наблюдая за постоянным потоком прибывающих. Там наверху было темно, но я увидел, что один из них курит.

Меня никто не замечал н, быстро глянув по сторонам, я кинулся к спасательной шлюпке; подождал, послушал, снова осмотрелся, затем сделал быстрый тихий рывок в тень под мостик.

— Все едут и едут, — протянул надо мной чей-то голос. — Будет еще одна хорошая ночь.

— Да, — ответил ему другой голос. — Посмотрн на эту даму в красном платье. Посмотрн, какая у нее фнгура. Готов спорнть, что она...

Но я не стал дожидаться, чтобы услышать, о чем они спорят. Я боялся, что, глянув вниз, они увидят меня. Рядом со мной оказалась какая-то дверь. Я отодвинул ее на пару дюймов и посмотрел на нижнюю палубу. Где-то недалеко засмеялась девушка, засмеялась громким, резким смехом, н я невольно броснл взгляд через плечо.

— Вдрызг пьяная, — сказал один из мужчин на мостнке. — Вот такне женщины мне нравятся.

На борт только что поднялись трн девушки и трое мужчин. Одна из девушек была до того пьяна, что едва шла. Когда они направились к ресторану, я скользнул по лестнице на нижнюю палубу.

Там было темно и тихо. Я отошел от лестннцы. Свет появившейся из-за тонкого облака луны был достаточно яркий, чтобы я разглядел, что на палубе никого нет. Единственный источник света на палубе исходил от дальнего иллюмннатора, н он столь же резко бросался в глаза, как пятно от супа на венчальном платье невесты.

Осторожио и бесшумно я направился к иему, но на полдороге остановился. Впереди вдруг возникла белая фигура, двигавшаяся мне навстречу. Укрыться на палубе было совершенно иегде. Я отошел к перилам и оперся на них, а пальцы мои сомкнулись на рукояти револьвера.

Высокий широкоплечий мужчина в тельняшке и белых хлопчатобумажных брюках вошел в круг света от иллюминатора и вышел из иего, иаправляясь в мою сторону. Он прошел мимо, мурлыча себе под нос н даже не взглянув на меня, и взобрался по лестннце на верхнюю палубу.

Тяжело дыша, я снова направился к иллюминатору, остановился перед ним, быстро заглянул в каюту и чуть не вскрнкнул от радости — в кресле сидела Пола. Она читала журнал, на лице — легкая тревога. Она казалась такой красивой и потерянной. Я н рассчнтывал найти ее на этой палубе, так как полагал, что больше им ее просто негде спрятать, но не ожидал, что найду ее так быстро.

Я осмотрел дверь каюты — с наружной стороны она была закрыта на задвижку. Я отодвинул ее, повернул ручку и толкнул дверь. Она отворилась, и я вошел. Казалось, будто вошел в теплицу в разгар лета.

При виде меня Пола вскочила с кресла. Какое-то мгновение она не узнавала меня — я ведь был в белых брюках н яхтсменской кепочке, — потом вяло опустилась в кресло и попыталась улыбнуться. Радость в ее глазах была уже сама по себе достаточным вознаграждением за то путешествие, какое я проделал в упаковочном ящике.

— Как дела? — сказал я и улыбнулся. Не будь она такой чертовски сдержанной, я бы ее поцеловал.

— Хорошо. Тебе было трудно добраться сюда? — она попыталась придать голосу небрежный тон, но голос дрожал.

— Ничего, добрался. По крайней мере, пока что они не знают, что я здесь. Джек с Майком придут около девяти. Возможно нам придется плыть.

Она сделала глубокий вдох и встала.

— Я знала, что ты придешь, Вик. Но тебе не следовало приезжать одному. Почему ты не привел полицию?

— Вряд ли бы они со мной поехали, — сказал я. — Где Анона?

— Не знаю. Не думаю, что она здесь.

От жары в каюте я уже вспотел.

— Что произошло? Только побыстрей.

— Раздался звонок, и я пошла открывать дверь, — принялась рассказывать Пола. — Думала, это ты. Четыре «макаронника» втолкнули меня обратно в прихожую. Двое из них прошли в спальню, и я слышала, как Анона закричала. Двое других сказали, что они забирают меня на судно. Один из них угрожал ножом. Мне показалось, что он не преминет им воспользоваться, если только я дам ему малейший повод. — Она скорчила гримасу. — Мы спустились в лифте и вышли на улицу. Там ждала машина. Они затолкали меня в нее. Когда мы отъезжали, я увидела, как у моего дома остановился большой черный «роллс». Один из макаронников вышел, неся Анону на руках. И это белым днем. Люди просто глазели, но ничего не делали. Они положили ее в «роллс», и я потеряла ее из виду. Меня привезли сюда и заперли. Мне сказали, что, если я буду шуметь, мне перережут глотку. Это страшные люди, Вик.

— Я знаю, — я уже встречался с ними. Этот «роллс» принадлежит Морин Кросби. Вероятно, они отвезли Анону в ее дом на утесах... Около тебя кто-нибудь был?

Она покачала головой.

— Прежде чем мы уйдем, я хочу осмотреть судно. Возможно, Морин на борту. Как ты думаешь, будет безопасно, если ты пойдешь со мной?

— Если они обнаружат, что меня нет, то поднимут тревогу. Пожалуй, пока ты будешь заниматься своими делами, мне лучше остаться здесь. Ты ведь будешь осторожен, правда, Вик?

Я не знал, что делать: уйти с судна теперь, когда я нашел Полу, или прежде удостовериться, что Аноны и Морин нет на борту.

— Если их нет на этой палубе, я нигде больше искать не буду, — сказал я и отер лицо платком. — Меня лихорадит или в каюте слишком жарко?

— За последний час в каюте становилось все жарче и жарче.

— Как будто включили паровое отопление. Потерпи еще минут десять, детка, к тому времени я вернусь.

— Поосторожней, пожалуйста.

Я похлопал ее по руке, улыбнулся ей, выскользнул из каюты и пошел на корму.

— Что это ты, черт побери, тут делаешь? — спросил голос из темноты.

Я чуть не подпрыгнул от испуга.

Передо мной возник невысокий, крепко сбитый мужчина в кепочке яхтсмена. Лиц друг друга нам было не разглядеть, хоть мы и пристально всматривались.

— Сколько раз говорить вам, ребята, чтобы не заходили на эту палубу, — проворчал он и пододвинулся поближе.

Он чуть не врезал мне. Заметив его руку, я резко ушел в сторону, кулак скользнул мне по плечу. Я изо всех сил дал ему в живот, вышиб из него дух, и он согнулся, хватая ртом воздух. В этот момент я вмазал ему в челюсть.

Он упал на четвереньки, потом на спину. Я нагнулся над ним, схватил его за уши и стукнул головой о палубу.

Все это дело заняло несколько секунд. Потом притащил бессознательного мужчину в каюту Полы и бросил его на пол.

— Наткнулся на него. — Тяжело дыша, я склонился над ним и приподнял одно веко. Судя по всему он не скоро придет в себя.

— Спрячь его вон в тот шкаф, — сказала Пола. — Я за ним присмотрю.

Она была бледная, но совершенно невозмутимая. Сколько же нужно, чтобы вывести ее из себя?

Я протащил его по полу к шкафу. Мне буквально пришлось втискивать его, а дверь закрылась, только когда я принапег на нее всем телом.

— Уф-ф-ф! — сказал я и отер лицо. — Если только не задохнется, ничего с ним не случится. Тут прямо как в топке.

— Я и сама ничего не пойму. Даже пол горячий. Может, где-то пожар?

Я приложил руку к ковру — горячий, даже слишком. Потом открыл дверь каюты и дотронулся до досок палубы. Они оказались до того горячие, что я чуть не обжегся.

— Боже мой! — воскликнул я. — Ты права. Это чертово судно где-то горит. — Я схватил ее за руку и вытащил на палубу. — Здесь я тебя не оставлю. Детка, следуй за мной. Мы быстренько все осмотрим, а потом поднимемся на верхнюю палубу. — Я сверился по своим часам. Было без пяти девять. — Через пять минут подплывет Джек.

Когда мы шли по палубе, Пола сказала:

— Может, следует поднять тревогу? На судне ведь полно людей, Вик.

— Не сейчас. Чуть позже, — сказал я.

В дальнем конце палубы, у шпангоута, была дверь. Я остановился и, прислушавшись, повернул ручку и открыл дверь.

Там было жарче, чем в полыхающей печи. Это была симпатичная комнатка — большая, просторная, хорошо обставленная, полукабинет, полугостиная. Из одного большого окна открывался вид на пляжи Орчид-сити, из другого — на Тихий океан. Единственная настольная лампа отбрасывала лужицу света на стол и на часть ковра. Остальная часть комнаты была погружена во тьму. Сверху доносились звуки танцевальной музыки и мягкое шуршание движущихся ног.

Выставив перед собой револьвер, я вошел в комнату. Пола последовала за мной. Там стоял запах гари и дыма, и, подойдя к столу, я увидел, что ковер тлеет, а из-под обшивки вырывается дым.

— Горит прямо под нами, — сказал я. — Держись у двери. Пол может провалиться. Похоже, это кабинет Шеррилла.

Я принялся вытаскивать ящики стола, ища что-то, но толком не зная, что именно. В одном из нижних ящиков я нашел квадратный конверт. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы увидеть, что это пропавшее досье Анионы Фридлендер. Я сунул его в набедренный карман.

— О'кей, — сказал я. — Давай выбираться отсюда.

Пола сказала тихим-тихим голосом:

— Вик! Что это там такое... за столом?

Я заглянул за спинку стола. Там лежало что-то белое, что-то весьма похожее на человека. Я направил на него свет настольной лампы и в этот момент услышал, как Пола ахнула.

Это был Шеррилл. Он лежал на спине. Одежда на нем тлела, а его руки на горящем ковре были обожжены. Ему выстрелили в голову с близкого расстояния.

Пока я, наклонившись, смотрел на него, раздался какой-то шипящий звук, и два длинных языка пламени подпрыгнули с пола и лизнули его мертвое лицо.

II

Маленький «макаронник» стоял в дверях и улыбался. Тупоносый автоматический пистолет в его маленькой смуглой руке был нацелен мне в грудь. Темное уродливое личико блестело от пота, темные глазки пылали ненавистью. Он появился беззвучно, словно из воздуха.

— Дай-ка это мне, — сказал он и протянул руку. — То, что ты сунул в карман, — быстро!

Мой револьвер находился в моей руке у ноги. Я знал, что не успею вскинуть его и выстрелить, прежде чем «макаронник» пришьет меня. Левой рукой я вытащил досье из набедренного кармана. Пока я это проделывал, выражение ненависти в его глазах сменилось выражением животной жестокости. Палец на спусковом крючке напрягся. Все это я отметил про себя в какую-то долю секунды, понимая, что сейчас он выстрелит.

Пола швырнула стул, который с треском упал на пол между мною и «макаронником». Взгляд его переместился, а вместе с ним и его цель. Раздался выстрел, пуля пролетела в двух футах от меня. Не успел еще он отвести взгляд от стула, как заговорил мой револьвер. Три пули врезались ему в грудь. Его отбросило к стене, пистолет выпал, лицо страшно исказилось.

— Бежим! — сказал я Поле.

Она нагнулась, подхватила пистолет «макаронника» и прыгнула к двери. Бежа по полу, я прямо почувствовал, как он уходит у меня из-под ног. Послышался неожиданный громкий треск ломающегося дерева. Меня обдало жаром, как будто я бежал по раскаленным докрасна колосникам. Пол прогнулся и проломился. На одно жуткое мгновение я подумал, что уйду вниз вместе с полом, но закрепленный ковер продержался ровно столько, сколько мне было нужно, чтобы добраться до двери и выскочить на палубу.

У меня за спиной, в кабинете Шеррилла раздался страшный треск. Я успел увидеть, как мебель скользнула вниз в красную ревущую топку, но тут Пола схватила меня за руку, и мы вместе побежали по палубе.

Из горячих досок сочилась смола, дыму становилось все больше и больше.

Примерно с середины палубы кто-то выстрелил по нам из темноты. Пуля пробила деревянную перегородку у меня за спиной, и в одной из кают посыпались на пол осколки разбитого зеркала.

Я оттолкнул Полу, и тут же раздался еще выстрел. Я почувствовал, как пуля просвистела у самого виска. Судя по вспышке от выстрела, стреляли от спасательной шлюпки. Мне показалось, что я вижу неясные очертания фигуры, пригнувшейся у перил. Я дважды выстрелил, и второй выстрел достал его. Он, пошатываясь, появился из-за шлюпки и грохнулся на горячую палубу.

Мы снова побежали. Палуба уже была такая горячая, что жгла через подметки. Каким-то образом мы добрались до лестницы, ведущей на верхнюю палубу. Слышались пронзительные крики и звоны бьющегося стекла, перекрывавшие рев пламени.

Мы вылезли на верхнюю палубу. У парапета стояли мужчины и женщины в вечерних платьях и орали во всю глотку. Черное облако дыма окутало судно, и там было почти так же жарко, как и на нижней палубе.

Я видел, что три или четыре человека из команды пытаются сбить панику.

— Джек уже должен быть где-то здесь, — прокричал я Поле. — Держись рядом, давай пробираться к перилам.

Мы стали продираться через толпу. Какой-то мужчина схватил Полу и оттащил от меня. Не знаю уж, что ему взбрело в голову. Лицо у него дергалось, глаза дико сверкали. Потом он по-сумасшедшему вцепился в меня, я заехал ему в челюсть.

Одна девушка с оторванным верхом платья повисла у меня на шее и пронзительно закричала в лицо. От ее дыхания винными парами у меня чуть волдыри на коже не повскакивали. Я попытался оттолкнуть ее, но она стала меня душить. Пола оттащила ее и надавала ей по ушам. Девушка, шатаясь и визжа, как свисток паровоза, смешалась с толпой.

Наконец, мы добрались до перил. Целая армада небольших лодок сновала по воде. Море так и кишело ими.

— Эй, Вик!

Голос Кермана перекрыл рев, и мы увидели, что он стоит на перилах недалеко от нас, держась руками за навес и пинаясь, когда кто-нибудь из обезумевшей толпы пытался стянуть его оттуда.

— Сюда, Вик!

Я подталкивал Полу впереди себя. После упорной борьбы, в результате которой от платья на

спине у Полы почти ничего не осталось, мы, наконец, добрались до него.

Керман возбужденно прокричал:

— Вот это паника! Прежде чем это корыто затонет, все посходят с ума.

— Где твоя лодка? — задыхаясь, спросил я и оттолкнул с дороги пожилого повесу — он пытался перелезть через перила. — Спокойно, папочка, — сказал я ему. — Вода очень мокрая. Сюда сейчас столько лодок понаедет, всех заберут.

— Прямо здесь, — ответил Керман, указывая вниз. Он поднял Полу на перила, а я отгонял клиентов, которые хотели последовать за ней. Он поставил ее ноги на веревочную лестницу, свисавшую по борту судна, и она спустилась, как заправский моряк.

— Не для вас, мадам, — закричал Керман, когда какая-то девушка стала пробиваться к нему. — Это частная вечеринка. Попытайте счастья чуть дальше.

Девушка, истерически крича, бросилась на него и обхватила его за ноги.

— Господи, боже мой! — завопил он. — Вы же стащите с меня штаны! Эй, Вик, помоги мне! Эта дамочка сошла с ума!

Я вскочил на перила, а оттуда на лестницу.

— Я считал, тебе нравится, когда они с тебя стаскивают штаны. Прихвати ее с собой, раз она так к тебе привязалась.

Не знаю уж, как он от нее избавился, но не успел я опуститься в лодку, как и он скользнул вниз по лестнице и чуть не столкнул меня за борт.

— Спокойно, — сказал я и схватил его за руку, чтобы он не упал.

Майк завел подвесной мотор, и лодка стала отходить от судна. Нам пришлось лавировать — стоило посмотреть, сколько лодок понаехало к «Шхуне-Мечте». Ни дать ни взять второй Дюнкерк.

— Отличная работа! — сказал я, хлопая Майка по широкой спине. — Вы, ребята, рассчитали все очень точно. — Я оглянулся на «Шхуну-Мечту». Нижняя палуба была уже в огне, дым валил из ее боков. — Интересно, на сколько она была застрахована?

— Это ты ее поджег? — спросил Керман.

— Да нет же, дурашка! Шеррилл мертв. Кто-то застрелил его и поджег судно.

— Довольно дорогие похороны, — с отсутствующим видом сказал Керман.

— Да нет, если судно застраховано. Ты поговори с Полой. Я хочу взглянуть на это. — И я вытащил досье Аноны Фридлендер из набедренного кармана.

Керман протянул мне фонарик.

— Что это? — спросил он.

Не веря своим глазам, я уставился на первую страницу досье.

— Вик, — сказала Пола, — может быть, нам лучше решить, что мы будем делать?

— Что делать? Мы с Джеком отправляемся за Аноной. Ты расскажешь Миффлину о Шеррилле. Пусть он поскорее приедет к дому Морин Кросби на утесе. Сегодня все закончится.

Она уставилась на меня.

— А не лучше ли тебе повидать Миффлина?

— У нас нет времени. Если Анона в доме у Морин, ей грозит беда.

Керман наклонился ко мне.

— Что это за бумаги?

Я сунул досье ему под нос.

— Тут все написано, а Миффлин даже не посчитал нужным сообщить мне. У Аноны с 1944 года был эндокардит. Я же говорил вам, что они пытаются утаить шило в мешке. Ну, теперь-то оно вылезло.

— У Аноны — больное сердце? — разинув рот от удивления, спросил Керман. — Ты, вероятно, имеешь в виду Джэнет Кросби?

— Ты послушай, как они описывают Анону, — сказал я. — Рост пять футов, темноволосая, карие глаза, пухленькая. Пошевели мозгами.

— Но это же не так. Она высокая и светловолосая, — сказал Керман. — О чем ты говоришь?

Пола догадалась первой.

— Это не Анона Фридлендер. Так ведь, да?

— Ну конечно, не Анона, — возбужденно сказал я. — Неужели непонятно? Именно Анона умерла в Крестуэйз от сердечной недостаточности! А девушка в санатории Сэлзер — Джэнет Кросби!

III

Мы стояли у подножия почти отвесного утеса и смотрели вверх в темноту. Далеко в море ярко горела «Шхуна-Мечта». В ночное небо поднялось грибообразное облако дыма.

— Залезть туда, наверх? — сказал Керман. — За кого ты меня принимаешь — за обезьяну?

— Эту проблему тебе лучше обсудить с твоим отцом, — ответил я, улыбаясь в темноте. — Другого пути нет. Парадный въезд нам заказан. Там двое автоматических ворот и вся колючая проволока, какая только есть в мире. Для нас это единственный вариант, если мы хотим попасть в дом.

Керман отступил назад, чтобы получше разглядеть отвесную стену.

— Не меньше трехсот футов, — с подобострастием в голосе сказал он. — И с каким удовольствием я буду преодолевать каждый фут!

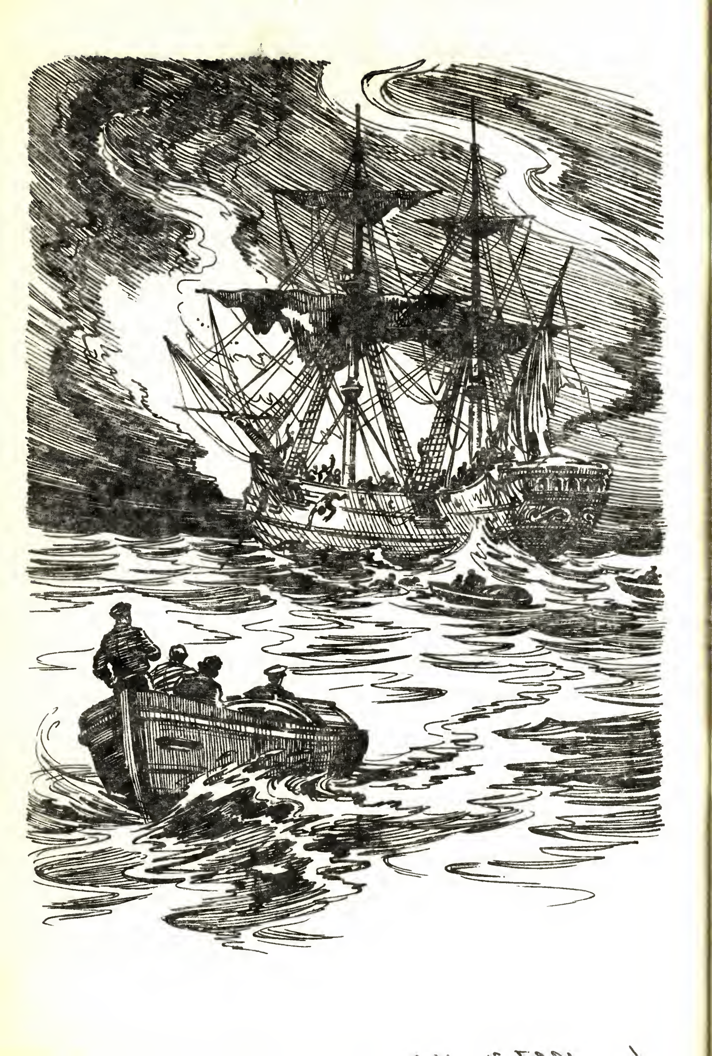
— Ну, полезли. Давай хотя бы попробуем.

Первые двадцать футов дались нам довольно легко. Громадные валуны образовывали нечто вроде платформы у подножия утеса, и взбираться по ним было довольно просто. Мы стали рядом на плоском камне, и я посветил фонариком вверх в темноту. Над нами вздымалась изрезанная, почти отвесная, стена утеса, а почти на самой вершине она выдавалась вперед, образуя, казалось, непреодолимый барьер.

— Тот кусочек мне особенно нравится, — сказал Керман, указывая пальцем. — Вон там, где он выдается. Вот будет весело перелезать через этот выступ: цепляться зубами и ногтями.

— Может, он не так страшен, как кажется, — ответил я, хотя он и мне не нравился. — Эх, будь у нас веревка...

— Будь у нас веревка, — мрачно сказал Керман, — я бы потихонечку ушел куда-нибудь и повесился. Все было бы проще.

— Возьми себя в руки, пессимист чертов! — резко сказал я и полез вверх. Я довольно легко находил опору для рук и для ног, но я сознавал, что, стоит мне один раз ошибиться, как придет конец не только моему восхождению, но и мне.

Пройдя футов пятьдесят, я остановился, чтобы отдышаться. Посмотреть вниз не решался. Малейшая попытка отклониться от отвеса нарушила бы равновесие, и мне пришел бы конец.

— Как у тебя дела? — спросил я, прижимаясь к скале и глядя вверх на усыпанное звездами небо.

— Лучше некуда, — со стоном ответил Керман. — Я удивлен, что все еще жив. Как ты думаешь, это действительно опасно или это всего лишь мое воображение?

Я переместил захват за каменный выступ и подтянулся еще на пару футов.

— Опасно только, если упадешь; тогда, наверное, даже фатально, — сказал я.

Мы продолжали подъем. Один раз я услышал, как вдруг посыпались камни, а Керман резко втянул в себя воздух. У меня волосы встали дыбом.

— Смотри поосторожней с этими камнями, — переводя дыхание сказал он. — Один из них отломился у меня под рукой.

— Хорошо.

Когда до верха оставалось примерно четверть пути, совершенно неожиданно, я наткнулся на четырехфутовый карниз, взобрался на него, прижался лицом к отвесу и попытался отдышаться. По шее и по спине у меня струился холодный пот. Знай я, что это окажется так трудно, я бы уж лучше попытался пролезть через ворота. Но теперь уже было слишком поздно. Взобраться-то наверх еще можно, зато совершенно невозможно спуститься вниз.

Керман присоединился ко мне на карнизе. Лицо у него блестело от пота, а ноги дрожали.

— Данный эксперимент отбил у меня всякую охоту к скалолазанию, — задыхаясь, сказал он. — Когда-то я был таким дураком, что думал, будто это очень здорово. Ты думаешь, перелезем через этот выступ?

— Да уж, черт возьми, лучше перелезть, — сказал я, вглядываясь в темноту. — Иного пути, кроме как лезть дальше, нет. Ты только представь, что пытаешься спуститься!

Я снова посветил фонариком. Слева над нами была расщелина шириной около четырех футов. Она шла вверх рядом с выступом.

— Видишь ее? — спросил я. — По ней можно подняться наверх, минуя выступ, если упираться ногами в одну ее сторону, а плечами в другую.

Керман глубоко вздохнул.

— Ну и идейки ты подкидываешь, — сказал он. — Это невозможно.

— А я думаю, возможно, — возразил я, глядя на стенки этой расщелины. — И я попробую.

— Не будь дураком! — в его голосе вдруг зазвучала тревога. — Ты поскользнешься.

— Хочешь попытаться влезть по выступу — пожалуйста. А я полезу здесь.

Я соскочил с карниза, нащупал опору для ноги, пошарил рукой по отвесу, пока не нашел, за что ухватиться, и снова полез вверх. Это была долгая и трудная работа. Проглядывавшая из-за облаков луна почти не помогала, большей частью приходилось все делать наощупь. Когда мои голова и плечи поравнялись с основанием расщелины, камень, на котором я стоял, обломился. Я почувствовал, что он движется, за какую-то долю секунды до того, как он-таки отломился, и я, в безумной попытке удержаться, бросил свое тело вперед. Пальцы мои, как крючья, уцепилиль за каменный гребень, и я повис.

— Спокойно! — истерически, как старушка, у которой загорелось платье, прокричал Керман. — Держись! Я с тобой!

— Оставайся на месте, — через силу ответил я. — Я только увлеку тебя вместе с собой вниз.

Я пытался отыскать опору для ноги, но носки туфель лишь скользили по отвесу. Тогда я попробовал подтянуться, поднять весь свой вес на кончиках пальцев, но это оказалось невозможно — продвинулся на пару дюймов, не более.

Что-то коснулось моей ступни.

— Спокойно, — умолял Керман подо мной. Он поставил мою ступню себе на плечо. — Обопрись на меня и лезь наверх.

— Я же столкну тебя вниз, дурак! — Я задыхался.

— Начинай. Я держусь крепко. Только не делай резких движений.

Больше мне ничего не оставалось. Очень осторожно я перенес вес своего тела на его плечо, затем уцепился пальцами за другой гребень.

— Лезу, — еле выдохнул я. — Хорошо?

— Да, — ответил Керман, и я прямо почувствовал, как он сжался.

Я подтянулся, скользнул наверх и оказался на дне расщелины. Полежал там, переводя дыхание, пока голова Кермана не появилась над карнизом. Тогда я подполз к краю и втащил его наверх. Мы лежали рядом, не говоря ни слова.

Немного погодя я нетвердо встал на ноги.

— Вот выпала нам ночка, — сказал я, прислоняясь к стене расщелины.

— Да уж, — произнес Керман. — Будет мне за это медаль?

— Лучше я куплю тебе выпить, — сказал я и, сделав глубокий вдох, прижался спиной к стене, а ногами уперся в противоположную. Оказывая давление на плечи и на ноги, я сумел удержаться в сидячем положении между двумя стенками.

— Вот так ты будешь подниматься? — в ужасе спросил Керман.

— Да. Это старый швейцарский способ.

— И мне тоже придется это делать?

— Если только не хочешь до конца дней своих остаться здесь, — безжалостно ответил я. — Иного не дано.

Я стал подниматься. Острые камни врезались мне в лопатки, работа шла медленно, но я постепенно продвигался. Если только мышцы ног не подведут меня, я вылезу на вершину. Ну, а если подведут, тогда я быстро полечу вниз и упаду на камни.

Я продолжал двигаться. Уж лучше так, чем пытаться преодолеть выступ. Проделав примерно треть пути, я был вынужден остановиться и

отдохнуть. В ногах было такое ощущение, как будто я пробежал сто миль.

— Как у тебя дела, дружок? — крикнул Керман, посветив мне фонариком.

— Ну, я еще по-прежнему цел, — с сомнением сказал я. — Подожди, пока доберусь до вершины, прежде чем сам попробуешь.

— Не торопись. Я никуда не спешу.

Я снова взялся за дело. Плечи у меня болели, ноги деревенели. Все выше и выше, дюйм за дюймом, зная, что назад дороги нет. Либо я выберусь наверх, либо упаду и разобьюсь.

Расщелина пошла на сужение, и я понял, что миную выступ. Подниматься стало труднее, колени постепенно подходили все ближе к подбородку, рычаг силы становился все меньше. И вдруг я остановился. Расщелина надо мной сузилась примерно до трех футов. Я вытащил фонарик и направил луч вверх. В пределах моей досягаемости прямо из камня рос какой-то карликовый куст. Справа был узенький карниз — верх выступа.

Сунув фонарик обратно в карман, я потянулся к кусту, ухватился за него поближе к корню и слегка потянул. Он удержал меня. Я перенес на него часть тела. Тогда, сделав глубокий вдох, я ослабил давление ног на стенку. Куст согнулся, но корень у него оказался хороший. Я чувствовал, как пот ледяным ручьем струится по спине; затем я качнулся к карнизу и свободной рукой поискал опору. Пальцы нащупали трещину — опора была не ахти какая, но она помогла мне обрести равновесие. Я висел, прижимаясь телом к стенке расщелины, правая рука сжимала куст, а левая впилась в узкую трещинку на уступе. Одно неверное движение — и я полечу вниз.

Очень осторожно я стал давить вниз правой и подтягиваться на левой. Поднимался я очень медленно. Наконец голова и плечи оказались над выступом. Когда грудь коснулась его края, я стал клониться вперед и так и повис совершенно обессиленный. Немного погодя я набрался-таки сил и поднялся еще на пару дюймов. Подтащив одно колено, поставил его на уступ и, сделав невероятное усилие, рванулся вперед. И вот я уже на уступе, лежу, распростершись на спине, ничего не чувствуя, кроме бешено колотящегося сердца и хриплого дыхания.

— Вик! — голос Кермана приплыл вверх по воронке расселины.

Я издал какой-то звук и подполз к краю.

— Ты в порядке, Вик?

Казалось, его голос звучит за много миль от меня, слабый шепот из тьмы. Глянув вниз, я увидел точку света, ходившую взад и вперед. Я и думать не думал, что залез так далеко, и при виде этого света у меня закружилась голова.

— Да, — крикнул я в ответ. — Дай мне минуту.

Немного погодя я отдышался и пришел в себя.

— Тебе сюда не взобраться, Джек, — крикнул я ему. — Придется подождать, пока я раздобуду веревку. Тут слишком опасно. Даже и не пытайся.

— А где ты ее раздобудешь?

— Не знаю. Жди меня там.

Я повернулся и направил луч света в темноту. Я находился примерно в тридцати футах от вершины. Остальная часть пути не представляла трудностей.

Следующие тридцать футов я практически шел. Вскоре я оказался у украшенного бассейна. Надо мной возвышался дом. В одном из окон горел свет.

И я направился к дому.

IV

На веранде, когда я туда добрался, никого не было, а кушетка-качалка казалась соблазнительно привлекательной. Мне так хотелось растянуться на ней и вздремнуть часиков двенадцать.

В большой гостиной горел торшер с желто-синим пергаментным абажуром. Стеклянные двери, выходившие на веранду, были открыты.

У начала ступенек на веранду я остановился при звуке голоса — женского голоса, который в тихую летнюю ночь звучал пронзительно громко. В нем были и злость, и едва сдерживаемая истерика:

— Да заткнись ты! Заткнись! Заткнись! Скорей приезжай. Хватит уже говорить. Просто заткнись и приезжай!

Я увидел ее: она стояла на коленях на одной из больших кушеток, крепко сжимая пальцами телефонную трубку. Свет от лампы падал на ее красивую голову, высвечивая различные оттенки в черных, как смоль, волосах. На ней были брюки бутылочно-зеленого цвета с высокой талией и того же цвета рубашка. Такие вот картины любит рисовать Варга. Она была женщиной его вкуса: длинноногая, с аккуратными бедрами, высокогрудая, очень живая и подвижная.

— Пожалуйста, перестань! — сказала она. — Зачем без конца повторять одно и то же? Приезжай и все. Больше от тебя ничего не требуется, — и бросила трубку на рычаг.

Я считал, что ситуация не требует от меня, чтобы я таился или прибегал к сверхутонченной хитрости, мне вообще было не до учтивости. У меня подкашивались ноги, все тело было в ссадинах, я еще как следует не отдышался и готов был вскипеть по малейшему поводу. Поэтому я протопал в комнату, даже не подумав ступать осторожно. Каждый мой шаг на паркетном полу отдавался миниатюрным взрывом.

Я увидел, как напряглась ее спина. Голова неторопливо повернулась, и она посмотрела на меня через плечо. Ее большие черные глаза широко открылись. Последовала пауза, за время которой можно было не спеша сосчитать до десяти. Она не узнала меня. Ее взору предстал здоровенный матрос в потрепанных белых брюках, порванных на месте колена, в рубашке, которую бы вернула любая прачечная (причем вернула бы с жалобой), и с лицом на котором было больше грязи, чем веснушек.

— Хелло, — спокойно сказал я. — Помните меня? Ваш дружок, Мэллой.

Тут она меня вспомнила. Она сделала глубокий вдох, оттолкнулась от кушетки и твердо встала на красивые ножки.

— Как вы сюда попали? — спросила она, а лицо и голос у нее были столь же невыразительны, как оборки на ее рубашке.

— Взобрался по утесу. Попробуйте сами когда-нибудь, когда нечем будет возбудиться, — сказал я, проходя в комнату. — И для фигуры хорошо — правда, с фигурой у вас все в порядке.

Она согнула большой палец и уставилась на него, затем, будто для пробы, его укусила.

— Вы же ее еще не видели, — заметила она.

— Ключевое слово в этом предложении «еще»? — спросил я, глядя на нее.

— Как знать. Это зависит от вас.

— Да что вы? — Я сел. — Выпьем? Я уже далеко не такой, как прежде. Вы обнаружите, что от виски мои рефлексы становятся лучше.

Она направилась через гостиную к горке.

— Это правда насчет утеса? — спросила она. — На него еще никто никогда не взбирался.

— Леандр еженощно переплывает Геллеспонт, а Геро и наполовину не была такой красивой, как вы, — небрежно сказал я.

— Вы хотите сказать, что действительно вскарабкались на него? — Она вернулась с высоким бокалом, полным виски со льдом. Виски выглядел гораздо соблазнительней, чем она, но я ей этого не сказал.

— Я вскарабкался на него, — произнес я, принимая стакан. — За ваши красивые черные глаза и за фигуру, которой я не видел — еще.

Она стояла рядом и смотрела, как я отпил сразу треть бокала. Затем, рукой, столь же неколебимой, как утес, о котором мы говорили, прикурила сигарету, вытащила ее из своего красного чувственного рта и дала ее мне.

Наши пальцы соприкоснулись. Кожа у нее была жаркая, как в лихорадке.

— Ваша сестра здесь? — спросил я и осторожно поставил виски на кофейный столик рядом.

Она снова задумчиво оглядела свой большой палец, потом посмотрела на меня уголком глаза.

— Джэнет мертва. Она умерла два года назад.

— С тех пор, как вы мне это сказали, я сделал уйму открытий, — возразил я. — Я знаю, что та девушка, которую ваша мать около двух лет держала в заточении в санатории, и есть ваша сестра Джэнет. Рассказать вам, что именно я знаю?

Она скорчила гримасу и села.

— Можете рассказать, если хотите, — сказала она.

— Частично это догадки. Возможно, кое-где вы меня поправите, — начал я, устраиваясь поудобнее в кресле. — Джэнет была любимицей вашего отца. И вы, и ваша мать знали, что большую часть денег он оставит ей. Джэнет влюбилась в Шеррилла, который тоже знал, что у нее будут деньги. Шеррилл был довольно эффектный парень, а такие в вашем вкусе. У вас с ним была тайная связь, но Джэнет узнала об этом и разорвала помолвку. Последовала ссора между вами двумя. Одна из вас схватила дробовик, а тут, весьма некстати, в комнате появился ваш отец. Кто его застрелил, вы или Джэнет?

Она закурила сигарету и бросила спичку в пепельницу, прежде чем ответить:

— Какая разница? Я, если вам непременно надо это знать.

— В это время в доме жила одна сиделка, Анона Фридлендер? Почему она там была?

— У моей матери было не все в порядке с головой, — небрежно ответила она. — Ну, и она считала, что и у меня тоже. Она убедила отца, что за мной нужно присматривать, и прислала сиделку Фридлендер шпионить за мной.

— Сиделка Фридлендер, когда вы застрелили отца, хотела позвонить в полицию?

Она кивнула и улыбнулась, но черных, как уголья, и совершенно невыразительных глаз улыбка не тронула.

— Мать заявила, что, если это станет известно, меня, вероятно, упекут в сумасшедший дом. Сестра Фридлендер стала возникать. Мать отправила ее обратно в санаторий и заточила там. Только так можно было заставить ее замолчать. Тогда Джэнет принялась настаивать на том, чтобы и меня изолировали, и матери пришлось согласиться. Она отправила меня сюда. Это ее дом. Джэнет думала, что я в санатории. Она узнала, что меня там нет, но она не знала, где я. Потому-то, я думаю, Джэнет написала вам. Она собиралась попросить вас найти меня. А тут от сердечного приступа умерла сиделка Фридлендер. Нельзя было упускать такую хорошую возможность. Мать с Дагласом перенесли тело в Крестуэйз. Мать сказала Джэнет, что я хочу повидать ее, и та пошла в санаторий. Ее заточили в палате сиделки Фридлендер, а сиделку Фридлендер положили в постель Джэнет. Довольно умная идея, правда? Я позвонила доктору Бьюли, который жил неподалеку. Ему и в голову не пришло, что мертвая женщина не Джэнет, и он подписал свидетельство о смерти. После этого все было очень просто. Опекуны ничего не заподозрили, и все деньги достались мне. — Она наклонилась, чтобы стряхнуть пепел с сигареты в пепельницу, и продолжала тем же ровным бесстрастным голосом: — О Дагласе я рассказала вам правду. Этот крысенок накинулся на меня, пытался шантажировать и вынудил меня купить «Шхуну-Мечту». Служанка Джэнет тоже меня шантажировала. Она знала, что Джэнет не умерла. Затем появились вы. Я подумала, что, если я сообщу вам хотя бы часть этой истории, это поможет отпугнуть Дагласа, но не тут-то было. Он хотел убить вас, но я ему не позволила. Отправить вас в санаторий была моя идея. Я и не думала, что вы утащите оттуда Джэнет. Как только я узнала, где она, я дала указание, чтобы люди Шеррилла доставили ее сюда.

— А застрелить отца сиделки Фридлендер тоже была ваша идея?

Она скорчила гримаску отвращения.

— А что мне еще оставалось? Если бы он сообщил вам, что у нее было больное сердце, вы бы догадались, что произошло. Я ударилась в панику. Я думала, если мы заставим его замолчать и выкрадем бумаги из полиции, то, даст бог, сможем жить дальше. Но теперь я вижу, что никакой надежды нет.

— Значит, Джэнет здесь?

Она пожала плечами.

— Да, она здесь.
— И вы пытаетесь принять решение, что с ней делать?
— Да.
— Есть какие-нибудь идеи?
— Возможно, и есть.
Я допил виски. Мне просто надо было выпить.
— Это вы застрелили Шеррилла и подожгли судно, правда?
— А вы многое узнали.
— Да что вы?
— О да. Я знала, что, если его поймает полиция, он тут же меня выдаст. Да и все равно он путался под ногами. Я с такой радостью подожгла это мерзкое судно. Я всегда его ненавидела. Оно хорошо горело?
Я ответил, что горело оно очень хорошо.
— Я все думаю о вас, — сказала она вдруг. — Мы не могли бы сработаться? Бессмысленно отдавать все эти деньги каким-то там старым ученым. Осталось почти два миллиона.
— И как же мы могли бы сработаться?
Раздумывая над тем, как мы могли бы сработаться, она укусила себя за большой палец.
— Понимаете, она моя сестра. Долго держать здесь я ее не могу. Если узнают, что она жива, я потеряю эти деньги. Было бы лучше, если бы она умерла.
Я промолчал.
— Я уже три или четыре раза заходила к ней с пистолетом, — продолжала она после долгой паузы. — Но каждый раз, когда я пытаюсь нажать на спуск, что-то меня останавливает. — Она уставилась на меня и сказала: — Я отдам вам половину денег.
Я погасил свой окурок.
— Вы хотите чтобы это сделал я?
Уж на сей раз эта ничего не выражающая улыбка достигла-таки ее глаз.
— Вы только представьте себе, что вы могли бы сделать со всеми этими деньгами.
— Но у меня же их пока нет.
— О-о, я их вам дам. Сейчас я вам выпишу чек.
— Как только я сделаю это, вы сразу же можете объявить чек недействительным, разве нет? А то и застрелите меня, как застрелили Шеррилла, — сказал я и посмотрел на нее, прикидываясь дурачком.
— Я не шучу, когда я что-то говорю. А когда даю обещание, выполняю его, — терпеливо сказала она. — К тому же, вы можете взять и меня.
— Да что вы? — Я попытался не дать ей почувствовать, что не испытал никакой радости. — Прекрасно. — Я встал. — Где она?
Она вытаращилась на меня, ее лицо оставалось по-прежнему невыразительным, но сверху на левой щеке задергался нерв.
— Вы это сделаете?
— Не понимаю, почему бы и нет? Дайте мне пистолет и скажите, где она.
— Разве вы не хотите, чтобы я сначала выписала чек?
Я покачал головой.
— Я вам доверяю, — сказал я, надеясь, что не слишком переигрываю со своим дурашливым взглядом.
Она указала на дверь в другом конце зала, напротив стеклянной двери.
— Она там.
— Тогда дайте мне пистолет. Надо обставить дело так, будто это самоубийство.
Она кивнула.
— Да, я тоже думала над этим. Вы... вы не причините ей боли?
Теперь уже в ее глазах появилось пустое, отсутствующее выражение. Ее разум, казалось, блуждает где-то в пространстве.
— Пистолет, — сказал я и щелкнул пальцами.
— Ах, да. — Она задрожала, нахмурилась, туманно оглядела комнату. — Где же он у меня? — Нерв у нее под кожей скакал, как лягушка. — По-моему, он должен быть у меня в сумке.
Сумка лежала на одном из кресел. Она направилась туда, но я ее опередил.
— Ничего, — сказал я. — Я сам возьму. Вы садитесь и расслабьтесь.
Я взял сумку и щелкнул застежкой.
— Не открывайте ее, Мэллой!
Я быстро повернулся.
В раскрытых стеклянных дверях стоял Манфред Уиллет. Автоматический пистолет в его руке был направлен на меня.

V

Морин пронзительно закричала.
— Дурак! Почему ты не подождал? Он бы это сделал! Глупый, безмозглый дурак!
Холодный взгляд Уиллета переместился с меня на нее.
— Разумеется, он бы этого не сделал, — кратко бросил он. — Ему нужен был твой пистолет. А сейчас успокойся, я сам во всем разберусь.
Она медленно повернулась ко мне. В ее черных глазах появился лихорадочный блеск.
— Разве бы вы этого не сделали? — спросила она. — Разве б не сделали?
Я покачал головой.
— Нет, — сказал я и улыбнулся ей.
— Все это зашло достаточно далеко, — сказал Уиллет, проходя в комнату. — Садитесь, — продолжал он, обращаясь ко мне. — Я хочу поговорить с вами. И ты тоже сядь. — Это уже к Морин.
Я сел, но она стояла неподвижно, уставившись на Уиллета, ее острые зубки грызли большой палец.
— Сядь! — сказал он и направил на нее свой пистолет. — Ты такая же сумасшедшая, как и твоя мать. Пора уже взять тебя под контроль.
Тут она улыбнулась и прошла к креслу, где прежде лежала ее сумка, села, закинула ногу на ногу и продолжала грызть большой палец.
Уиллет стоял перед пустым камином. Он держал пистолет на уровне бедра. На лице у него было суровое и одновременно тревожное выражение, а его взгляд то и дело перемещался с нее на меня и обратно.
— Где Джэнет? — спросил он.
Поскольку Морин ничего не сказала, я указал большим пальцем на дверь напротив стеклянной.

— Она говорит, что там.
— Она в порядке?
— Насколько я знаю.
Он несколько расслабился, но пистолет не опустил.
— Вы отдаете себе отчет, что при данном раскладе по-прежнему можно неплохо заработать, если вы объединитесь со мной? — спросил он. — Пока что мы еще в состоянии держать это дело под контролем. Я дал маху, предоставив ей такую свободу. Я и понятия не имел, что она настолько опасна. Знал, конечно, что она взбалмошная, как и ее мать, но считал их безвредными. Я бы принял меры и пораньше, но мне мешал Шеррилл. Теперь, когда он мертв, все гораздо проще. Теперь единственное препятствие — это вы. Вам хватит пятьдесят тысяч, чтобы держать рот на замке?
Я поднял брови.
— Она только что предложила мне миллион.
Он сделал нетерпеливый жест.
— Послушайте, это деловое предложение. Не будем тратить время. Миллиона у нее нет. Она бы вам все равно ничего не дала, даже если бы у нее было что дать. Страховку за «Шхуну-Мечту» она получить не может. Страховка достанется мне.
— А что будет с ней? — спросил я и бросил взгляд на Морин.
— Я помещу ее в сумасшедший дом. Альтернативы у нее нет, если только она не хочет, чтобы ее сдали в полицию и привлекли к суду за убийство. — Уиллет говорил тихо и быстро. — Все это можно сделать без особого шума. Джэнет вряд ли станет возражать. Я сумею убедить ее сделать то, что надо. Ей достанется все состояние. Мы с вами поделим страховку за «Шхуну-Мечту».
— Позвольте мне кое-что выяснить, — сказал я. — Уж не вы ли с самого начала замыслили этот небольшой заговор?
— Не будем в это вдаваться, — кратко бросил он.
— Это была его идея, — сказала Морин. — С самого начала. Он погряз в махинациях с опекунством. Джэнет узнала об этом. Именно он убедил маму заточить Джэнет в санаторий. Если бы не Даглас, он бы и меня упек куда-нибудь.
— Замолчи! — отрезал Уиллет, и лицо его стало жестким.
— Я догадывался, что примерно так и обстоят дела, — сказал я. — Я понимал, что тут обязательно замешан кто-то, имеющий отношение к опекунству. Я стал подозревать вас, когда вы выразили нежелание поставить об этом в известность других опекунов. А уж, когда Джэнет забрали из квартиры моей секретарши, так и вообще все понял. Кроме вас, меня и Полы, никто не знал, что Джэнет там.
— Да какое это имеет значение? — в нетерпении сказал он. — Если не Шеррилл да не эта вот сумасшедшая, все бы сработало. Но я принципиально против убийства. Как только они повели эту игру, я решил остановить ее. И ее можно остановить. Вы со мной или нет? Страховку мы поделим пополам.
— А что будет, если я не соглашусь?
— Я готов уехать отсюда, — сказал он. — Я бы не хотел уезжать, но уеду, если придется. Пока получу страховку, мне придется держать вас обоих здесь. Это нелегко, но можно устроить. Однако, если вы умный, вы пойдете со мной.
Я посмотрел на Морин.
— Неужто вам нечего на все это сказать?
— А что она может сказать? — в нетерпении возразил Уиллет. — Ей либо в лечебницу для душевнобольных, либо в тюрьму. Уж слишком она опасна, чтобы быть на свободе.
Я оставил его слова без внимания и повторил:
— Неужели вы ничего не хотите сказать?
Тут уж она улыбнулась, натянутой и жесткой улыбочкой.
— Нет. Зато я могу кое-что сделать.
Ее пистолет, должно быть, все это время был прижат к боку кресла. Выстрел прозвучал, как удар грома. От вспышки обшивка кресла загорелась.
Уиллет выронил свой пистолет и сделал два нетвердых шага вперед, сжимая руками грудь. Я увидел, как у него подкосились колени, и резко бросился со своего кресла к Морин через разделявшее нас узкое пространство. Я схватил ее за запястье, когда пистолет уже повернулся в моем направлении. Раздался выстрел, и я почувствовал, как вспышка обожгла мне щеку. Мы с ней повалились на пол. Я вырвал у нее пистолет, резко толкнул ее и встал на ноги.
— О'кей, о'кей, спокойненько, — сказал Миффлин от стеклянной двери, и они с Джеком Керманом вошли в комнату.
— Ты в порядке, Вик? — спросил Керман.
— Да. Вы все слышали?
— Слышали, — сказал Миффлин. — Он сильно пострадал? — И он направился к Уиллету.
— Смотрите за ней! — крикнул я и прыгнул вперед.
Морин уже метнулась к стеклянной двери. Я попытался схватить ее, но она оказалась слишком быстрой. Она выскочила на веранду и сбежала вниз по ступенькам террасы.
— Он мертв, — с отвращением сказал Миффлин, когда мы с Керманом выбежали за ней.
Мы добежали до первой террасы, — она же была уже на четвертой. Я схватил Кермана и потащил назад.
— Пусть, если она ему нужна, за ней гонится Миффлин, — сказал он.
Миффлин, громко топая по ступенькам террасы, спустился и присоединился к нам.
— Куда она побежала? — спросил он.
Я показал.
Она бежала быстро и уже была у нижней террасы. Миффлин направился было за ней, но остановился. Она бежала прямо к обрыву. Через несколько секунд достигла его и сорвалась вниз.
Несколько мгновений мы стояли неподвижно, прислушиваясь в ожидании, но ничего не услышали. Казалось, будто само пространство между вершиной утеса и морем разверзлось и поглотило ее.

— Для нее это лучший исход, — сказал я и повернул к дому. Меня подташнивало. Пусть она и была сумасшедшая, но все же была красивая, а мне всегда жаль, когда гибнет что-то красивое.

Когда мы добрались до веранды, я спросил:

— Ты покорил утес?

Керман кивнул.

— Я взобрался по выступу, — сказал он, нарочито дрожа. — Буду вспоминать об этом до конца дней своих. Тут где-то Пола. Она ищет Джэнет Кросби.

— Теперь уж придется объяснить ситуацию Брэндону, — сказал я, когда подошел запыхавшийся Миффлин. — То-то будет потеха.

— Разбилась вдребезги, — сказал Миффлин, вызверившись на нас. — Ну, умники, заходите, поговорим.

Мы зашли в дом и все ему рассказали.

СОДЕРЖАНИЕ

Общество "Книга"
Московская областная организация

ДЖЕЙМС ХЭДЛИ ЧЕЙЗ

ПОЛОЖИТЕ ЕЕ СРЕДИ ЛИЛИЙ

Подписано в печать 13.11.90. Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Набор машинописный.
Печ.л. 11,0. Усл. печ. л. 10,23.
Тираж 200000 экз. Заказ № 2403. Цена

Набрано в Центральном институте типового проектирования
(ЦИТП) Госстроя СССР. Отпечатано в Свердловском филиале ЦИТП

4 р. 70 к.